

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (75) — 2015

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Тел./факс в Иванове: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке
Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (75) — 2015

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ББК 63.3(2)622-284.3

О. А. Хасбулатова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

На основе документальных и статистических источников осуществляется гендерный анализ социальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны по направлениям профессиональной занятости женщин, семейной политики, образования, политики в сфере управления. Выявлено, что в этот период женщины были вовлечены во все отрасли народного хозяйства, от военной промышленности до сферы управления, и на практике доказали, что могут успешно трудиться во всех профессиях. В сфере общего образования и в системе подготовки научных кадров был осуществлен отход от эгалитарной концепции. В семейной политике были усилены государственные меры по ограничению суверенного развития семьи. В целом автор делает вывод о том, что в обозначенный исторический период государственная социальная политика в СССР отличалась гендерным практицизмом.

Ключевые слова: гендерная политика в сфере занятости, биодетерминистские тенденции в образовательной политике, государственная регламентация жизнедеятельности семьи, политика гендерного практицизма.

O. A. Khasbulatova. Soviet social policy during the Great Patriotic War, 1941—1945: gender aspect

The article is devoted to the gender aspect of social policy during the Great Patriotic War 1941—1945. On the base of the wide set of documents the author demonstrates the process of women getting involved in all spheres of economy with the exception of high-ranked positions in the government and army. The gender tendency in employment policy was the involvement of women to the professions which were traditionally considered male.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 3—10

© Хасбулатова О. А., 2015

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

The successful labor of women on the front and in the interior demonstrates that division of professions to “women’s” and “men’s” can be characterized as biological determinism. The family policy was the policy of the strengthening of the state regulation of family. The author shows that state policy in stimulating birth rate and strengthening family values was accompanied with limitations of family rights for its independent development. State education policy broke the principles of gender equality as well. In the public administration the gender policy was also determined by conditions of the war time. The author concludes that the essential trait of Soviet social policy during the Great Patriotic War was gender pragmatism.

Key words: gender in employment policy, tendencies of biological determinism in education policy, state regulation of family, policy of gender pragmatism.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. вписала героическую страницу в историю России, стала великим подвигом и колоссальным испытанием для всего населения страны. Реалии военного времени внесли существенные коррективы в социальную политику государства. Данная статья посвящена анализу гендерных аспектов социальной политики в обозначенный исторический период. Автором не ставилась задача осветить все стороны участия мужчин и женщин в борьбе с фашизмом. Этой теме посвящено большое количество научных, публицистических работ и художественной литературы. Цель статьи — обозначить тенденции изменения гендерной политики, вызванные условиями военного времени, дать оценку этим трансформациям с точки зрения комплексного подхода к проблеме равенства полов.

Гендерные аспекты занятости

Наиболее существенные гендерные изменения произошли в военный период в сфере занятости населения. Война коренным образом трансформировала ситуацию на рынке труда, породив колоссальную потребность в рабочей силе, поскольку большинство экономически активных мужчин были призваны в ряды Красной армии.

Средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась с 31,8 млн человек в 1941 г. до 18,4 млн в 1942 г. [Вещиков, 1995: 31]. Рабочие руки требовались практически во всех отраслях: в тяжелой промышленности, на оборонных заводах, на многих других предприятиях, работавших на нужды фронта, на строительстве оборонных сооружений. Это побудило ЦК КПСС активизировать работу по привлечению женщин, прежде всего домашних хозяек, к труду во всех отраслях, кроме работы на высших должностях в сферах государственного и военного управления.

13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве» [О мобилизации... , 1968: 64]. В Постановлении ЦК КПСС 1942 г. «О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта» отмечалось, что «ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественно полезного труда» [О Международном коммунистическом женском дне... , 1968: 87]. Только во втором полугодии 1941 г. в промышленность пришло свыше 500 тыс.

домохозяйек. К октябрю 1941 г. женщины составили 45 % всех рабочих страны. В целом за годы войны среди рабочих и служащих число женщин возросло на 15 млн человек и составило 56 % от числа работающих [Великая Отечественная война... , 1985: 270].

Главной тенденцией изменения ситуации в сфере занятости стало привлечение женщин к труду в тех профессиях, которые традиционно считались мужскими. Так, среди рабочих железнодорожного транспорта их удельный вес вырос с 25 % до войны до 42 % в 1945 г., в цветной металлургии — соответственно с 27 до 50 %, на предприятиях Наркомата боеприпасов они составляли более 50 % работающих [Опыт КПСС... , 1981: 108]. К концу войны более двух миллионов женщин работали в сфере военной промышленности [Женщины войны...].

Женщины совершали трудовые подвиги во всех отраслях промышленности. Например, в легкой промышленности они составляли 90 % работников [Великая Отечественная война... , 1985: 269]. В текстильной отрасли женщины не только стояли у ткацких станков, но и заменили мужчин в подразделениях, занимающихся снабжением, ремонтом оборудования, транспортировкой готовой продукции. Если накануне войны на текстильных фабриках среди помощников мастеров насчитывалось 7 % женщин, то в 1943 г. — более 50 % [Всероссийская книга памяти... , 1995: 287]. Так, в Ивановской области в текстильной промышленности было занято свыше 100 тыс. работниц. Их руками за период войны было изготовлено 3 млрд метров тканей, 2,7 млрд метров суровья. В целом ивановские текстильные предприятия были основными поставщиками тканей, давая стране 90 % их общего количества [Ивановский край... , 2010: 28].

В отраслях социальной сферы, как и раньше, большинство работающих составляли женщины: 62,6 % — в пищевой промышленности, 90 % — в легкой промышленности, 82 % — в органах здравоохранения, 77,8 % — в просвещении [Великая Отечественная война... , 1985: 269—270].

В годы войны женщины составляли 75 % работников сельского хозяйства, 55 % механизаторов МТС, 62 % комбайнеров, 81 % трактористов [Сельское хозяйство...]. Выработка трудней женщинами возросла за годы войны на 30,6 %, мужчинами — на 10 % [Мурманцева, 1979: 107].

На сельскохозяйственных работах создавались женские тракторные бригады. В 1942 г. 3480 тракторных бригад приняли участие в социалистическом соревновании, основным условием которого являлось выполнение тракторных работ не менее чем на 110 % и экономия горючего не менее чем на 3 % [там же: 108]. В Ивановской области женская тракторная бригада Юрьевоцкой машинно-тракторной станции в 1942 г. выполнила план весеннего сева на 156 %, сэкономив при этом 871 кг горючего [Ивановский край... , 2010: 35]. Тракторная бригада Даши Гармаш из Рыбинской области в течение рабочего дня вспахивала площадь, составлявшую почти пять полных норм. 1300 женских комсомольско-молодежных звеньев Воронежской области участвовали в соревновании за 100-пудовый урожай зерновых и добились высоких показателей [Мурманцева, 1979: 108—109]. Труженицы колхозов и совхозов успешно работали и в других отраслях сельского хозяйства: растениеводстве, животноводстве, овощеводстве.

Неоценим подвиг женщин — врачей, медсестер и санитарок — в годы войны. Вместе с войсками они шли по полям сражений, под смертельным

огнем выносили раненых с поля боя, круглосуточно трудились во фронтовых и тыловых госпиталях. Высшей награды — Золотой Звезды Героя Советского Союза — были удостоены 52 медицинских работника, из них 17 женщин [Международная встреча... , 2005: 11].

Тенденция вовлечения женщин в «мужские» профессии наблюдалась и на фронте. Женщины трудились в войсках связи, противовоздушной обороны, в военно-медицинских учреждениях, из их числа были сформированы три авиаполка, женская добровольческая стрелковая бригада, отдельный женский запасной стрелковый полк, Центральная женская школа снайперской подготовки и др. [Великая Отечественная война... , 1985: 27]. Плечом к плечу с мужчинами женщины служили в стрелковых частях и подразделениях минометчицами, снайперами, автоматчицами, ходили в разведку, выполняли обязанности связистов. За годы войны более 150 тыс. женщин за героизм и мужество, проявленные в боях, награждены боевыми орденами и медалями, из них 86 стали Героями Советского Союза, 4 — полными кавалерами ордена Славы [Женщины войны...].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны женщины на практике доказали, что могут плодотворно трудиться во всех профессиях. С точки зрения концепции гендерного равноправия эта тенденция заслуживает внимания. Она убедительно показывает, что сосредоточение в мирное время женщин и мужчин в разных отраслях экономики и разделение последних на «мужские» и «женские» не может быть оправдано биологическими особенностями полов.

Государственная семейная политика в годы войны

Семейную политику 1940-х гг. можно охарактеризовать как политику усиления государственной регламентации жизнедеятельности семьи. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. была увеличена государственная помощь семье, устанавливалось почетное звание «Мать-героиня», были учреждены орден «Материнская слава» и «Медаль материнства». Вводились дополнительные пособия при рождении третьего и последующих детей, одиноким матерям был увеличен размер пособия на воспитание детей [Об увеличении государственной помощи... , 1944].

Целью данного документа являлось стремление руководства страны стимулировать рождаемость, при этом заслуживает внимания четвертый пункт Указа, в котором одинокой матери разрешалось оставить рожденного ребенка в детском учреждении на воспитание и содержание полностью за государственный счет. За матерью сохранялось право взять обратно своего ребенка из детского учреждения. Этим документом государство санкционировало отказ матери от своего ребенка и учредило систему детских домов, где стали воспитываться дети, имеющие родителей.

В военный период были инициированы государственные меры, которые, по мнению руководства страны, должны были стимулировать рождаемость и укрепить семейные устои. Согласно названному выше Указу, юридические права и обязанности супругов порождал лишь зарегистрированный брак. Установление отцовства было запрещено как в судебном, так и в добровольном порядке. В свидетельстве рожденного вне брака ребенка в графе «отец» стоял прочерк. Был установлен новый, более жесткий, порядок развода, введены

две стадии судебного разбирательства: разбирательство с целью примирения в народном суде и решение дела по существу в вышестоящей судебной инстанции. В местных газетах стали публиковаться фамилии разводящихся. Был введен налог на бездетность на граждан, не имеющих детей, и налог на супругов, имеющих одного или двух детей. Его должны были уплачивать мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины в возрасте от 20 до 45 лет.

В средствах массовой информации данный документ подавался как выражение большой заботы и внимания партии и правительства к матери и ребенку. Следует отметить, что Указ сопровождался ростом учреждений материнства и младенчества. Несмотря на сложную финансовую ситуацию, за период войны число мест в дошкольных учреждениях достигло 800 тыс. [Ковригина, 1944: 12]. В сфере здравоохранения была развернута пропагандистская акция по обезболиванию родов, которая была постепенно свернута в послевоенный период.

Анализируя принимаемые государством меры в области семейной политики с точки зрения гендерного подхода, можно сделать вывод, что они носили противоречивый характер. С одной стороны, понятно стремление властных структур в условиях военного времени стимулировать рождаемость всеми возможными способами. С другой стороны, большинство из принятых мер ограничивали права семьи на суверенное развитие, а вместе с принятым ранее Указом о запрете абортов носили дискриминационный характер по отношению и к мужчинам, и к женщинам.

Тенденции в образовательной политике

Изменения в сфере образования были детерминированы условиями военного времени. В системе общего образования обязательным являлось семилетнее образование. Для учащихся, желавших получить среднее образование, обучение в старших классах средних школ было платным. Немногие учителя-мужчины ушли на фронт, поэтому учительство состояло преимущественно из женщин. Были приняты меры по повышению качества образования, в 1944 г. были введены экзамены на аттестат зрелости, пятибалльная система оценки знаний учащихся, за отличные знания выпускникам стали вручаться золотые и серебряные медали.

Что касается гендерных аспектов общего образования, то в этой политике тоже появились новые тенденции, а именно введение в 1943 г. отдельного обучения мальчиков и девочек. Руководствуясь идеей о том, что мальчики и девочки имеют разную физиологию, разные психологические особенности, партийные комитеты предлагали в крупных городах открыть мужские и женские школы, а педагогическим коллективам внести изменения в учебные планы. В контексте с государственными мерами по поддержке материнства данное нововведение можно оценить как усиление биодетерминистских тенденций в гендерной политике военного периода.

Участие мужчин в военных действиях отразилось на половом составе студентов вузов. За годы войны число девушек среди студентов увеличилось на 19 %, а на специальности в области сельского хозяйства — на 33 %, в области искусства и кинематографии — на 39 % [Мурманцева, 1979: 114]. В аспирантуре

подобных процессов не наблюдалось, поскольку прием в нее был практически свернут. В 1944 г. в аспирантуре обучалось 4890 человек, что составило 37,1 % от довоенного контингента [Сиверцева, 1995: 38].

Среди преподавателей с ученой степенью гендерная диспропорция носила выраженный характер. Профессорский корпус насчитывал 197 женщин и 6422 мужчины, что составляло соответственно 3 и 97 %. Среди доцентов женщины составляли 11,2 % [там же: 43].

Анализ мер, принимаемых властными структурами в сфере образования, показывает, что их действия были обусловлены двумя обстоятельствами: требованиями военного времени и возрождением биодетерминистского подхода к системе образования юношей и девушек.

Гендерная политика в сфере управления

Гендерная политика в сфере управления также детерминировалась условиями военного времени: женщины занимали руководящие посты, которые были освобождены мужчинами, ушедшими на фронт. Коммунистическая партия считала важным направлением своей деятельности выдвижение женщин на руководящую работу. В 1942—1943 гг. во всех обкомах и крайкомах КПСС были введены должности женорганизаторов, в горкомах и райкомах партии — должности инструкторов по женской работе, в колхозах создавались женсоветы.

На 1 октября 1944 г. женщины составляли 55 % в аппарате Верховных Советов и СНК союзных республик, 60,9 % — в аппаратах областных и краевых исполкомов, 76,5 % — в городских и районных Советах депутатов трудящихся [Мурманцева, 1979: 116—117]. В Удмуртии к июлю 1941 г. на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу было выдвинуто 403 женщины, что составляло 22,1 % всех руководящих работников против 9 % до войны. В Вологодской области число женщин среди партийных работников возросло в 5 раз и составило в 1944 г. 50 % всего состава партийных работников. В Калининградской области за три года войны на руководящую работу было выдвинуто 12 270 женщин. В Москве в составе ответственных работников райкомов партии женщины составляли 68 % [там же: 112].

За годы войны количество коммунисток в рядах ВКП(б) увеличилось с 14,9 % к общему числу коммунистов страны в 1941 г. до 18,7 % в 1946 г., т. е. всего на 3,8 % [там же: 111]. В литературе советского периода данный показатель трактовался как большое достижение партии по политическому воспитанию женщин. Однако, как известно, принадлежность к Коммунистической партии была обязательным условием в кадровой политике партии при выдвижении на руководящую должность. Поэтому при таких невысоких темпах роста числа женщин-коммунистов нет оснований отнести эту политику к целенаправленной деятельности органов власти по повышению роли женщин в сфере управления.

Таким образом, гендерный анализ социальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод, что она отличалась гендерным практицизмом.

В этот период в силу исторической необходимости женщины были вовлечены во все отрасли народного хозяйства, от военной промышленности до сферы

управления, и на практике доказали, что могут успешно трудиться в любых профессиях. Тем самым был развенчан миф о биологической предрасположенности полов к той или иной профессии. Вместе с тем есть основания утверждать, что положительная динамика в процессе профессиональной самореализации женщин носила временный характер, была обусловлена потребностями военного времени, отвлечением мужчин на защиту страны от фашистских захватчиков. В то же время, решая задачу пополнения трудовых ресурсов за счет женщин, органы власти способствовали профессиональному росту женщин, заложили основу для их профессиональной занятости в послевоенный период.

В области гендерной образовательной политики 1940—1945 гг. при сохранении юридической основы равноправия полов был осуществлен отход от эгалитарной концепции в системе общего образования, сохранилась гендерная асимметрия в системе подготовки научных кадров.

Государственные меры в области семейной политики носили противоречивый характер. С одной стороны, в области охраны материнства и детства имели место положительные тенденции: за годы войны возросло число акушерско-гинекологических кабинетов и число мест в дошкольных учреждениях, увеличился размер пособия многодетным матерям. Учреждение государственных мер поддержки материнства, открытие домов ребенка для детей, не имеющих отца, ужесточение процедуры развода преследовало цель повышения рождаемости, соответствуя концепции гендерного практицизма. С другой стороны, меры по стимулированию рождаемости сопровождались нарушением прав человека. Указ президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. стал еще одним звеном в цепи государственного закрепощения семьи и в совокупности с Постановлением ЦК ВКП(б) от 1936 г. о запрещении аборт демонстрировал жесткие ограничения прав семьи на суверенное развитие. Учреждение государственных наград за деторождение только матерям носило дискриминационный характер по отношению к отцам.

В целом можно сформулировать ряд тенденций трансформации гендерной политики в СССР в 1941—1945 гг.: привлечение женщин к труду в тех профессиях, которые ранее традиционно считались мужскими; биодетерминистские тенденции в образовательной политике в сфере общего образования; ужесточение государственных мер по регламентации жизнедеятельности семьи, которые фактически являлись нарушением прав и женщин, и мужчин. Исследования подтверждают, что в последующие исторические периоды обозначенные тенденции подвергались коррекции по ходу изменения взглядов партии и общества на проблему равноправия полов.

Библиографический список

- Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
- Вещиков П. И. Подвиг тыла // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 30—35.
- Всероссийская книга памяти, 1941—1945: обзорный том / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Наука, 1995. 585 с.
- Женщины войны 1941—1945 гг. URL: <http://mognovse.ru/jsx-jenshini-vojni-1941-1945gg.html> (дата обращения: 11.04.2015).

- Ивановский край в годы Великой Отечественной войны. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 62 с.
- Ковригина М. Забота о матери и ребенке — дело всего народа // Работница. 1944. № 8—9. С. 12.
- Международная встреча женщин-медиков военного поколения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 58 с.
- Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне, 1941—1945. М.: Мысль, 1979. 295 с.
- О Международном коммунистическом женском дне 8 Марта: Постановление ЦК КПСС // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917—1967: в 6 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 87.
- О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917—1967: в 6 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 64.
- Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Работница. 1944. № 8—9. С. 4—6.
- Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. 269 с.
- Сельское хозяйство во время Великой Отечественной войны. А ведь кормили фронт оставшиеся в тылу женщины и дети... URL: <http://liveinternet.ru>>Live_Memory (дата обращения: 11.04.2015).
- Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 35—44.

References

- Ivanovskii kraj v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny* (2010) [Ivanovo region during the Great Patriotic War], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kovrigina, M. (1944) *Zabota o materi i rebënke — delo vsego naroda* [Maternity care is the business of all people], *Rabotnitsa*, no. 8—9, p. 12.
- Kozlov, M. M. (ed.) (1985) *Velikaia Otechestvennaia voĭna: èntsiklopediia* [Great Patriotic War: encyclopedia], Moscow: Sovetskaia èntsiklopediia.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1995) *Vserossiiskaia kniga pamiati, 1945—1945: Obzornaia kniga* [All-Russia book of memory, 1941—1945: Panoramic volume], Moscow: Nauka.
- Mezhdunarodnaia vstrecha zhenshchin-medikov voennogo pokoleniia* (2005) [International meeting of women-medics of war generation], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Murmantseva, V. S. (1979) *Sovetskie zhenshchiny v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne: 1941—1945* [Soviet women in Great Patriotic War: 1941—1945], Moscow: Mysl'.
- Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa* (1981) [The experience of CPSU in the woman's question], Moscow: Mysl'.
- Sivertseva, N. L. (1995) *Velikaia Otechestvennaia voĭna i vysshaia shkola* [Great Patriotic War and high education], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 35—44.
- Veshchikov, P. I. (1995) *Podvig tyla* [Act of bravery of the interior], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 30—35.
- Zhenshchiny voĭny 1941—1945 gg.* [Women of war 1941—1945], available from <http://www.mognovse.ru/jsx-jenshini-vojni-1941-1945 gg.html> (accessed 11.04.2015).

ББК 63.3(2)622-72+81.411.2-51

О. В. Рябов

«ОТСТОИМ ВОЛГУ-МАТУШКУ!»: МАТЕРИНСКИЙ СИМВОЛ РЕКИ В ДИСКУРСЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Статья посвящена анализу образа Волги-матушки в дискурсе Сталинградской битвы. Автор характеризует методологические основания исследования, связанного с гендерным измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе. Затем речь идет о том, какое место представления о материнской природе Волги занимали в советской культуре 1920—1930-х гг. Анализируются формы и функции включения образа Волги-матушки в репрезентации военных событий.

Ключевые слова: образ Волги, «Волга-матушка», материнский символ, символическая политика, Сталинградская битва, Великая Отечественная война, военная пропаганда.

O. V. Riabov. “Let us defend Mother Volga!”: the maternal symbol of the river in the discourse of the Stalingrad battle

The article deals with the analysis of employing the symbol of Mother Volga in the discourse of the battle of Stalingrad. The author points out that the battle was represented in the Soviet propaganda as defending Mother Volga which served as a substitute of the Motherland.

The article begins with a discussion of the theoretical aspects of the nationalism study exploiting the maternal symbol of rivers. It then proceeds to sketch out the role of the views on the Volga as mother in the Soviet culture of 1920—1930s. Next, the article examines forms and functions of the Soviet propaganda’s employing the image of Mother Volga in the time of the battle of Stalingrad. The author demonstrates that using this image contributed to strengthening the Soviet identity; war mobilization; substantiating the idea of the Red Army’s military and moral superiority; and creating the image of the Enemy.

Above all, employing the image helped to maintain the collective identity, participating in the drawing symbolic boundaries between “us” and “them”: the Volga received a special status as a hypostasis of the Soviet Motherland.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 11—27

© Рябов О. В., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Then, the symbol was exploited by mobilization propaganda. The Volga was represented as a woman whose honour had to be protected by Soviet warriors. The motif of the foreign invasion of the USSR as desecration of the Volga and its pollution had the same connotation of meaning as a theme of dishonoring the native land. Meanwhile the call to protect the honour of the native land traditionally serves as one of the most important tool of war mobilization in Russia, appealing to male gender identity.

In addition, like Mother Russia, Volga was perceived as not only calling for help but also being an undefeatable force. It served as a factor of military superiority of the Soviet army, sending its sons, the Soviet warriors, into battle and participating in military operations.

Finally, the maternal symbol of Volga was employed in making the image of the Enemy, contributing to associating it with rape, aggression, treachery, danger, pollution, and weakness.

In conclusion the author summarizes the main results of the study and traces how the symbol of Mother Volga is employed in contemporary practices of commemoration.

Key words: the image of Volga, “Mother Volga”, maternal symbol, symbolic politics, the battle of Stalingrad, the Great Patriotic War, war propaganda.

*Памяти деда,
Василия Ивановича Козлова (1914—1942),
отдавшего жизнь за Родину*

Осенью 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, тиражом в 150 000 экземпляров был выпущен плакат В. Серова «Отстоим Волгу-матушку!» (ил. 1). Тем самым Сталинградская битва репрезентировалась как сражение за Волгу, которая при этом показана в образе матери. Материнский образ России является важным элементом репрезентаций войны в отечественной культуре. Родина-мать представлена в военном дискурсе как уязвимая, страдающая, взывающая о помощи, могущественная, непобедимая, сражающаяся; включение в военный дискурс женских аллегорий наций в таких значениях, заметим, распространено во многих культурах [Рябов, 2007]. Что касается образа реки в военной пропаганде, то это, очевидно, феномен более редкий.

Ил. 1

Цель статьи — анализ образа Волги-матушки в дискурсе Сталинградской битвы. Насколько распространенным он был в репрезентациях событий июля 1942 — февраля 1943 гг.? Какие функции он выполняет в военной пропаганде? Какими материнскими чертами при этом он наделяется? В какой степени материнские образы реки и страны коррелируют? Отвечая на эти вопросы, вначале я охарактеризую методологические основания исследования, связанного с гендерным

измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе. Затем речь пойдет о том, какое место представления о материнской природе Волги занимали в советской культуре 1920—1930-х гг. Наконец предметом анализа станут формы и функции включения образа Волги-матушки в репрезентации военных событий. Источники исследования включают в себя прежде всего советские текстовые и визуальные материалы, размещенные в июле 1942 — марте 1943 гг. в газетах «Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Литература и искусство».

Реки в дискурсе национализма: гендерное измерение

С древности и по сегодняшний день реки играют выдающуюся роль в жизни социума: они обеспечивают пищей и энергией, являются транспортными артериями и военными рубежами. Река по самой своей природе — один из заметных элементов коллективной идентичности, поскольку представляет собой естественную границу, которая и разъединяет сообщества, и связывает их. Напомним, что значимым элементом коллективной идентичности выступают как образы Своих и Чужих, так и символическая граница между ними¹. Особое место реки занимают в идентичности национального сообщества. Реки наделены антропоморфными чертами и представлены как самостоятельные персонажи в исторических нарративах нации. Они воспринимаются не только как маркер национального сообщества, но и как выражение «национального духа»². Образы рек включаются в произведения литературы и искусства, политическую риторику и военную пропаганду, коммерческую рекламу и брендинг территорий. Такое значение реки в идентичности нации обусловлено рядом факторов. Прежде всего это связано с особенностями позиционирования национального сообщества как естественного, природного. Поэтому природные объекты занимают в символическом пространстве нации заметное место. Реки, таким образом, выступают средством натурализации нации [Cusack, 2010: 190].

Кроме того, реки ассоциируются с плодородием и возрождением, символизируя жизнь [ibid.: 2], и тем самым позволяют использовать в нарративах нации материнскую метафору (скажем, великая индийская река носит название «Мать Ганга» [ibid.: 5]). Роль материнской метафоры и — шире — метафоры родства в легитимации нации исключительно велика [Smith, 1996: 22]. Аналогия с семьей — это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании природности национального сообщества [Tickner, 2001: 54].

¹ Символические границы, согласно концепции Ф. Барта, создаются при помощи специальных маркеров — элементов культуры, отбираемых самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих [Barth, 1969: 14]. Подробнее о символических границах см.: [Рябов, Константинова, 2011].

² См., напр., об образе Рейна как колыбели нации в германском национализме: [Lekan, 2004: 19].

По этой причине во многих странах получают распространение женские аллегории национальных сообществ [Mosse, 1996: 23, 64; Douglas et al., 1998: 67, 135; Landes, 2001; Hunt, 2003: 67; Эдмондсон, 2003; Gailite, 2013], одной из которых является «Россия-матушка».

«Волга-матушка» в советской культуре 1920—1930-х гг.

Важным элементом советской символической политики выступал материнский образ Волги, история которого берет начало в дореволюционной России. Представления о материнской природе реки характерны для культур многих народов, живших на ее берегах; так, Волгу называли матерью в татарской и ногайской культурах в XVII в. [Трепавлов, 1998: 43, 46]³. По мере колонизации Волги русскими материнский образ становился все более востребованным; инкорпорирование «Волги-матушки» в систему существовавших поэтических образов и символов выступило одним из способов русского освоения Поволжья [там же: 41]. В культуру Российской империи образ Волги включается прежде всего через поэзию (М. Ломоносов, А. Сумароков, Н. Карамзин, И. Дмитриев, А. Востоков, Ф. Глинка, А. Пушкин, Н. Некрасов, А. К. Толстой и др.) [Ратников, 2004; Hausmann, 2009; Зеленкова, 2013]. Особое значение для закрепления статуса национального символа Волги-матушки имело его присутствие в музыкальной культуре XIX в., в первую очередь в народных песнях, наибольшую известность из которых получили, пожалуй, «Эй, ухнем!» и «Ой ты, степь широкая». Новый этап развития представлений об исследуемом символе связан с появлением в середине XIX в. концепции «Волга — русская река»; в ее рамках происходит формирование системы образов Волги как главной реки Российского государства [Лескинен, 2013]. Дискурс национализма активно создает символы русскости, и образы Волги занимают среди них заметное место, появляясь в живописи и скульптуре, музыке и поэзии, травелогах и школьных хрестоматиях [Ely, 2003: 676—678; Cusack, 2010; Лескинен, 2013; Сарбаш, 2012]. В конце XIX — начале XX в. вышли несколько книг под названием «Волга-матушка» [Кафтырев, 1894; Благовидов, Шемякин, 1895; Тарапыгин, 1914]. Особое значение имел цикл статей В. Розанова «Русский Нил», опубликованный в «Русском слове» в 1907 г. Розанов, много писавший о «России-матушке» (и даже «России-бабушке»), не мог не затронуть проблему материнской природы великой реки [Розанов, 2015].

Специфика образа Волги в дореволюционной культуре связана с тем, что она выступала субститутом «России-матушки», придавая тем самым этому символу дополнительную легитимность. Подобно «России-матушке», этот образ нередко использовался в утверждении идей особости России, ее отличия от Запада,

³ В. Трепавлов оговаривается, что это не дает достаточных оснований для утверждения о том, что русские в процессе освоения Поволжья заимствовали тюрконогайский образ — хотя бы потому, что материнская метафора в русской культуре использовалась при характеристике и других рек [Трепавлов, 1998: 46]. Например, матушкой звали Оку (П. Боборыкин в очерке, посвященном селу Павлово-на-Оке, упоминает старинную павловскую песню «Ока-матушка» [Боборыкин, 1877: 104]) и Кострому [Хрящев, 1952: 15—17].

ее чуждости западным ценностям. Помимо того что Волга прямо маркировалась как мать и изображалась в визуальной культуре как женщина, ее восприятию в материнском облике способствовало и приписывание ей черт, которые ассоциировались с материнским началом: рождения, плодородия, кормления, заботы, защиты, милосердия, амбивалентности (подробнее об истории, содержании и функциях образа Волги-матушки в культуре России см.: [Riabov, 2015]). В целом этот образ соответствует тем чертам, которые являются устойчивыми для материнского архетипа [Neumann, 1963] и закрепленными за образом матери в отечественной культуре [Рябова, 1996; Рябов, 1999].

Поскольку Волга выступала как национальный символ России, то и восприятие ее во многом определялось отношением к национальному вопросу в тот или иной период, что, в частности, происходило в советское время. В 1920-е для значительной части большевиков было характерно нигилистическое отношение к национальным символам, включая «Россию-матушку» [Рябов, 2007: 174—179]. Однако «Волга-матушка» не была инкорпорирована в символический официоз Российской империи до такой степени; к тому же она нередко служила символом страданий народа, с одной стороны, и народного бунта как составной части революционного движения — с другой. Оборона Царицына, связанная с именем И. Сталина, и стройки первых пятилеток (Сталинградский тракторный завод (1926—1930), Горьковский автозавод (1929—1932), канал Москва — Волга (1932—1937)) также делали Волгу более близкой советской идеологии⁴. Важнейшим моментом семиотической советизации реки стала связь ее с именем В. Ленина, родившегося на Волге, в Симбирске. Эта идея была популярна на протяжении всего советского периода⁵.

Начало советского культа Волги относится к середине 1930-х — времени воскрешения дореволюционного образа России-матушки в облике советской Родины-матери [Рябов, 2007: 183—187]. Как отмечает Х. Гюнтер, Волга становится одним из центральных символов советской культуры второй половины 1930-х; фактически она выступает «заменителем» Родины-матери, наделяясь схожими чертами [Гюнтер, 1997]. Прежде всего это характерно для кинематографа и массовой песни — двух жанров, пожалуй, наиболее востребованных в пропаганде этого времени. Большую роль в создании образа Волги-матушки в советской культуре сыграла музыкальная комедия Г. Александрова «Волга-Волга», а также «Песня о Волге» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского) из фильма⁶. В этой песне Волга показана как символ бедствий народа, страдающего под царским гнетом. Вместе с тем подчеркивается преемственность советской

⁴ Заслуживает упоминания еще один аспект репрезентаций Волги в культуре 1930-х: она выступала символом природы, подчиненной в результате индустриализации советскому человеку [Zeisler-Vralsted, 2008: 74].

⁵ Е. Евтушенко в 1958 г., в одном из первых своих стихотворений, написал о Волге: «Как бы связуя времена, / Она — и Разин, и Некрасов, / И Ленин — это все она» [Евтушенко, 2015].

⁶ Нельзя не отметить и то, что река упоминается в едва ли не главной песне 1930-х — «Песне о Родине» (слова В. Лебедева-Кумача): «Всюду жизнь и вольно и широко, / Точно Волга полная, течет»; кроме нее, подобной чести среди географических объектов удостоена лишь Москва [Песня о Родине, 2015].

Ил. 2

«Волги-матушки» и дореволюционной, для чего акцентируется ее бунтарское, революционное начало: «Не сдавалась цепям и обманам / Голубая дорога страны — / Не задаром Степан с Емельяном / Вниз по Волге водили челны» [Песня о Волге, 2015]. Об интересе советской культуры к восприятию Волги в женском облике свидетельствует и следующий факт. В 1804—1810 гг. в Петербурге на стрелке Васильевского острова у подножия роstralных колонн были установлены две мужские и две женские скульптуры из пудостского камня, которые были задуманы как аллегории коммерции и морей. Однако в 1930-х утверждается другая интерпретация этих скульптур, согласно которой они символизируют реки страны: Днепр, Волхов, Неву и Волгу; с последней ассоциировалась женская фигура с рогом изобилия и кормилом [Лескинен, 2013: 3—4] (ил. 2).

«Волга-матушка» в советской пропаганде периода Сталинградской битвы

В период Великой Отечественной войны советская пропаганда придавала первостепенное значение символу Родины-матери [Рябов, 2007: 192—202]; он широко использовался во время Сталинградской битвы. Неудивительно, что и образ Волги-матушки выступал одним из важных элементов пропаганды. Можно выделить несколько форм его использования.

Прежде всего отметим привлечение этого символа в создание образов Своих и Чужих. Волга приобретает особый статус, выступая ипостасью советской Родины; защита ее становится обязанностью каждого советского воина. Так, в одной из статей, опубликованной в сентябре 1942 г., говорилось: «Мы ощущаем Волгу как место нашего рождения, даже если мы родились далеко от нее — в Москве или где-нибудь на Урале» [Лидин, 1942]. Помогало обоснованию уникальности статуса реки и обращение к ее географическому положению; в материале, посвященном сражениям в верховьях Волги, но появившемся в период Сталинградской битвы, показано ее объединяющее начало; она превращает различные регионы СССР в единый организм: «Сейчас Волга собирает все стоны и крики, несет их через всю страну и призывает к мести» [Ямпольский, 1942: 2] (см. также, напр.: [Полевой, 1942: 2]). Пропаганда актуализировала представления о Волге как реке, объединяющей различные национальности Советского Союза. В опубликованном в «Правде» в марте 1943 г. «Поздравительном письме татарам-фронтовикам от татарского народа» (его подписали более полутора миллионов человек) были такие слова: «Сегодня вместе с вами, встав по обычаю предков на берег Волги-матушки и целуя нашу кормилицу-землю, поклянемся: “ <...> Солнце

свидетель, родная Волга! Мы не вложим сабли в ножны до того дня, пока не освободим всей нашей родной земли...» [Поздравительное письмо татарам-фронтовикам... , 1943]⁷.

Таким образом, Свои представлены как дети Волги (например, в стихотворении Е. Долматовского «Разговор Волги с Доном», напечатанном в сентябре, она посылает в бой своих сыновей — советских воинов [Долматовский, 1942]). В свою очередь, Чужие — это те, кто является смертельной опасностью для Волги-матушки. 20 августа в «Комсомольской правде» было опубликовано обращение красноармейца А. Андреева, одного из защитников Сталинграда, озаглавленное «Дума о Волге», которое начиналось так: «Мы не имеем права отступить, не смеем допустить немца к Волге. Великая русская река для нас священна, и она останется незапятнанной. Россия без Волги — тело без души!» [Андреев, 1942]. В появившемся в начале сентября 1942 г. очерке «Сталинград» И. Эренбург пишет: «Сталинград — это Волга. Кто скажет, что значит Волга для России. Нет в Европе такой реки. Она прорезает Россию. Она прорезает сердце каждого русского. Народ сложил сотни песен о Волге матушке. <...> Неужели презренные немцы будут купать в ней своих лошадей, в Волге, в великой русской реке?..» [Эренбург, 1942a]. Обратим особое внимание на содержащийся в этих текстах мотив осквернения Волги, ее загрязнения, который имеет коннотации с темой бесчестия родной земли. Между тем защита чести родной земли всегда выступала одним из важнейших элементов мобилизации в России, апеллируя к гендерной идентичности мужчин⁸. Помимо культа героизма, силы и беспощадности как атрибутов мужественности, важнейшей дискурсивной практикой, делающей войну привлекательной, являются репрезентации воина как защитника [Yuval-Davis, 1997: 15; Tickner, 2001: 57]. Поэтому картины страданий Своих женщин (или страданий нации, которая символизируется женской, материнской фигурой) в качестве апелляции к гендерной идентичности Своих мужчин широко используются в военном дискурсе [Yuval-Davis, 1997: 94]. Особый модус подобных репрезентаций связан с созданием картин бесчестия или насилия, которым женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины⁹. Образ немца-насилльника занимал очень заметное место в советской пропаганде [Рябов, 2007: 194—195], в том числе и в период битвы на Волге (см., напр.: [Бивор, 1999: 142]). Данная тема затрагивалась даже в одном из приказов Верховного главнокомандующего; среди задач Красной армии названа и такая — «освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги» [Сталин, 1946: 36] (эти слова Сталина сопровождали изображение закованной в наручники советской

⁷ Любопытно, что в данном фрагменте письма использован текст из татарского эпоса «Идигей» (XVII в.), в котором «мать-река, полноводный Итиль» понимается как мать татарского этноса [Хабутдинов, 2015].

⁸ В частности, поругание русской земли расценивалось одновременно и как бесчестие для князя, как отмечает Л. Чёрная, анализируя представления об оппозиции «честь и бесчестие родной земли» в древнерусских текстах [Чёрная, 1991].

⁹ Заметим, что этот мотив является широко распространенным в военной пропаганде многих стран; см. подробнее: [Рябов, 2005].

Ил. 3

женщины на плакате Д. Шмаринова «Освободи!» (ил. 3)). В знаменитом же приказе «Ни шагу назад!» цель советских воинов определялась как «защита своей поруганной Родины» [Приказ НКО СССР... , 2015].

Восприятие иноземного вторжения как осквернения Волги нашло выражение и в таком источнике, как советский фольклор. В 1952 г. был издан сборник устного народного творчества под названием «Волга-матушка», в котором

содержались рассказы, записанные на территории Костромской области во время войны. Фашистская Германия в одном из рассказов была представлена в образе монстра, «одноглазого лиха клыкастого», которое «похваляется»: «Уж как я-то покорю землю русскую, / Волгу вольную иссушу до дна, / Всех людей во полон уведу, / Во темницы запру каменны...» [Хрящев, 1952: 31—32]¹⁰. Трактовка врагов советской Родины как тех, кто угрожает великой реке, появилась уже в «Песне о Волге»: «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы — / Не видать им красавицы Волги / И не пить им из Волги воды!» [Песня о Волге, 2015]¹¹. Опять-таки — Волга изображена как красавица, которой домогается иноземный мужчина¹².

Косвенным свидетельством эффективности привлечения образа Волги-матушки в мобилизационную пропаганду могут служить воспоминания участников тех боев. Например, легендарный герой Сталинграда, командующий

¹⁰ Другое произведение, «Сталин-победитель» (1946), созданное в жанре олонхо, героического якутского эпоса, повествует о том, как «черный шаман Гитлер» «хотел воды напиться из Волги» [Тимофеев-Терёшкин, 1952: 19].

¹¹ Показательно, что эти строки вспоминали защитники Сталинграда, объясняя свою решимость стоять насмерть; так, красноармеец К. Панфилов писал своей жене В. Панфиловой в г. Южу Ивановской области: «...врагу не видать красавицы Волги» [Сталинградская эпопея, 2000: 219].

¹² Еще раньше, во время Наполеоновских войн, появилось стилизованное под народную песню стихотворение А. Востокова «Российские реки в 1813 году» с образами свободных рек, смывших с русской земли позорные следы вражеского нашествия: «Беспечально теки, Волга-матушка, / Через всю святую Русь до синя моря, / Что не пил, не мучил тебя лютой враг, / Не багрил своею кровью поганую, / Ни ногой он не топтал берегов твоих / И в глаза не видал твоих чистых струй! / Он хотел тебя шлемами вычерпать, / Расплескать он хотел тебя веслами; / Но мы за тебя оттерпелися, / И дорого мы взяли за постой с него: / Не по камням, не по бревнам мы течем теперь, / Всё по ядрам его и по орудиям; / Он богатствами дно наше вымостил, / Он оставил нам все животы свои!» — / Так вещали перед Волгою-матушкой / Свободенные реки российские; / В их сонме любимы ее дочери / Ока с Москвой негодующей, / И с чадами своими сердитый Днепр, / Он с Вязьмой, с Волью, с Березиной, / И Двина терпеливая с чадами, / С кровавой Полотой и Улою. / Как возговорит им Волга-матушка: / «Исполать вам, реки святой Руси! / Не придет уж лютой враг нашу воду пить: / Вы славян поите, лелеете!» (см.: [Ратников, 2004: 56—66]).

62-й армией В. Чуйков в мемуарах, изданных в 1970-х гг., так описывает настроения советских воинов: «...у наших солдат, у командиров, в генералитете зрело... убеждение, что на этот раз враг будет остановлен... Сейчас почти невозможно с предельной точностью определить, где, когда, в какую минуту совершился духовный, психологический перелом в наших войсках в летне-осенней кампании 1942 года. То ли на подступах к матушке-Волге, словно бы почувствовав ее за спиной, подумал советский человек: не хватит ли, не довольно ли пятиться? “За Волгой земли нет!” То ли, уже испив волжской водицы, черпнув ее “шеломом”, остановился воин в раздумье: “Велика Россия! До Волги враг дошел. Куда же дальше?”» [Чуйков, 1972: 16—17]¹³. Схожие настроения отражены и в книге американского журналиста М. Хиндуса, изданной в 1943 г., которая имела цель познакомить американцев с тем, что представляет собой их союзник, Советская Россия. В этой книге, носящей красноречивое название «Россия-Матушка», одна из частей была озаглавлена «Волга-Матушка». В ней автор пересказывает разговор с лейтенантом Красной армии, который заявил: «Эти воды никогда не будут осквернены немецкими трупами. Это Волга»; как будто, комментирует журналист, речь идет не просто о реке, а о чем-то сакральном, куда чужим вход должен быть заказан [Hindus, 1943: 86]¹⁴.

Подобно Родине-матери, Волга не только взывает о помощи, но сама является грозной, непобедимой силой. Прежде всего она служит источником военного превосходства советских воинов. Например, в очерке «Русский Антей» Эренбург, отмечая, что немцы дошли до Волги, видит в этом в какой-то степени и положительный момент: «Припадая к земле, русский Антей находит новые силы, и он встает, он идет на врага, Антея не сразить» [Эренбург, 1942b]. Она является непосредственной участницей боевых действий, представляя собой такой же природный фактор победы, как пресловутый генерал Мороз. Дж. Хаббс показывает, что в русском фольклоре реки нередко выступают как одушевленные участники военных событий¹⁵, и мы можем видеть воскрешение фольклорных мотивов в дискурсе Сталинградской битвы. В упомянутом стихотворении Долматовского Волга заявляет: «Никогда, сколь помню, не сдавались / Реки русские врагам» [Долматовский, 1942]. А. Яшину принадлежат такие строки, написанные в сентябре 1942 г. и опубликованные в ряде газет: «Разбойничать немцу недолго, / На горло ему наступи. / Круши его, матушка Волга, / Руби его, жги и топи!» [Сталинградская битва, 2009].

¹³ Сходным образом значение битвы за Волгу определяется другими советскими участниками тех событий, например: «Враг почти дошел до Волги, — до каких же еще пределов можно его допустить! <...> Война ожесточила советских людей и напитала их неукротимой ненавистью к фашистским поработителям, родила решимость остановить гитлеровские полчища, не допустить их к матушке Волге любой ценой» [Куклин, Морозов, 1962].

¹⁴ Хиндус так характеризует роль исследуемого образа в русской идентичности: где бы русский ни находился, он «мечтает о Волге, поет о Волге, прославляет Волгу, плачет о Волге» [Hindus, 1943: 83].

¹⁵ Принципиально, что в этом активное участие принимает женщина — как, например, река оказывает помощь русскому воинству в результате обращения к ней Ярославны в «Слове о полку Игореве» [Hubbs, 1988: 171].

В «Сказе про Егорку-лоцмана», который содержится в сборнике советского фольклора, повествуется о том, как молодой лоцман успешно провел караван судов по заминированной немцами Волге во время Сталинградской битвы. В сказе описывается, как река, вместе с рыбами и птицами, помогает ему решить такую сложную задачу. Отвечая на вопрос товарищей, как ему это удалось, Егорка говорит: «Ведь я же советский человек. Пуще своей жизни люблю землю родную, Волгу-матушку вольную. Только нам она, матушка, подвластна, а ворогам лютым здесь смерть приготовлена» [Хрящев, 1952: 35].

Наконец, и возмездие врагу осуществляется при непосредственном участии реки¹⁶. Характеризуя бои в Восточной Пруссии в феврале 1945 г., Е. Кригер объясняет успехи советского оружия следующим образом: «Здесь Волга шла на великое мщение» [Кригер, 1982: 357]. «Изловили лихо одноглазое, / Заковали в капканы огненные, / Утопили в Волге-матушке» — так представлена победа в Великой Отечественной войне в фольклорном источнике [Хрящев, 1952: 33]¹⁷.

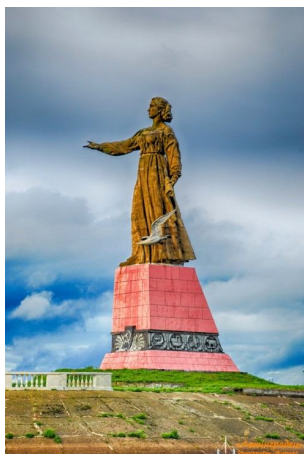
Заключение

Попробуем подвести итоги. В дискурсе Сталинградской битвы образ Волги был представлен широко и многоаспектно. Река при этом была охарактеризована как мать, применительно к ней можно было говорить о рождении, заботе, силе, уязвимости, сакральности, смерти. Можно выделить несколько функций данного символа в военной пропаганде. Прежде всего он помогал укреплению советской идентичности, выполняя роль субститута советской Родины и участвуя в проведении символических границ между Своими и Чужими. Очевидно, привлечение символа Волги-матушки повышало эффективность использования образа Родины-матери: он в большей степени оказывался связанным с родной землей, природой, чем с государственной машиной. Подобная «натурализация» национального сообщества усиливалась и за счет репрезентаций Своих как детей Волги. Далее, образ включался в мобилизационную пропаганду. Волга была представлена как женщина, честь которой обязан защитить советский солдат; уступить врагу реку означало покрыть себя вечным позором. Затем, образ всемогущей реки вселял уверенность Своих в победе, будучи использованным в обосновании военного превосходства Красной армии. Наконец, материнский символ Волги активно вовлекался в создание образа Врага, способствуя ассоциированию его с насилием, агрессией, вероломством, опасностью, грязью, слабостью; в Сталинградской битве природа, живое, противостояла механическому, искусственному, мертвому.

¹⁶ О реке как символе смерти см., напр.: [Кусмидинова, 2010].

¹⁷ Заметим, что и дореволюционные авторы нередко выказывали убежденность в спасительной роли Волги в русской истории (напр.: «Когда вся Россия была беззащитною жертвою чужих и своих злодеев, на берегах Волги явился и спаситель ее — нижегородский гражданин Минин» [Благовидов, Шемякин, 1895: 8]). Россия находится как бы под покровительством Волги; в связи с этим имеет смысл вспомнить, насколько популярной в русской культуре была идея сотериологической миссии женщины-матери, женского начала: Россию спасет женщина, Россию спасет мать [Рябов, 1999].

Разумеется, советская пропаганда подчеркивала, что врага необходимо остановить в силу прежде всего огромного военного и экономического значения Сталинграда и Волги. Однако у этой битвы было и символическое измерение: советские воины сражались и за Волгу как ипостась Родины-матери¹⁸.

Ил. 4

Ил. 5

Таким образом, материнский символ Волги выступал одним из факторов победы в Сталинградской битве. В свою очередь, успех Красной армии в битве и в Великой Отечественной войне в целом сделал символический капитал «Волги-матушки» еще более значительным. Яркой демонстрацией роли исследуемого символа в послевоенной советской культуре стал монумент «Мать-Волга» (ил. 4), установленный возле Рыбинского водохранилища в 1953 г., в самый разгар холодной войны. 28-метровая скульптура представляет собой аллегорическое изображение реки в образе русской женщины. Не будет преувеличением сказать, что в какой-то степени «Волгу-матушку» был призван символизировать и один из наиболее значительных монументов советской эпохи, связанных с памятью о войне, — «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане. В репортажах, посвященных открытию памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы», состоявшемуся в октябре 1967 г., отмечалось, что бассейн в центре площади Героев — это «кусочек Волги» [Героям Сталинградской битвы, 1967], что на скульптуре «Стоять насмерть!» (ил. 5) помещен знаменитый девиз «За Волгой для нас земли нет!» [Понизовский, Щербаков, 1967], а автор, Е. Вучетич, так объяснял смысл этой скульптуры: «Он, этот богатырь, поднялся во весь рост над матерью наших рек — Волгой и бесстрашно посмотрел в лицо смерти» [На кургане бессмертных, 1967]. Образ этого воина, как известно, имеет внешнее сходство с маршалом Чуйковым, который также выступал на открытии, отметив, что «воины-сталинградцы дали клятву Родине: враг будет остановлен и разгромлен — за Волгой для нас земли нет» и этот рубеж указала им Родина-мать [Подвиг Сталинграда бессмертен, 1967]. В его речи отражен такой элемент

¹⁸ Очевидно, особый статус города был связан также с тем, что он носил имя руководителя СССР [Шелих, 2003: 25].

коммеморационных практик, как связь исторического события с задачами текущей политики: он подчеркнул, что «величественный памятник», который «отражается в воде великой русской реки матушки Волги», служит предостережением любому агрессору [там же]. Материнский символ реки рассматривается как важный фактор героизма советских воинов и в сегодняшних практиках коммеморации. Так, например, репортаж о приеме в Кремле по случаю 70-летия разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, помещенный в «Красной звезде», был озаглавлен «Отстояли Волгу-матушку» [Мохов, 2013].

Библиографический список

- Андреев А.* Дума о Волге // Комсомольская правда. 1942. 20 августа.
- Бивор Э.* Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с.
- Благовидов Н. Ф., Шемякин В. И.* Волга-матушка. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1895. 361 с.
- Боборыкин П.* Русский Шеффилд: (очерк села Павлова) // Отечественные записки. СПб., 1877. Т. 203. С. 76—394.
- Героям Сталинградской битвы: торжественное открытие памятника-ансамбля в Волгограде // Правда. 1967. 16 октября.
- Гюнтер Х.* Поющая Родина: советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46—61.
- Долматовский Е.* Разговор Волги с Доном // Комсомольская правда. 1942. 25 сентября.
- Зеленкова Е. В.* Жанр «советской оды» в творчестве Лебедева-Кумача // Филологические науки: вопросы теории и практики; грамота. 2013. № 6, ч. 1. С. 85—88.
- Евтушенко Е.* Волга. URL.: <http://www.evtushenko.net/013.html> (дата обращения: 21.03.2015).
- Кафтырев С. Н.* Волга-матушка, кормилица-поилица русского народа. М.: Н. П. Барков, 1894. 35 с.
- Кригер Е.* Глубина фронта // От Советского информбюро... , 1941—1945: публицистика и очерки военных лет: в 2 т. М.: АПН, 1982. Т. 2. С. 355—361.
- Куклин П., Морозов И.* Двести дней и ночей // Битва за Волгу: воспоминания участников Сталинградского сражения. Волгоград: Волгогр. кн. изд-во, 1962. 442 с. URL: <http://www.molodguard.ru/heroes3701.htm> (дата обращения: 21.03.2015).
- Кусмидинова М. Х.* Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2010. 201 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-volgi-v-istoriko-kulturnom-razvitii-rossii-filosofskii-analiz> (дата обращения: 21.03.2015).
- Лескинен М.* «Волга — русская река»: образы и описания главной реки империи во второй половине XIX века // Родина. 2013. № 12. С. 2—7.
- Лидин В.* Волга // Известия. 1942. 16 сентября.
- Мохов В.* Отстояли Волгу-матушку // Красная звезда. 2013. 1 февраля.
- На кургане бессмертных: беседа с народным художником СССР Е. В. Вучетичем // Красная звезда. 1967. 14 октября.
- Песня о Волге. URL.: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=volga2> (дата обращения: 21.03.2015).
- Песня о Родине. URL.: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=shstran2> (дата обращения: 21.03.2015).
- Подвиг Сталинграда бессмертен: открытие памятника-ансамбля на Мамаевом кургане // Красная звезда. 1967. 17 октября.

- Поздравительное письмо татарам-фронтовикам от татарского народа // Правда. 1943. 5 марта.
- Понизовский В., Щербаков А.* Родина — своим солдатам: в Волгограде открыт памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы // Комсомольская правда. 1967. 17 октября.
- Полевой Б.* За Волгой-матушкой // Правда. 1942. 12 октября.
- Приказ НКО СССР от 28.07.1942 г. № 227. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_28.07.1942_№_227 (дата обращения: 21.03.2015).
- Ратников К. В.* Русские реки: поэзия и политика; идеологический компонент гидротипных образов в лирике от Ломоносова до Тютчева // Вестник Челябинского университета. Сер. 2: Филология. 2004. № 1. С. 56—66.
- Розанов В. В.* Русский Нил. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=108695&pages=1> (дата обращения: 21.03.2015).
- Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново: Юнона, 1999. 359 с.
- Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
- Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114—123.
- Рябова Т. Б.* Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 28—32.
- Сарбаш Л. Н.* «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С. В. Максимова // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 158—160.
- Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1946. 186 с.
- Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2009. 752 с.
- Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачёв. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.
- Таратыгин Ф. А.* Волга-матушка: образовательное путешествие по Волге: очерки и картины волжской жизни от истока реки до впадения ее в Каспийское море. Петроград: Новое время, 1914. 304 с.
- Тимофеев-Терёшкин М. Н.* Сталин-победитель // Тимофеев-Терёшкин М. Н. Простые песни: стихи и сказания, 1931—1951. М.: Сов. писатель, 1952. С. 12—22.
- Трепавлов В. В.* «Волга-матушка» — для кого? // Родина. 1998. № 4. С. 41—46.
- Хабутдинов А. Ю.* Духовные управления и советские мусульмане в годы Великой Отечественной войны. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/23-24/xabutdin.htm (дата обращения: 21.03.2015).
- Хрящев В. В.* Волга-матушка: сборник устного народного творчества Костромской области. Кострома: Костром. обл. гос. изд-во, 1952. 46 с.
- Чёрная Л. А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII веков // Древнерусская литература: изображение общества / под ред. А. С. Дёмина. Л.: Наука, 1991. С. 56—84.
- Чуйков В. И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М.: Сов. Россия, 1972. 253 с.
- Шелих В. фон.* Сталинград в советской памяти // Память о Сталинграде: Сталинград в немецкой и российской памяти / под ред. P. Jahn. Berlin: Ch. Links Verlag, 2003. С. 24—32.

-
- Эдмондсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте // Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2003. Вып 3. С. 135—162.
- Эренбург И. Г. Сталинград // Красная звезда. 1942а. 6 сентября.
- Эренбург И. Г. Русский Антей // Красная звезда. 1942б. 20 сентября.
- Ямпольский Б. На Волге // Известия. 1942. 21 ноября.
- Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967 / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, 1969. P. 9—38.
- Cusack T. Riverscapes and National Identities. Syracuse: Syracuse University Press, 2010. 237 p.
- Douglas R., Harte L., O'Hara J. Drawing Conclusions: a Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798—1998. Belfast: Blackstaff, 1998. 350 p.
- Ely Ch. The origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian landscape aesthetics // Slavic Review. Vol. 62, № 4 (Winter, 2003). P. 666—682.
- Gailite G. «Mother Latvia» in constructing Self and Other: a case of Latvian caricature XIX c. — 1940 // Competing Eyes: Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe / ed. by D. Demski, I. Sz. Kristóf, K. Baraniecka-Olszewska. Budapest: l'Harmattan, 2013. P. 170—189.
- Hausmann G. Mütterchen Wolga ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus, 2009. 494 S.
- Hindus M. Mother Russia. London: Collins, 1943. 510 p.
- Hubbs J. Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 324 p.
- Hunt T. L. Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2003. 452 p.
- Landes J. B. Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 254 p.
- Lekan T. M. Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity, 1885—1945. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 342 p.
- Mosse G. L. The Image of Man: the Creation of Modern Masculinity. New York: Oxford University Press, 1996. 240 p.
- Neumann E. The Great Mother: an Analysis of the Archetype. Princeton: Princeton University Press, 1963. 432 p.
- Riabov O. V. «Mother Volga» and «Mother Russia»: on the role of the river in gendering Russianness // Water-Russia-Culture / ed. by J. Costlow, A. Rosenholm. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2015. P. 246—270.
- Smith A. D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1996. 240 p.
- Tickner J. A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-cold War Era. New York: Columbia University Press, 2001. 200 p.
- Warner M. Monuments and Maidens: the Allegory of the Female Form. New York: University of California Press, 1985. 417 p.
- Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Sage Publications, 1997. 157 p.
- Zeisler-Vralsted D. The cultural and hydrological development of the Mississippi and Volga rivers // Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America / ed. by Ch. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. P. 63—77.

References

- Barth, F. (1969) Introduction, in: Barth, F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967*, Boston: Little, Brown, pp. 9—38.
- Bivor, E. (1999) *Stalingrad*, Smolensk: Rusich.
- Blagovidov, N. F., Shemiakin, V. I. (1895) *Volga-matushka* [Mother Volga]. St. Peterburg: Tipografiia V. V. Komarova.
- Boborykin, P. (1877) Russkii Sheffield: (Ocherk sela Pavlova) [Russian Sheffield: (A sketch of Pavlovo village)], *Otechestvennye zapiski*, vol. 203, pp. 76—394.
- Chernaia, L. A. (1991) “Chest’”: Predstavleniia o chesti i beschestii v russkoï literature XI—XVII vekov [“Honour”: Attitudes to honor and dishonor in Russian literature of XI—XVII centuries], in: Demin, A. S. (ed.) *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*. Leningrad: Nauka, pp. 56—84.
- Chuikov, V. I. (1972) *Gvardeïtsy Stalingrada idut na zapad* [The guardsmen of Stalingrad go to the West], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Cusack, T. (2010) *Riverscapes and National Identities*, Syracuse: Syracuse University Press.
- Douglas, R., Harte, L., O’Hara, J. (1998) *Drawing Conclusions: A Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798—1998*, Belfast: Blackstaff.
- Edmondson, L. (2003) Gender, mif i natsiia v Evrope: Obraz matushki Rossii v evropeiskom kontekste [Gender, myth, and nation in Europe: Image of Mother Russia in the European context], in: Shore, E., Khaider, K. (eds) *Pol. Gender. Kul’tura: Nemetskie i russkie issledovaniia*, Moscow: RGGU, pp. 135—162.
- Ely, Ch. (2003) The Origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian landscape aesthetics, *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, Winter, pp. 666—682.
- Gailite, G. (2013) “Mother Latvia” in constructing Self and Other: A case of Latvian caricature XIX c. — 1940, in: Demski, D., Kristóf, I. Sz., Baraniecka-Olszewska, K. (eds), *Competing Eyes: Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe*, Budapest: l’Harmattan, pp. 170—189.
- Giunter, Kh. (1997) Poiushchaia Rodina: Sovetskaia massovaia pesnia kak vyrazhenie arkheta materii [Singing Motherland: Soviet mass song as an expression of the mother archetype], *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 46—61.
- Hausmann, G. (2009) *Mütterchen Wolga ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert*, Frankfurt am Main: Campus.
- Hindus, M. (1943) *Mother Russia*, London: Collins.
- Hubbs, J. (1988) *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington: Indiana University Press.
- Hunt, T. L. (2003) *Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England*, Aldershot, Burlington: Ashgate.
- Kaftyrev, S. N. (1894) *Volga-matushka, kormilitsa-poilitsa russkogo naroda* [Mother Volga who feeds and keeps Russian people], Moscow: Tipografiia N. P. Barkova.
- Khabutdinov, A. Iu. (2015) *Dukhovnye upravleniia i sovetskie musul’mane v gody Velikoï Otechestvennoï voïny* [Spiritual administrations and Soviet Muslims in the time of Great Patriotic War], available from http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/23-24/xabutdin.htm (accessed 21.03.2015).
- Khriashchev, V. V. (1952) *Volga-matushka: Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva Kostromskoi oblasti* [Mother Volga: Collection of folklore of Kostroma region], Kostroma: Kostromskoe oblastnoe gosizdatel’svo.
- Kruger, E. (1982) Glubina fronta [The scale of the offensive], in: *Ot Sovetskogo informbiuro..., 1941—1945: Publitsistika i ocherki voennykh let*: in 2 vols, Moscow: APN, vol. 2, pp. 355—361.

- Kuklin, P., Morozov, I. (1962) Dvesti dneĭ i nocheĭ [Two hundred days and nights], in: *Bitva za Volgu: Vospominaniia uchastnikov Stalingradskogo srazheniia*, Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izdatel'stvo, available from <http://www.molodguard.ru/heroes3701.htm> (accessed 21.09.2014).
- Kusmidinova, M. Kh. (2010) *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskii analiz*: Dis. ... kand. filos. nauk [Concept of Volga in historical and cultural development of Russia: philosophical analysis: Diss. (Cand. Sc.)], Astrakhan': Astrakhanskiĭ gosudarstvennyiĭ Universitet, available from <http://www.dissercat.com/content/kontsept-volgi-v-istoriko-kulturnom-razvitii-rossii-filosofskii-analiz> (accessed 21.09.2014).
- Landes, J. B. (2001) *Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France*, Ithaca: Cornell University Press.
- Lekan T. M. (2004) *Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity, 1885—1945*, Cambridge: Harvard University Press.
- Leskinen, M. (2013) “Volga — russkaia reka”: obrazy i opisaniia glavnoi reki imperii vo vtoroi polovine XIX veka [“Volga is the Russian river”: images and descriptions of main river of the Empire in the second half of XIX century], *Rodina*, no. 12, pp. 2—7.
- Mosse, G. L. (1996) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*, New York: Oxford University Press.
- Ratnikov, K. V. (2004) Russkie reki: Poeziia i politika. Ideologicheskiĭ component gidrotipnykh obrazov v lirike ot Lomonosova do Tiutcheva [Russian rivers: Poetry and politics. Ideological component of hydrotype images in lyrics from Lomonosov to Tyutchev], *Vestnik Cheliabinskogo universiteta*, seria 2, Filologiya, no. 1, pp. 56—66.
- Rozanov, V. V. (2015) *Russkiĭ Nil* [The Russian Nile], available from <http://mreadz.com/new/index.php?id=108695&pages=1> (accessed 21.03.2015).
- Riabov, O. V. (1999) *Russkaia filosofii zhenstvennosti (XI—XX veka)* [The Russian philosophy of the feminine (XI—XX centuries)], Ivanovo: Iunona.
- Riabov, O. V. (2005) Natsiia i gender v vizual'nykh reprezentatsiakh voennoi propagandy [Nation and gender in the visual representations of war propaganda], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 19—28.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: Natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: Nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2015) “Mother Volga” and “Mother Russia”: on the role of the river in gendering Russianness, in: Costlow, J., Rosenholm, A. (eds), *Water-Russia-Culture*, Aldershot, Burlington: Ashgate, pp. 246—270.
- Riabov, O. V., Konstantinova, M. A. (2011) “Russkiĭ medved'” kak simvolicheskiĭ pogranichnik [The “Russian bear” as a symbolic borderguard], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 6, pp. 114—123.
- Riabova, T. B. (1996) Materinskaia i otsovskaiia liubov' v ruskoĭ srednevekovoi traditsii [Maternal and paternal love in the Russian Medieval tradition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 28—32.
- Sarbash, L. N. (2012) “Puteshestvie po Volge” v ruskoĭ literature XIX veka: “Kul' khleba i ego pokhozhdeniia” S. V. Maksimova [“Travelling down the Volga” in the Russian literature of XIX century: S. V. Maksimov's “The sack of bread and its adventure”], *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, no. 5, pp. 158—160.
- Shelikh, V. fon (2003) Stalingrad v sovetskoĭ pamiatii [Stalingrad in the Soviet memory], in: Jahn, P. (ed.) *Pamiat' o Stalingrade: Stalingrad v nemetskoĭ i rossiiskoi pamiatii*, Berlin: Ch. Links Verlag, pp. 24—32.
- Smith, A. D. (1996) *National Identity*, Reno: University of Nevada Press.

- Stalin, I. V. (1946) *O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soiuza* [About the Great Patriotic War of the USSR], Moscow: OGIZ.
- Tarapugin, F. A. (1914) *Volga-matushka: obrazovatel'noe puteshestvie po Volge: Oчерки i kartiny Volzhskoi zhizni ot istoka reki do vpadeniia ee v Kaspiskoe more* [Mother Volga: educational travel down the Volga: The sketches and images of Volga life from the river mouth to its influx into the Caspian sea], Petrograd: Novoe vremia.
- Timofeev-Tereshkin, M. N. (1952) Stalin-pobeditel' [Stalin the Victor], in: Timofeev-Tereshkin M. N. *Prostye pesni: Stikhi i skazaniia, 1931—1951*, Moscow: Sovetskii pisatel', pp. 12—22.
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-cold War Era*, New York: Columbia University Press.
- Trepavlov, V. V. (1998) “Volga-matushka” — dlia kogo? [“Mother Volga” — for whom?], *Rodina*, no. 4, pp. 41—46.
- Warner, M. (1985) *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form*, New York: University of California Press.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*. London: Sage Publications.
- Zagorul'ko, M. M. (ed.) (2009) *Stalingradskaia bitva, iul' 1942 — fevral' 1943: Entsiklopediia* [The battle of Stalingrad, July 1942 — February 1943: Encyclopedia], Volgograd: Izdatel'.
- Zeisler-Vralsted, D. (2008) The cultural and hydrological development of the Mississippi and Volga rivers, in: Mauch, Ch., Zeller, Th. (eds) *Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 63—77.
- Zelenkova, E. V. (2013) Zhanr “sovetskoj ody” v tvorchestve Lebedeva-Kumacha [The genre of “Soviet ode” in Lebedev-Kumach’s works], *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, part 1, pp. 85—88.
- Zhadobin, A. T., Markovchin, V. V., Sigachëv, Iu. V. (eds) (2000) *Stalingradskaia epopeia: Materialy NKVD SSSR i voennoj tsenzury iz Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [Stalingrad epopee: Materials of NKVD USSR and war censorship from the Central archive of FSB RF], Moscow: Zvonitsa-MG.

Список иллюстраций

1. Серов В. Отстоим Волгу-матушку! URL: <http://macrosvit.com.ua/otstoim-volgu-matushku/28883/> (дата обращения: 21.03.2015).
2. Тибо Ж. Волга. URL: http://www.piter-arch.ru/gallery/detales/big_814.jpg (дата обращения: 21.03.2015).
3. Шмаринов Д. Освободи! URL: http://softsalo.com/soviet_41-45_polit/plakat_4145_154.jpg (дата обращения: 21.03.2015).
4. Шапошников С., Малашкина В. Мать-Волга. URL: <http://news-piter.ru/wp-content/uploads/2013/04/14.jpg> (дата обращения: 21.03.2015).
5. Вучетич Е. и др. Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/d/d0/Soldat_on_Mamayev_kurgan.jpg (дата обращения: 21.03.2015).

ББК63.3(2)622-284.3

Л. А. Болокина

ЖЕНЩИНЫ ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются виды женского поведения на части территории Калининской области, занятой немцами в 1941—1944 гг. Автор показывает реакцию населения на приход оккупантов, участие женщин в движении Сопротивления, проявления различных форм коллаборационизма в регионе. Публикация основана на анализе мемуарных материалов и архивных документов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калининская область, коллаборационизм, оккупация, партизанское движение.

L. A. Bolokina. The women of the occupied Kalinin region territory during the Great Patriotic War

The article analyzes the modes of women's behavior in the territory of Kalinin region occupied by the Germans in 1941—1944. The article is based on the analysis of reminiscences of the war and official records. The records of Tver documentation centre of modern and contemporary history as well as archives of the Federal Security Service containing little-known peculiarities of the citizens' life during occupation are used. The author reveals the public reaction to the invasion, the women's participation in the resistance movement. Analyzing the women's role in the partisan movement the author underlines difficulties in their adaptation to the life in partisan units. The article shows that there were all forms of collaboration (from political to everyday) on the occupied territory of Kalinin Region. The most common reasons for collaboration were the wish to survive and even make profit as well as fear of relatives. The author observes different forms of relationship between local community and the Germans who settled in their houses and flats. The occupants often acted aggressively but in some cases they showed kindness, for example, to children. The article pays special attention to the consideration of irregular situations with the women in occupation with evidence provided. The author draws a conclusion that most of the women on the occupied territory of Kalinin Region had to collaborate some way or other with the representatives of the occupation authorities and asks to be careful at the assessment of their behavior.

Key words: Great Patriotic War, Kalinin region, collaboration, occupation, partisan movement.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 28—36

© Болокина Л. А., 2015

Болокина Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Тверской государственной технической университет, г. Тверь, Россия, bolokinal@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of History and Political Science, Tver' State Technical University, Tver', Russia).

Тема повседневной жизни населения оккупированных в годы Великой Отечественной войны территорий СССР была фактически запретной для советской историографии. Только в некоторых трудах, в основном посвященных партизанскому движению, можно найти скудные сведения о реалиях каждодневного существования жителей районов, занятых противником [Залесский, 1970]. Поэтому современные исследователи проявляют пристальное внимание к изучению мотивов поведения, видам поведенческих реакций жителей оккупированной зоны, возникновению и развитию движения Сопротивления, формам взаимоотношений населения с оккупантами [Безугольный и др., 2012; Веригин, 2009; Ермолов, 2010; Ковалёв, 2011; Малышева, 2011]. Именно эти вопросы рассматриваются в данной статье на примере жизненных перипетий женщин, проживавших в Калининской области, на территории которой войска вермахта появились уже в начале июля 1941 г., а через три месяца более половины районов оказались оккупированными. Дольше всего власть фашистов сохранялась в западных районах области, которые были освобождены советскими войсками летом 1944 г.

В момент приближения врага большинство калининцев, оставшихся на прежних местах жительства, находились в крайне подавленном настроении. Люди испытывали ежедневный страх перед будущим, некоторые убегали в леса, другие забирались в подвалы, прятались за печками — в надежде, что немцы не сразу их обнаружат [Кац, 1997: 48]. Местами жители, просидев в убежищах несколько дней, вынуждены были выходить из-за голода, т. к. запаса продуктов сделать не смогли или не догадались. В источниках сохранился рассказ женщины, проживавшей в Калининe, но оказавшейся в день прихода немцев в деревне на расстоянии 30 км от областного центра. 21 октября оккупанты вошли в деревню, а большинство односельчан ушли в убежище неподалеку. Три дня людям пришлось обходиться почти без пищи, и лишь одна из селянок осмеливалась возвращаться в свой дом, чтобы сварить в печке картошку и принести остальным, поскольку разместившийся в ее жилище немец позволял это [Нам выпало на долю... , 2005: 141, 142]. Через три дня немецкий часовой велел всем покинуть убежище и идти «куда хотят», объяснив, что скоро тут будут бои. Часть жителей ушла, но сильно ослабленные физически остались. Отправившимся в путь разместиться в других населенных пунктах не удалось, питаться было нечем, и беженцы стали обращаться к немцам, предлагая помощь на кухне, за что получали продукты, позволившие им выжить.

Буквально с первого дня прихода фашистов на оккупированной территории возникли различные формы сопротивления новой власти. Они выражались, например, в отказах выполнять немецкие указания, отдавать свои вещи, выходить на работу. За подобное поведение немалое число людей заплатили жизнью. Жительница Западнодвинского района А. Антипова вспоминает, как в сентябре 1941 г. в их местности появились немцы. Девушки под видом походов в лес или к реке носили попавшим в окружение красноармейцам еду, делая это буквально под носом у немцев. Она признается: «Может, даже перебарщивали мы, девчата, в этой смелости. Словно сами себе хотели доказать: что же, мы не согнулись» [там же: 166]. Верность Советскому государству в условиях оккупации могла проявляться, например, в сохранении партийных билетов и других документов, литературы, иных символов советского строя [ТЦДНИ, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 85 об.].

С июля 1941 г. областные партийные структуры и органы НКВД занимались организацией борьбы с противником в немецком тылу. Работа заключалась прежде всего в подготовке кадрового состава, партизанских баз, явочных квартир. Партизанские и подпольные структуры комплектовались в основном за счет партийно-хозяйственного и комсомольского актива, но также из беспартийных. В составе партизанских отрядов, подпольных партийных ячеек и диверсионно-разведывательных групп было немало женщин.

Люди, выбравшие путь борьбы с врагом, руководствовались в первую очередь стремлением защитить свою Родину. Но если представители старшего поколения стремились отстоять Отечество от врага без оглядки на режим, которым многие были недовольны, то у молодежи патриотизм основывался, как правило, на верности идеалам и ценностям, привитым за годы советской власти, воспитавшей их. Участница партизанского движения К. Тяпина описывает, как в момент проводов в отряд она запела песню «Дан приказ — ему на запад». Слова соответствовали обстановке и настроению собравшихся людей, воодушевляли их. Вспоминались события Гражданской войны, прославлявшиеся в 1920—30-х гг., а судьбы комсомольцев сравнивались с подвигами защитников революции [Тяпина, 1997: 8].

Сильным мотивом при выборе собственной линии поведения было желание мстить, появившееся сразу после вторжения агрессора. Очень часто стремление самой, лично отомстить фашистам возникало после гибели близких. Молодая учительница из Себежского района Мария Натунич с первого дня войны просилась на фронт и среди причин своего решения называла то, что в Испании погиб ее старший брат, летчик: «У меня свои счета с фашистами» [Вспоминая былые походы... , 2001: 76]. Комсомолка Ина Константинова с самого начала военных действий хотела быть полезной Родине, но заявление в райвоенкомат с просьбой дать ей «любую работу, любое задание... только бы получить возможность бить немцев» написала, узнав о гибели любимого человека. В ожидании ответа она пишет в дневнике о желании отомстить за свое разбитое счастье [Девушка из Кашина, 1974: 70].

Идея мести активно использовалась властью в пропагандистских целях. Так, часть будущих партизан и подпольщиков из разных районов области перед отправкой на первые задания посещали места, где вела антифашистскую агитацию и погибла от рук оккупантов комсомолка Лиза Чайкина, чье имя стало широко известно [Вспоминая былые походы... , 2001: 114]. Эти поездки производили неизгладимое впечатление на молодых людей. Позднее приходили другие девушки и просились в партизанские отряды, объясняя свой выбор желанием походить на Лизу и мстить за нее [Наша Чайка, 1976: 99]. К. Тяпина тоже знала о трагической смерти Лизы, когда в марте 1942 г. в райкоме комсомола у нее и других активистов спросили, готовы ли они пойти в немецкий тыл. Из двадцати человек тогда сразу согласились десять, что немало, если представить степень опасности такого рода деятельности [Тяпина, 1997: 7]. В мемуарах участников Сопротивления есть упоминания о существовании на территории Калининской области женского партизанского отряда, члены которого называли себя «сестры Чайки» и заявляли в листовках, что мстят за Лизу [Борисов, 1980: 123]. Огромное воздействие на сознание людей оказывали

разрушенные дома, улицы, деревни, мосты на родной земле. Слово «мстить» чаще появляется в дневнике И. Константиновой, когда она, побывав в только что освобожденном Калининe, находившемся два месяца под властью немцев, пишет о своих впечатлениях: «Как сильно разбит город! Почти ни одного дома не осталось без повреждений. Какой ужас! И за это мы должны мстить им!» Позднее, находясь среди партизан, в одном из писем родным Ина, сообщая о гибели друзей из своей бригады, добавляет: «С какой жуткой ненавистью я буду мстить врагам!» [Девушка из Кашина, 1974: 102].

Жизнь партизанки или подпольщицы предъявляла к девушкам очень высокие требования, соответствовать которым было сложно. В самом начале абсолютно всем участникам Сопротивления не хватало опыта, но думается, что тяжелее всего он давался молодым женщинам. В источниках имеются сведения о печальной судьбе девушек-партизанок Лидии Сидоренко и Ольги Стибель, под видом заплутавших беженок собиравших информацию и распространявших листовки. Попав в родной город Андреаполь, Лида не смогла побороть естественного желания повидать и успокоить мать. Но это стоило жизни четверым: немцы расправились не только с партизанками, но и с матерью и сестрой Лиды. Выдал девушек мужчина, живший с женой и пятью детьми по соседству. Позже он был расстрелян партизанами [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 66, 169, 170, 174].

Присутствие в отрядах женщин оборачивалось и определенными преимуществами. Известно, что обеспечить взаимодействие с местным населением было жизненно важно для партизан. Отношения налаживались гораздо быстрее, если в отряде были местные, знавшие людей, умевшие договариваться и пользовавшиеся авторитетом. Этим требованиям соответствовала Мария Натунич, вернувшаяся в 1942 г. из эвакуации в родной Себежский район, чтобы присоединиться к партизанам. Односельчане знали ее по работе в школе, относились к ней хорошо, верили, когда Мария сообщала последние данные с фронта, читала советские газеты. Доверие к ней подтвердилось в следующей ситуации. В конце 1942 г. в одной из деревень староста зачитал жителям немецкий приказ о сдаче продуктов, открыто спросив людей, что следует делать. Оказавшаяся там Мария вышла вперед и напомнила, что именно в эти дни под Сталинградом отцы, братья, сыновья сражаются ради будущей победы. После ее вопроса о том, можно ли, зная это, собирать что-то для немцев, теплые вещи и продукты были отданы партизанам [Вспоминая былые походы... , 1976: 80].

Партизаны, как правило, испытывали трудности с медикаментами, которые присылались из-за линии фронта в недостаточных количествах, а добыть лекарства у немцев удавалось не всегда. По причине плохого питания и нехватки витаминов зимой 1942—1943 гг. среди калининских партизан наблюдались случаи куриной слепоты, цинги, сыпного тифа [Шла война народная... , 2000: 15, 16, 36]. В подобных обстоятельствах бойцы 2-й Калининской партизанской бригады с благодарностью отмечали изобретательность своего фельдшера Юлии, которая, например, в борьбе с чесоткой за неимением серы успешно применяла тол, а также деготь, дубовую кору, ягоды можжевельника, хвойный отвар и многое другое, помогая больным [ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 105, л. 18, 18 об.].

Именно женщины часто проявляли инициативу и находили доступные развлечения, например совместное пение и пляски. Среди песен чаще выбирали

«Интернационал», «Из-за острова на стрежень», «Гренаду», «Синий платочек». В более просторных землянках иногда устраивались своеобразные клубы, где собирались между заданиями, встречали праздники. В условиях жизни в лесу, в отсутствие элементарных бытовых удобств, порой нехватки продуктов, теплой одежды и обуви, под давлением постоянного напряжения, опасности и усталости, когда избежать конфликтных ситуаций и поддерживать дисциплину оказывалось непросто, мимолетный отдых был необходим, а от песен «оттаивали сердца» [Вараксов, 1982: 21, 121]. Бывшая партизанская разведчица Н. К. Бойдина свидетельствует, что разрядка в виде танцев, песен в отрядах была «нужна как воздух», ведь война требовала «невероятных физических и душевных сил» [Вспоминая былые походы... , 2001: 49].

Силу воли, терпение и выдержку должны были проявить в условиях оккупации не только партизанки, но и все остальные женщины. На их внимание была рассчитана часть усилий нацистских пропагандистов. Для женщин, рывших окопы накануне захвата Калинина, с самолетов сбрасывали листовки с несколько игривым текстом: «Дамочки, не копайте ваши ямочки, приедут наши таночки, закопают ваши ямочки» [Кац, 1997: 10]. Полушутливый тон должен был настроить людей на более лояльное отношение к наступавшим, а указание точной даты вступления немецких войск в областной центр, которая позже подтвердилась, могло некоторых убедить в том, что планы немцев выполняются с максимальной точностью. Формированию позитивного образа немецкого солдата — аккуратного, вежливого, образованного — особенно много внимания уделялось нацистами в начале оккупации. С помощью листовок, слухов, радиопередач до жительниц области старались донести мысль, что в Германии положение женщин несравненно лучше, а замужние дамы, например, занимаются исключительно семьей [ГЦДНИ, ф. 7849, д. 25732-с, л. 8]. Нередко собственным поведением немцы стремились подкрепить имевшееся у части советских граждан до войны мнение об их воспитанности и продемонстрировать высокий уровень культуры. Данную особенность знали и порой пытались использовать в своих интересах калининцы. Участница партизанского движения вспоминает, как однажды девушка-партизанка наткнулась на немецкого офицера и попала в опасное положение. Встретив грубое обращение со стороны переводчика, она сконцентрировала внимание на этом факте и стала обращаться к офицеру, всем своим видом давая понять, что ищет у него защиту от хамства как у более обходительного и культурного [Тяпина, 1997: 50]. Иногда такой прием срабатывал, и в мемуарах описан ряд подобных случаев. Например, когда другая девушка попала в схожую ситуацию, только в роли опасного человека оказался следивший за ней полицай, она кинулась к немецкому офицеру, закричав на его родном языке, чтобы он защитил ее «от хама». Цель была достигнута: офицер обозвал полицая русской свиньей и даже дал ему пощечину [Вспоминая былые походы... , 2001: 81]. Убедившись в демонстративном стремлении оккупантов карать за преступления, особенно за неповиновение властям и воровство, жительницы занятых районов иногда обращались к ним за защитой от мародеров [ГЦДНИ, ф. 7849, д. 3238-с; д. 25732-с, л. 28].

Во время отступления фашисты намного чаще проявляли жестокость, доходящую до зверства. Так, в Зубцовском районе «большинство немцев принуждало

или склоняло женщин и девушек сожительствовать с ними. Заражая венерическими болезнями, потом сваливали вину на них и расстреливали». В Калининском районе женщину, пытавшуюся защитить свою дочь от изнасилования, убил немецкий солдат, и некоторое время ее труп лежал в помойной яме. В Бурашевском сельсовете того же района немцы зажгли деревню и бросили в огонь живыми трех старух за то, что они упрашивали не жечь их дома: ведь остаться зимой без жилья грозило верной смертью [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 61, 61 об., 131].

В зоне оккупации присутствовали все виды коллаборационизма — от политического до бытового, в которых участвовала и женская часть населения. Причины этого явления названы исследователями и сводятся в основном к страху, корысти, желанию улучшить свое положение при новой власти, опасениям за жизнь близких, стремлению выжить в экстремальной ситуации; гораздо реже дело было в идейном неприятии советского строя. Все перечисленные мотивы проявились на территории Калининской области. Так, добровольно попросилась на работу бывшая судья Центрального района Калинина и, выполнив указание властей предоставить информацию об устройстве советских судебных органов, получила рекомендацию для трудоустройства на должность судьи при немцах [ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 345, л. 229; ф. 7849, д. 27901-с]. В Старицком районе работу льнозавода при оккупантах организовывала бывший заместитель директора завода, член бюро Старицкого РК ВЛКСМ, позже уехавшая с немцами. С рабочими она обходилась бесцеремонно, перед отъездом участвовала в уничтожении завода [там же, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 20]. Некоторые члены и кандидаты в члены партии и комсомола, которым было поручено заниматься организацией партизанского движения, вместо этого выдали базы фашистам, как это сделала заведующая детскими яслями из Осташковского района [там же, ф. 432, оп. 3, д. 15, л. 1, 6].

Однако не всегда даже работа в административных структурах при оккупантах была добровольной. Например, зафиксированы факты службы женщин в полиции, видимо не по собственной воле [там же, ф. 7849, д. 30385-с]. В воспоминаниях описан случай, когда старостой в деревне немцы назначили 19-летнюю девушку (за неимением более подходящих кандидатур). Под воздействием угроз она согласилась. После девушка помогала партизанам: прятала оружие, укрывала бойцов, скрывала от немцев продукты [Борисов, 1980: 173]. Стремление оккупантов привлечь к сотрудничеству этнических немцев приводило к тому, что судьбы этих людей оказывались трагичными. Далеко не все из них сами изъявляли желание сотрудничать, однако многим пришлось согласиться под страхом расправы. В подобной ситуации оказалась 61-летняя немка, заведующая детским садом в Калининне. Приближение фронта заставило ее уйти из города в окрестную деревню, но туда также явились немцы, и женщина вернулась в свой дом. 23 ноября 1941 г. к ней пришел немецкий солдат и приказал явиться в комендатуру. Две недели, с первого по тринадцатое декабря, женщине пришлось работать переводчицей, а в качестве дополнительной обязанности разбирать жалобы от населения. После ухода немцев доказать советской власти свою непричастность к преступным деяниям оказалось невозможно, и она была расстреляна [ТЦДНИ, ф. 7849, д. 27901-с].

Сами женщины обращались в органы оккупационных властей по разным поводам, о которых дают представление следующие примеры. В Луковниковском

районе 48-летняя женщина выдала 17-летнего парня, хранившего 4 винтовки, за что немцы поставили крест и ограду на могиле ее мужа [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 42]. В Калининке к коменданту одного из домов поступило заявление от женщины, имеющей 5 детей, проживавшей до войны «в темном сыром подвале», с просьбой позволить ей и далее жить в квартире, куда ее семья въехала после эвакуации хозяев. В данном помещении ранее проживали работники НКВД, и в заявлении автор указывает их фамилии. Ордер ей был выдан [там же, д. 13а, л. 90]. В Погорельском районе зимой 1941 г. со двора женщины, у которой было 7 детей, немцы взяли корову на мясо. Крестьянка пошла к старосте и со слезами напомнила, что в деревне есть семьи всего из двух человек, после чего забрали корову у одного из названных семейств, вернув заявительнице [ТЦДНИ, ф. 7849, д. 31218-с, л. 13 об.].

На оккупированных территориях была введена всеобщая трудовая повинность, и население выполняло оборонные, дорожные, сельскохозяйственные, лесозаготовительные и иные работы. Женщинам, кроме того, приходилось готовить на кухнях, стирать белье, мыть полы, шить и ремонтировать одежду.

Часть молодых женщин участвовала в развлекательных мероприятиях оккупантов — танцах, вечеринках, празднованиях Рождества, Нового года, исполняя номера художественной самодеятельности [там же, ф. 432, оп. 3, д. 15, л. 7; ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 297, 298; ф. 7849, д. 13194-с, л. 5]. Некоторые принимали ухаживания военнослужащих вермахта, получая от них в качестве подарков продукты, шоколад, украшения, часы, иные вещи или деньги [там же, ф. 83, оп. 2, д. 1883; ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 315]. В Высоковском, Луковниковском, Идрицком и других районах были случаи вступления в официальные браки с немцами, а при отступлении часть этих женщин уехали вместе со своими мужьями [там же, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 22; д. 60, л. 31].

В домах и квартирах, где калининцы вынуждены были сосуществовать вместе с вселившимися немцами, взаимоотношения между ними развивались по-разному. Часто оккупанты вели себя грубо и агрессивно, забирали продукты, вещи, заставляли выполнять различные распоряжения. Слабым утешением для жителей было то, что в квартиры, на дверях которых висела табличка с немецкой фамилией, реже врываются полицейские и представители других служб. Нередко хозяевам приходилось покидать свои жилища, в лучшем случае подселаясь к соседям.

Случалось и так, что немцы вели себя вежливо, расплачивались за помощь по хозяйству хлебом, конфетами, сигаретами и даже вступаясь за хозяев перед представителями властей [там же, ф. 7849, д. 25578-с, л. 13, 15]. Известные факты подобного отношения к жителям показывают, что чаще немцы проявляли жалость к детям и их матерям. В воспоминаниях жительницы Ржевского района есть рассказ о том, как живший в их доме врач обратил внимание на плач ее новорожденной дочери, которую беспокоила пупковая грыжа. Установив причину беспокойства ребенка, он предложил помощь, и, хотя инструментов для операции не нашлось, в течение 6 недель вылечил девочку [Никто не создан для войны... , 2005: 61, 62].

В воспоминаниях сохранился любопытный эпизод. В доме жительницы Калинина по имени Анна разместился немецкий военнослужащий, который,

имея подозрение, что отступление из города близко, собрал свои вещи, взяв и приглянувшийся самовар хозяйки. Женщина не захотела расстаться с семейной ценностью, и какое-то время они тянули самовар за ручки в разные стороны. В результате вещь осталась в доме, а немец с ругательствами ушел, не причинив вреда хозяйке. (Возможно, очень торопился или был удивлен столь решительным отпором, хотя ясно, что мог быстро расправиться с женщиной.) Более того, через некоторое время он вернулся к ней жить, причем с гостинцами в знак примирения, и оставался на квартире до момента ухода захватчиков из города*.

В заключение хочется отметить, что изучение разнообразных источников, часть которых была недоступна историкам ранее, значительно обогащает наши знания о повседневной жизни населения в оккупированных немецкими войсками районах. Большинство этих людей составляли женщины, и знакомство с новыми подробностями их существования в условиях оккупации, которое почти всегда напоминало борьбу за завтрашний день, приводит к неизменному выводу о тяжелейшем выборе, выпавшем на их долю. Подавляющая часть женщин не имела возможности полностью уклониться от взаимодействий с оккупационными властями, поэтому любая попытка дать оценку их поведению должна быть исключительно взвешенной и осторожной.

Библиографический список

- АУ ФСБТО (Архив управления ФСБ РФ по Тверской области).
Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.
Борисов И. С. Покуда сердце бьется. М.: Моск. рабочий, 1980. 192 с.
Вараксов Н. М. Дымные зори. Калинин: Моск. рабочий, 1982. 144 с.
Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 544 с.
Вспоминая былые походы... : очерки, рассказы, воспоминания бывших партизан / ред. К. И. Тяпина. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2001. 128 с.
Девушка из Кашина: дневник и письма Ины Константиновой ; воспоминания и очерки о ней / под ред. Г. Астафьева. М.: Моск. рабочий, 1974. 160 с.
Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941—1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
Залесский А. И. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Помощь населения партизанских зон народным мстителям. Минск: Беларусь, 1970. 183 с.
Кац Г. Первый шаг к Берлину: документальная повесть. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1997. 128 с.
Ковалёв Б. Н. Повседневная жизнь населения в период нацистской оккупации. М.: Мол. гвардия, 2011. 619 с.
Мальшичева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941—1945 гг. М.: Вече, 2011. 492 с.
Нам выпало на долю... Война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сборник документов и материалов / под ред. Д. А. Ефремова. Тверь: Лилия Принт, 2005. 304 с.
Наша Чайка: сборник. М.: Моск. рабочий, 1976. 168 с.

* Личный архив автора.

- Никто не создан для войны... : сборник воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / под ред. О. К. Ермишкиной. Тверь: Тип. Ушакова, 2005. 100 с.
- ТЦДНИ (Тверской центр документации новой и новейшей истории).
- Тяпина К. И. На той войне... Записки партизанской разведчицы. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1997. 144 с.
- Шла война народная... : очерки, воспоминания, повествующие о мужестве и стойкости калининских партизан в годы Великой Отечественной войны / ред. К. И. Тяпина. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2000. 128 с.

References

- Astaf'ev, G. (ed.) (1974) *Devushka iz Kashina: Dnevnik i pis'ma Iny Konstantinovoï. Vospominaniia i ocherki o neï* [The girl from Kashin: The diary and letters of Inna Konstantinova. The recollections and essays about her], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Bezugol'nyi, A. Iu., Bugay, N. F., Krinko, E. F. (2012) *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoï Otechestvennoï voïne 1941—1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia* [The dwellers of the North Caucasus at the Great Patriotic War 1941—1945: the issues of history, historiography and source study], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Borisov, I. S. (1980) *Pokuda serdtse b'etsia* [As long as the heart beats], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Efremov, D. A. (ed.) (2005) *Nam vypalo na doliu... Voïna v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniakh* [It fell to our lot... The war in letters, diaries and recollections], Tver': Liliia Print.
- Ermishkina, O. K. (ed.) (2005) *Nikto ne sozdan dlia voïny... Sbornik vospominaniï ochevidtsev Velikoï Otechestvennoï voïny* [Nobody is meant for war... The collection of war witnesses' memoirs], Tver': Tipografiia Ushakova.
- Ermolov, I. G. (2010) *Tri goda bez Stalina. Okkupatsiia: sovetskie grazhdane mezhdú natsistami i bol'shevikami, 1941—1944* [Three years without Stalin. Occupation: soviet citizens between Nazis and Bolsheviks, 1941—1944], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Kats, G. (1997) *Pervii shag k Berlinu: Dokumental'naia povest'* [The first step to Berlin: The documentary], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Koval'ev, B. N. (2011) *Povsednevnaia zhizn' naseleniia v period natsistskoï okkupatsii* [Everyday life of the population during Nazi occupation], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Malysheva, E. M. (2011) *Vo imia Otechestva. Patriotizm naroda v 1941—1945 gg.* [For the sake of Motherland. Public spirit in 1941—1945], Moscow: Veche.
- Tiapina, K. I. (1997) *Na toï voïne... Zapiski partizanskoï razvedchitsy* [At that war. The notes of a partisan scout], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Tiapina, K. I. (ed.) (2000) *Shla voïna narodnaia...* [The war of the people went on...], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Tiapina, K. I. (ed.) (2001) *Vspominaia bylye pokhody: Ocherki, rasskazy, vospominaniia byvshykh partizan* [Looking back at by-gone military campaigns: Essays, narrations, recollections of former partisans], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Varaksov, N. M. (1982) *Dymnye zori* [The smoky dawns], Kalinin: Moskovskii rabochii.
- Verigin, S. G. (2009) *Kareliia vo vremia voennykh ispytaniï: Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoï Karelii v period Vtoroï mirovoï voïny 1939—1945 gg.* [Karelia in the years of war: Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the II World War], Petrozavodsk: PetrGU.
- Zal'skii, A. I. (1970) *Geroicheskiï podvig millionov v tylu vraga. Pomoshch naseleniia partizanskikh zon narodnym mstiteliam* [Heroic exploits of millions of people in the enemy's rear. The aid of civil population from partisan areas to law and order avengers], Minsk: Belarus.

ББК 63.3(2)622-28

С. Д. Морозов

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ

Исследуются численность и потери гражданского населения на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. Автором использован широкий круг документальных источников по истории Великой Отечественной войны, приведены собственные подсчеты, а также статистические данные потерь мирного населения.

Основными причинами гибели советских людей на оккупированных территориях страны были сознательное уничтожение захватчиками гражданского населения; инфекции, голод, тяжелый труд в период оккупации; естественная и насильственная смертность во время перемещения населения — самостоятельных миграций или принудительного угона на работу в Германию.

Ключевые слова: СССР, Германия, война, потери, мужчины, женщины, дети, геноцид, оккупация, гибель населения.

S. D. Morozov. Men, women and children on occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War: the population size and losses

The article focuses on the losses among civil population on the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War.

The author makes use of a wide range of documentary sources and literature on Great Patriotic and World War II history. His own calculations and also statistic data on the losses of civilians (men, women, and children) of the other authors are presented and analyzed.

The material is based on the general methodological principles of historical knowledge (the most important of which are objectivity, historicism), and also concrete methods of historical research. The methods used include those employed in a wide range of sciences, historical and special methods (borrowed from other sciences): logical, synchronous and chronological, retrospective, structurally-systematic method, the mathematical analysis, sociological method and others.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 37—48

© Морозов С. Д., 2015

Морозов Сергей Дмитриевич — доктор исторических наук, член бюро Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, профессор кафедры истории и философии, Пензенский архитектурно-строительный университет, г. Пенза, Россия, morozova4591@rambler.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of History and Philosophy, Penza State Architecture and Construction University, Penza, Russia).

The author comes to the following conclusions. The main reasons for the civilians' losses on the occupied territories were: the deliberate destruction of the civilian population by aggressors for national, racial and political motives; spontaneous destruction of the population, structures, etc. at the retreat of fascist troops; high mortality of people because of infections, hunger, hard work; natural and violent mortality during the movement of the population — independent migrations or forced deportation for work to Germany; relatively smaller death rate and mutilations because of minefields and unexploded shells.

Key words: USSR, Germany, the war, men, women, children, genocide, occupation, destruction of the population.

Значительная часть людских потерь СССР в Великой Отечественной войне — это потери гражданского населения, мирных граждан, оказавшихся на оккупированной территории, превращенной в гигантский лагерь смерти, погибших от налетов авиации, во вражеской неволе от каторжного труда, репрессий, болезней и голода. Они объясняются особо жестокой политикой массового истребления людей, которую проводили агрессоры [Людские потери СССР... , 1995: 19—99; Ни давности, ни забвения... , 1985: 29—98; Преступные цели гитлеровской Германии... , 1987: 39—98; Раков, 1974: 19—97].

Нацисты готовились к воплощению своей экспансистской идеи основательно: были отработаны методики массовых расстрелов, использования «душегубок», применения газа «циклон» и печей-крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвленных людей. Для исполнения преступных планов были подготовлены соответствующие кадры — профессиональные убийцы. Подобающие зловещим замыслам правила поведения на оккупированной территории методично вдалбливались в голову каждого солдата вермахта. В «Памятке немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек» [Великая Отечественная война, 1999: 12].

Свои злодейские замыслы фашистские агрессоры начали осуществлять сразу же, как только вторглись на советскую землю. Этим замыслом отвечали административное устройство и организация власти в захваченных фашистами районах СССР. Все оккупированные советские земли гитлеровцы разделили на две части: зону армейского тыла, которая включала в себя территорию от линии фронта до тыловых границ групп армий, и военно-административную зону, куда входили районы западнее этих границ.

Размеры людских потерь СССР в результате Великой Отечественной войны до сих пор вызывают споры среди специалистов. Их правильная оценка затруднена как недостатком информации, так и рядом методических проблем. Помимо многочисленных публикаций о военных потерях среди отдельных контингентов, имеется целая серия научных работ, содержащих общие оценки людских потерь СССР в результате войны 1941—1945 гг. [Война в тылу врага, 1974: 19—97].

Демографический баланс предполагает сопоставление численности населения в одних и тех же территориальных границах. При определении численности

и возрастного состава населения на середину 1941 г. авторы коллективного труда «Население Советского Союза. 1921—1991» (М., 1993) допустили, что возрастные показатели рождаемости и смертности в первой половине 1941 г. оставались такими же, как в 1940 г. Полученная ими таким образом оценка численности населения СССР на середину 1941 г. составила 196 716 тыс. человек (94 338 тыс. мужчин и 102 378 тыс. женщин).

Численность населения на начало 1946 г. составила 170 548 тыс. человек (74 364 тыс. мужчин и 96 184 тыс. женщин). Из них 159 456 тыс. человек (68 783 тыс. мужчин и 90 673 тыс. женщин) — родившиеся до середины 1941 г.

Общее число умерших или оказавшихся за пределами страны в рассматриваемый период из числа родившихся до 22 июня 1941 г. составляет, таким образом, 37,2 млн человек. Однако эта цифра не может быть, конечно, целиком отнесена к людским потерям, т. к. и в мирное время за 4,5 года умерла бы некоторая часть живших. Если бы возрастные коэффициенты смертности населения СССР в 1941—1945 гг. оставались такими же, как в предвоенном 1940 г., то число умерших за 4,5 года составило бы 11,9 млн человек. Таким образом, людские потери этих поколений составили в общей сложности 25,3 млн человек (37,2 млн — 11,9 млн).

К 25,3 млн людских потерь среди родившихся до войны следует прибавить потери вследствие более высокой, чем перед войной, смертности детей, родившихся в годы войны. Анализ динамики численности поколений детей 1936—1940 годов рождения в годы войны показывает, что смертность в возрастах 5—9 лет в этот период была выше среди мальчиков на 60 %, а среди девочек на 48 %, чем в предвоенном 1940 г. Попытка оценить рост смертности в детском возрасте до 4 лет выглядит следующим образом: в возрасте 0 лет — мальчики — 37,9 %, девочки — 39,7 %; в возрасте 1—4 года мальчики — 51,2 %, девочки — 38,5 %.

Общие людские потери населения СССР в результате Великой Отечественной войны составили примерно 26,6 млн человек, людские потери среди родившихся до начала войны составили 24,7 млн, а общие потери — 26 млн. В общем объеме людских потерь более 76 %, или 20 млн, приходится на мужчин. Наиболее пострадали поколения мужчин, родившихся в 1901—1931 гг.: из общей величины потерь на их долю приходится более 55 %, или 10 млн, преждевременно прерванных жизнью [Население Советского Союза, 1993: 73—75, 77].

На долю такого фактора, как общее повышение уровня смертности в результате ухудшения условий жизни, можно отнести 9—10 млн умерших в годы войны. Повышение уровня смертности во время войны произошло повсеместно; так, по имеющимся оценкам, отрицательный естественный прирост в годы войны был не только на Украине и в Белоруссии, которые были оккупированы, но и в далекой от военных действий Сибири [Исупов, 1990: 180—201; Перковский, Пирожков, 1990].

Насколько велика была убыль гражданского населения в оккупированных районах РСФСР, можно судить по имеющимся данным в отношении десяти административно-территориальных единиц России (табл. 1).

Таблица 1

**Сокращение количества гражданского населения
на некоторых территориях РСФСР к 1944 г.¹**

Край, область, автономная республика	Население, тыс. чел.		Сокращение	
	до оккупации	после оккупации		
			тыс. чел.	%
Краснодарский	3102,8	2203,4	899,4	28,9
Ставропольский	1908,7	1399,9	508,8	26,6
Воронежская	3475,9	2508,9	967,0	27,8
Курская	3076,4	1671,5	1404,9	45,7
Ростовская	2828,4	1617,7	1210,7	42,8
Сталинградская	2238,7	1292,3	946,4	42,3
Кабардино-Балкарская	351,5	284,4	67,7	19,8
Калмыцкая	216,0	171,1	44,9	20,8
Северо-Осетинская	320,8	250,6	70,2	21,9
Чечено-Ингушская	680,9	365,7	15,2	46,3
<i>Всего</i>	18200,1	11765,5	6434,6	32,3

Так, в Краснодарском и Ставропольском краях, Воронежской, Курской, Ростовской, Сталинградской областях, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных республиках население за время оккупации сократилось с 18,2 млн человек (по переписи 1939 г.) до 11,8 млн человек к моменту освобождения, т. е. на 6,4 млн человек. При подсчете учитывались данные о призыве соответствующих контингентов в Красную армию, а также эвакуация некоторой части населения в тыловые районы страны. Итоговые данные о людских потерях получились довольно большими, особенно в таких областях, как Воронежская, Курская, Ростовская, Сталинградская.

В общее число убыли гражданского населения в десяти названных административно-территориальных единицах (6,4 млн человек) входят погибшие от нацистского террора (1,1 млн), умершие от голода и других жестокостей оккупационного режима (1 млн), погибшие на принудительных работах в Германии (0,5 млн), выселенные в 1944 г. с Северного Кавказа в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки (0,6 млн), погибшие партизаны и подпольщики, а также беженцы и невозвращенцы (миграционные потери). В это же число входят погибшие от бомбежек, обстрелов и других видов боевого воздействия в прифронтовой полосе [Московские ведомости, 1990: 11].

Приведенную цифру сокращения населения в десяти названных краях, областях и автономных республиках (6,4 млн человек) нельзя считать целиком демографической убылью гражданского населения в рассматриваемом районе России. В это число входят (кроме погибших) угнанные в Германию, часть которых возвратилась после окончания войны, выселенные в 1944 г. в восточные

¹ Составлено и подсчитано по: [Людские потери СССР... , 1995: 29—31; Колесник, 1982: 223].

районы страны некоторые народности Северного Кавказа, стихийно эвакуировавшиеся граждане, а также немецкие прислужники, бежавшие вместе с войсками противника, и другие лица, покинувшие свое место жительства, но не относящиеся к демографическим потерям.

Кроме того, здесь четко просматривается различие в цифрах убыли населения по отдельным территориям. Это обусловлено удельным весом городского населения, сокращение которого оказалось значительно большим, нежели сельского. Такая особенность была характерна для всех освобожденных районов РСФСР.

Сведения об истреблении мирных жителей на оккупированных территориях РСФСР и СССР в целом представлены в табл. 2.

Таблица 2

Численность жертв среди гражданского населения на оккупированных территориях СССР и РСФСР в 1941—1944 гг., чел.²

Причина гибели	СССР	РСФСР
Преднамеренное истребление	7420379	1800000
Принудительные работы в Германии	2464413	1054769
Жестокие условия оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи, каторжный труд и др.)	4300000	1840400
<i>Всего</i>	14184792	4695169

Фашисты преднамеренно уничтожили в РСФСР 1,8 млн мирных граждан, 1,9 млн человек угнали в Германию. Из них погибли и умерли в фашистской неволе 889,5 тыс. человек. Кроме того, по имеющимся данным, на оккупированной территории СССР умерло, в том числе от непосильного труда, голода, отсутствия медицинской помощи 8,5 млн человек. Если вычесть из этого естественную 6%-ю убыль населения оккупированных районов, рассчитанную для условий мирного времени и составившую 4,4 млн человек, то число преждевременно умерших от жестокого воздействия оккупационного режима составит не менее 4,1 млн. Аналогичное количество потерь, рассчитанное для РСФСР, составляет 168,5 тыс. человек.

² Составлено и подсчитано по: [Шевяков, 1991: 10; Великая Отечественная война, 1985: 619].

Кроме погибших на принудительных работах в Германии, к числу общих потерь гражданского населения следует отнести 151 тыс. так называемых невозвращенцев из числа «остарбайтеров». Всего не возвратились в СССР 451 000 человек, которые при активной роли военных властей США, Англии и Франции были завербованы в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы и Латинской Америки, в США и Австралию и стали эмигрантами.

Данные о гибели гражданского населения получены расчетным методом с применением коэффициента 42,8, который выражает процентное соотношение между численностью населения на оккупированной территории РСФСР (30 млн человек) и численностью населения, оказавшегося на оккупированной территории СССР в целом (70 млн человек).

Кроме жертв, связанных с нацистским террором, жестокими условиями оккупационного режима и угоном советских людей в фашистское рабство, гражданское население несло большие потери от боевых действий противника в прифронтовых районах, в результате гибели многих тысяч жителей блокадных, осажденных и фронтовых городов.

Во всех освобожденных районах резко изменилось соотношение между женским и мужским населением трудоспособного возраста (табл. 3).

Таблица 3

**Возрастно-половой состав населения некоторых территорий РСФСР
в 1939—1944 гг., %³**

Край, область, автономная республика	Возраст, 16—55 лет	
	Соотношение численности женщин и мужчин	
	до оккупации	после освобождения
Краснодарский	11,2	32,2
Ставропольский	10,6	26,0
Воронежская	11,6	29,5
Курская	11,6	29,5
Ростовская	10,8	24,8
Сталинградская	10,9	29,8
Кабардино-Балкарская	9,2	19,8
Калмыцкая	10,3	27,3
Северо-Осетинская	9,9	25,9
Чечено-Ингушская	9,2	10,6

Различие в соотношении между количеством женщин и мужчин во всех освобожденных районах России было очень большим, особенно в Курской, Воронежской, Сталинградской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Калмыцкой и Северо-Осетинской АССР. Основная база пополнения рабочей силы в самых различных отраслях экономики освобожденных районов, которую представляло трудоспособное мужское население, сократилась в среднем в 3 раза. Главную роль в возрождении этих районов на первых порах играли женщины, их самоотверженный труд.

Вместе с тем следует иметь в виду, что на соотношение численности женщин и мужчин решающим образом повлияли также призывы к мобилизации мужского населения в Вооруженные силы (21,2 млн человек было призвано в РСФСР в годы войны) и безвозвратные потери военнослужащих на фронтах Великой Отечественной войны. Поэтому неблагоприятная обстановка, связанная с убылью прежде всего мужского населения, сложилась практически во всех регионах Российской Федерации, впрочем как и в СССР в целом. В результате этого началось снижение рождаемости и естественного прироста населения. Об этом свидетельствует демографическая статистика, приведенная в табл. 4.

³ См.: [Колесник, 1982: 224].

Таблица 4

**Рождаемость и естественный прирост населения России
в 1913—1974 гг., ‰⁴**

Годы	Рождаемость	Естественный прирост
1913	47,8	15,4
1940	33,0	12,4
1950	26,9	16,8
1960	23,2	15,8
1970	14,6	5,9
1974	15,7	6,5

Наиболее отрицательно сказались последствия войны на демографических процессах в РСФСР в 1960—1970-х гг. Именно в этот период наблюдались самые низкие показатели рождаемости и прироста населения, когда возникла «демографическая яма» и все еще продолжало сказываться «демографическое эхо» войны.

Сокращение рождаемости и прироста населения в период войны неизбежно приводит к косвенным людским потерям. Они представляют собой разницу между фактическим темпом роста населения в годы войны и тем, который мог бы иметь место в мирное время без фактора войны (помимо прямых людских потерь в войне). По подсчетам российских ученых, косвенные потери СССР в Великой Отечественной войне составили 23 млн человек [Кваша, 1990]. Аналогичные потери РСФСР, по нашим подсчетам, составили 14 млн человек, или 66,3 % от общесоюзных.

Почти каждая пятая замужняя женщина в России потеряла в войну мужа; многие из девушек так и не смогли вступить в брак. Особенно тяжелое положение сложилось в сельской местности, откуда в результате войны, а потом и миграции выбыло большинство мужского населения репродуктивных и работоспособных возрастов. Длительный разрыв супружеских связей в войну привел к снижению рождаемости. Низшая точка рождаемости пришлась на 1943 г.: ее показатель уменьшился по сравнению с 1940 г. в 2,8 раза в городе и 3,2 раза в деревне [Великая Отечественная война, 1999: 13].

Справедливо говорят, что у войны разные лица: жестокое и милосердное, живое и мертвое, но самое трагичное — это детское. Именно дети как самая уязвимая часть населения в первую очередь стали жертвами военных лет. Число сирот, оставшихся к тому же без крыши над головой, росло быстрее, чем возможности приюта в других семьях, детских домах, специальных ремесленных, суворовских и нахимовских училищах, домах ребенка, детских приемниках-распределителях. О том, что огонь войны опалил детство многих, убедительно свидетельствуют архивные документы. Согласно международной конвенции, солдаты моложе призывного возраста не имеют права носить оружие, а тем более участвовать в боях. И все же мальчишки самыми разными путями стремились попасть на фронт. Сотни ребят на товарных платформах, под брезентом, а если повезет, в теплушках устремились на запад. Их задерживали,

⁴ См.: [Большая советская энциклопедия, 1975: 243].

возвращали в тыл, но самые отчаянные снова и снова убегали из дома, всеми правдами и неправдами оказывались в боевых частях. Каждому из них хотелось стать сыном полка. Порой на пепелище, в полузасыпанной землянке или прямо на дороге солдаты подбирали замерзшего, голодного, заплаканного мальчишку, оставшегося сиротой. Его прежде всего обогревали и кормили. Бывало, что уже на следующий день очередной сын полка появлялся в перешитых по размеру шинели, гимнастерке, брюках, находились и подходящие сапоги. Более 25 тыс. сирот жили в солдатских землянках и при армейских штабах, стали сыновьями полков, столько же их находилось на боевых кораблях и в партизанских отрядах. За участие в боевых действиях более 200 тыс. детей были награждены орденами и медалями [там же: 15].

На оккупированной врагом территории дети сполна испытали жестокости установленного оккупантами «нового порядка»: голод и холод, тяжелый труд, издевательства, казни. Но страшнее всего было оказаться в концентрационном лагере. Малышей превращали в доноров и подопытных «кроликов», мало кому из них удавалось выжить. Совет Министров СССР 6 октября 1989 г. принял Постановление о предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских лагерей. На них распространялись те же льготы, которые имели участники войны.

Проблема детских судеб в условиях войны и после нее имеет и другие аспекты, в частности морально-этические. Она связана с многочисленными фактами рождаемости детей, чьими отцами были военнослужащие оккупационных войск вермахта. Как правило, это результат изнасилования женщин и даже девочек подросткового возраста. Причем если в других странах, оккупированных гитлеровцами, командование вермахта на такие «шалости» своих военнослужащих смотрело сквозь пальцы, то на территории СССР за это строго взыскивалось, но причина тут не в морали, а в расистских соображениях.

Тем не менее в конце 1942 г. ставка А. Гитлера располагала сведениями о том, что в начале войны на советской территории побывало почти 11 млн немецких военнослужащих, от которых родилось около 3 млн детей, в то время как во Франции, Бельгии, Дании и Норвегии таких оказалось менее 200 тыс. [там же: 17; *Международная жизнь*, 1994]. После войны отношение Советского государства и общества к таким женщинам и их детям было негативным, им приходилось всеми правдами и неправдами это скрывать.

Говоря об общих суммарных потерях гражданского населения СССР на оккупированных территориях, следует отметить большой разброс и разноречивость данных по этому вопросу. Многие из них предположительны (из-за невозможности точного исчисления), т. к. на оккупированных территориях учет населения советскими планово-финансовыми органами практически не велся; после же их освобождения работа по учету населения проводилась с большим опозданием, в спешке и не на должном уровне. Вместе с тем сохранилось большое количество документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков — Госплана СССР, Чрезвычайной государственной Комиссии и Управления по проведению репатриации при Совете Народных Комиссаров СССР (две последние структуры возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков). Эти документы попали и в материалы Нюрнбергского процесса.

Трудность сбора и неполнота данных, а также сложности методических расчетов отразились в конечных цифровых данных о потерях мирного населения на оккупированных территориях, как в документах, так и в публикациях историков и демографов. Однако ясно одно: несмотря на значительную разницу цифр, количество загубленных гитлеровцами жизней мирного советского населения ужасает, они исчисляются не одним миллионом людей.

При просмотре официальных документов (документы из секретариатов И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. А. Вознесенского, хранящиеся в ГАРФ и РГАЭ) было подсчитано, что путем массовых расстрелов, сожжения заживо в закрытых помещениях и удушения в газовых камерах гитлеровцы уничтожили 11,3 млн человек, что составило 16 % всего населения на оккупированных территориях. При истреблении мирного населения оккупанты в некоторых регионах широко практиковали преднамеренную организацию голода. Нацисты загубили таким способом 6,5 млн жителей. Не менее жестоким методом истребления населения был массовый угон на непосильные каторжные работы: на них было отправлено 5,6 млн человек. Документами подтверждается, что от голода, непосильного труда и истязаний из 5,6 млн человек погибло 3 млн. Следовательно, за годы оккупации было уничтожено 20,8 млн человек мирного населения [Филимошин, 2000; Шевяков, 2000].

Из 5,3 млн человек, угнанных в Германию, 2,2 млн умерли в неволе. Основные причины высокой смертности среди «остарбайтеров» — это непосильный каторжный труд, плохое питание и жестокое обращение лагерной администрации либо хозяев. К общим потерям СССР следует отнести 451,1 тыс. так называемых невозвращенцев из числа восточных рабочих и бывших военнопленных, освобожденных англо-американскими войсками, а также тех, кто служил немцам и из страха перед справедливым возмездием боялся возвращения домой [Великая Отечественная война, 1999: 19].

В документах Нюрнбергского процесса приводятся следующие данные. Гитлеровцами уничтожено и расстреляно на территории РСФСР 1,8 млн человек, Украинской ССР — 4,5 млн, Белорусской ССР — 2,2 млн, Латвийской — 644 тыс., Литовской ССР — 666 тыс., Эстонской ССР — 125 тыс., Молдавской ССР — 64 тыс., что составило в целом по СССР около 10 млн человек [Нюрнбергский процесс, 1961: 54, 307—515].

Проведенный статистическими органами учет показывает огромные размеры опустошений, произведенных гитлеровцами. Основные изменения во всех районах СССР, подвергавшихся оккупации, показаны в табл. 5.

Население оккупированных районов сократилось на 33 млн человек, или на 37,5 %, в том числе городское население — на 60 %, сельское — на 28,6 %. Часть населения — около 10 млн человек — была эвакуирована в тыл, часть призвана в армию, значительная часть угнана в Германию, погибла от рук фашистских захватчиков, голода и болезней. В наибольшей мере сократилось население в трудоспособных и репродуктивных возрастах, особенно мужское.

Восстановление хозяйственной жизни страны сразу же натолкнулось на нехватку рабочей силы. В оккупированных районах после освобождения сохранилось лишь 17 % рабочих [Немецко-фашистский оккупационный режим, 1985: 167].

Таблица 5

**Динамика численности населения оккупированных районов СССР
в 1941—1944 гг.⁵**

Категория населения	Численность населения		
	до оккупации	после освобождения	% к довоенной
Все население (млн чел.)	88	55	62,5
В том числе:			
городское (млн чел.)	25	10	40,0
сельское (млн чел.)	63	45	71,4
Учителя (тыс. чел.)	526,5	249,2	47,3
Врачи (тыс. чел.)	58,5	16,5	28,2

В течение всего периода германской оккупации руководство рейха и верховное командование Германии проводили политику угона физически здоровых граждан из оккупированных территорий Советского Союза в Германию и в другие страны для работы на положении рабов на военных заводах, в сельском хозяйстве фермеров и помещиков. Из СССР германские оккупационные власти отправили в рабство от 4 978 000 до 5 623 000 советских граждан [Великая Отечественная война, 1999: 21; Всероссийская книга памяти, 1995: 406, 407; Немецко-фашистский оккупационный режим, 1985: 167; Нюрнбергский процесс, 1961: 237; Совершенно секретно, 1967: 103; Филимошин, 2000; Шевяков, 2000].

Таким образом, основными причинами гибели советских людей на оккупированных территориях страны были: сознательное уничтожение захватчиками гражданского населения по национальному, расовому и политическому мотивам; стихийное уничтожение населения, а также строений и прочего при отступлении фашистских войск; инфекции, голод, тяжелый труд в период оккупации; естественная и насильственная смертность во время перемещения населения — самостоятельных миграций или принудительного угона на работу в Германию — по тем же причинам (инфекции, голод и пр.); смертность и увечья от мин и неразорвавшихся снарядов.

Библиографический список

- Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1975. Т. 22. 628 с.
- Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
- Великая Отечественная война, 1941—1945: в 4 кн. / отв. ред. Г. А. Куманев. М.: Наука, 1999. Кн. 4. 499 с.
- Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Наука, 1974. 197 с.

⁵ Составлено и подсчитано по: [Немецко-фашистский оккупационный режим, 1985: 166].

- Всероссийская книга памяти, 1941—1945: обзорный том / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Наука, 1995. 585 с.
- Исупов В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма: актуальные проблемы истории Советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 299 с.
- Кваша А. Я. Сколько мы заплатили за победу? // Неделя. 1990. № 25. С. 40—50.
- Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: сборник статей / отв. ред. и сост. Г. Ф. Кривошеев. СПб.: Буланин, 1995. 199 с.
- Международная жизнь. 1994. № 5. С. 19—29.
- Московские ведомости. 1990. № 41. С. 10—12.
- Население Советского Союза, 1921—1991 / отв. ред. Ю. А. Поляков, сост. В. Б. Жиромская. М.: Статистика, 1993. 193 с.
- Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.) / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Политиздат, 1985. 296 с.
- Ни давности, ни забвения... : по материалам Нюрнбергского процесса / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Политиздат, 1985. 298 с.
- Нюрнбергский процесс / отв. ред. и сост. А. М. Самсонов. М.: Политиздат, 1961. 615 с.
- Перковский А. Л., Пирожков С. И. Из истории демографического развития 30—40-х годов: (на примере Украинской ССР) // Экономика, демография, статистика: исследования и проблемы / отв. ред. Ю. А. Поляков, сост. В. Б. Жиромская. М.: Наука, 1990. С. 171—197.
- Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / отв. ред. и сост. Г. А. Куманев. М.: Политиздат, 1987. 398 с.
- Раков А. А. Белоруссия в демографическом измерении. Минск: БГУ, 1974. 197 с.
- Совершенно секретно! Только для командования: стратегия фашистской Германии в войне против СССР; документы и материалы / отв. ред. и сост. А. М. Самсонов. М.: Политиздат, 1967. 267 с.
- Филимошин М. В. Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне / отв. ред. и сост. Г. Ф. Кривошеев. СПб.: Буланин, 2000. С. 124—131.
- Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид и репатриация советского населения // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне / отв. ред. и сост. Г. Ф. Кривошеев. СПб.: Буланин, 2000. С. 170—180.
- Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территории СССР // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 3—11.

References

- Filimoshin, M. (2000) Ob itogakh ischisleniia poter' sredi mirnogo naseleniia na okkupirovannoĭ territorii SSSR i RSFSR v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ Voĭny [On the results of calculation of losses among the civilian population in the occupied territory of the USSR and RSFSR during the Great Patriotic War], in: Krivosheev, G. F. (ed.), *Ljudskie poterĭ SSSR v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne*, St. Petersburg: Bulanin, pp. 124—131.
- Isupov, V. A. (1990) *Demograficheskaia sfera v epokhu stalinizma: Aktual'nye problemy istorii sovetskoi Sibiri* [Demographic sphere in the era of Stalinism: Actual problems of the history of Soviet Siberia], Novosibirsk: Nauka.

-
- Kolesnik, A. D. (1982) *RSFSR v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny: Problemy tyla i vsenarodnoĭ pomoshchi frontu* [RSFSR during the Great Patriotic War: The problems of the interior and nation-wide aid to the front], Moscow: Nauka.
- Kozlov, M. M. (ed.) (1985) *Velikaia Otechestvennaia voĭna, 1941—1945: ěntsiklopediia* [Great Patriotic War, 1941—1945: encyclopedia], Moscow: Sovetskaia ěncyclopediia.
- Krivosheev, G. F. (ed.) (1995) *Liudskie poteri v SSSR v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne: Sbornik stateĭ* [Casualties of the USSR in the Great Patriotic War: Collection of articles], St. Petersburg: Bulanin.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1974) *Voĭna v tylu vraga: O nekotorykh problemakh istorii sovetskogo partizanskogo dvizheniia v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny* [The war behind enemy lines: Some problems in the history of the Soviet partisan movement during the Great Patriotic War], Moscow: Nauka.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1985) *Nemetsko-fashistskiĭ okkupatsionnĭi rezhim (1941—1945)* [German-fascist occupation regime (1941—1944)], Moscow: Politizdat.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1985) *Ni davnosti, ni zabveniiia... : Po materialam Niurnbergskogo protsesssa* [No prescription or oblivion... : On materials of the Nuremberg trials], Moscow: Politizdat.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1987) *Prestupnye tseli gitlerovskoĭ Germanii protiv Sovetskogo Soiuzsa: Dokumenty i materialy* [Criminal purpose of Nazi Germany in the war against the Soviet Union: Documents and materials], Moscow: Politizdat.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1995) *Vserossiiskaia kniga pamiati, 1941—1945: Obzornyĭ tom* [All-Russia book of memory, 1941—1945: Panoramic volume], Moscow: Nauka.
- Kumanev, G. A. (ed.) (1999) *Velikaia Otechestvennaia voĭna, 1941—1945: in 4 vols* [The Great Patriotic War, 1941—1945: in 4 vols], Moscow: Nauka, vol. 4.
- Perkovskĭi, A., Pirozhkov, S. I. (1990) Iz istorii demograficheskogo razvitiia 30—40-kh godov: (Na primere Ukrainskoĭ SSR [From the history of the demographic development of 30—40s (For example, Ukrainian SSR)], in: Poliakov, Iu. A. (ed.), *Ekonomika, demografiia, statistika: Issledovaniia i problemy*, Moscow: Nauka, pp. 171—197.
- Poliakov, Iu. A. (ed.) (1993) *Naselenie Sovetskogo Soiuzsa, 1921—1991* [The population of the Soviet Union, 1921—1991], Moscow: Statistika.
- Rakov, A. (1967) *Belorussiia v demograficheskom izmerenii* [Belarus in the demographic dimension], Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyĭ universitet.
- Samsonov, A. M. (ed.) (1961) *Niurnbergskĭi protsess* [The Nuremberg trials], Moscow: Politizdat.
- Samsonov, A. M. (ed.) (1967) *Sovershenno sekretno! Tol'ko dlia komandovaniia: Strategia fashistskoĭ Germanii protiv Sovetskogo Soiuzsa. Dokumenty i materialy* [Top secret! Only for command: Strategy of Nazi Germany in the war against the Soviet Union. Documents and materials], Moscow: Politizdat.
- Sheviakov, A. (1991) Gitlerovskĭi genotsid na territorii SSSR [Hitler's genocide on the territory of the SSSR], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 3—11.
- Sheviakov, A. (2000) Gitlerovskĭi genotsid i repatriatsia sovetskogo naseleniia [Hitler's genocide and repatriation of the Soviet population], in: Krivosheev, G. F. (ed.), *Liudskie poteri SSSR v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne* [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War], St. Petersburg: Bulanin.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ББК 60.541.4

А. Ю. Казакова

«СОЦИАЛЬНОЕ ДНО»: КРИЗИС ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГЛУБИНЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ

По итогам личного раздаточного тест-анкетирования, проведенного нами в 2012 г. в целях сравнительного анализа состояния аутсайдеров, дифференцированных по признакам пола и возраста, в обычных условиях и в условиях групповой изоляции в качестве клиентов социальных служб, воспроизводится картина утраты идентичности. Выяснилось, что факторами, разрушающими гендерную идентичность, становятся социализация в интернатных условиях, длительное подавление базовых потребностей, удовлетворение которых само по себе не способно «восстановить» гендер, и стигматизация со стороны «большого» общества. При этом мужская идентичность обладает большей сопротивляемостью, чем женская, но лишь вне режима групповой изоляции, предполагающей «селекцию» по признаку-стигме. Кризис гендерной идентичности указывает на глубину дезадаптации либо является показателем отклонения траектории первичной социализации от нормативной модели, что, в свою очередь, способно стать фактором дезадаптации и нисходящей мобильности личности.

Ключевые слова: маргинальность, социальная идентичность, гендерная идентичность, социальная изоляция, групповая дезадаптация, социальная смерть.

A. Y. Kazakova. “Social bottom”: the crisis of gender identity as an indicator of the depth of disadaptation

According to the results of a personal handout test survey conducted in 2012 for comparative analysis of outsiders, differentiated by gender and age, in normal conditions and in conditions of group isolation as clients of social services, the loss of identity picture is reproduced. We have found that the factors destroying gender identity were socialization in institutions, long-term suppression of basic needs, the satisfaction of which is not in itself able to “restore” gender and stigma from the “big society”. Adolescents with disabilities in boarding schools produce psychological, based on the similarity of interests,

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 49—59

© Казакова А. Ю., 2015

Казакова Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, методист МБОУ ДПО «Информационно-методический центр», г. Калуга, Россия, kazakova.a.u@yandex.ru (Cand. Sc., methodologist of Information and Methodological Center, Municipal Budgetary Institution of Further Vocational Education, Kaluga, Russia).

hobbies, musical tastes of primary groups, identity. It is also used in demographic identification on the basis of age. An unsupervised adolescent makes social identity based on occupation in formal groups (school), and age. Masculine identity in terms of being “at the bottom” is constructed by being included in underprivileged but not stigmatized low-income group. Women outsiders consistently demonstrate communicative strategy of refusal to identify themselves as a marginal identity. It is experienced by them, apparently, more painfully than it is by men. While male identity has more resistance than the female, but only out of the isolation mode, suggesting a selection on the basis of the stigma. Depersonalization is an integral part of incarceration. The crisis of gender identity refers to the “depth” of maladjustment or is a measure of the deviation of the trajectory of the primary socialization from normative models that, in turn, can become a factor of exclusion and downward mobility of the individual. The gender identity loss becomes a kind of “point of no return” — the marker of the moment when a long process of social exclusion and reintegration of personality on “the bottom” is finally replaced by a stage of “social death”.

Key words: marginality, social identity, gender identity, social isolation, group disadaptation, social death.

Гендерный компонент социальной идентичности — один из первичных, формирующийся рано (от 2 до 7 лет [Kohlberg, 1966: 93]), дифференцированно (в 5—7 лет у мальчиков и 3—8 лет у девочек [Захаров, 1982: 67]), стадийно, когда завершающая фаза отодвигается к юношескому возрасту [Ижванова, 2004], началу половой жизни или беременности (теоретическое обоснование данной стадии дает, например, Д. Пайнз [Пайнз, 1997], эмпирический разбор классовой дифференциации обретения женской идентичности осуществляет А. В. Белова [Белова, 2006: 56—57]). Проявляя себя как кросс-ситуативный регулятор поведения личности, т. е. реализующийся в широком, хотя и конечном, «личном диапазоне пригодности» [Келли, 2000: 93—95], он обеспечивает личностную устойчивость и непрерывность в ситуациях социальной нестабильности, в переходном статусе, в условиях изменения привычной жизненной среды [Иванова, 2009: 99]. Асексуальность и транссексуальность на уровне внешнем, психологическом, физиологическом, социальном являются либо основаниями стигматизации (как в случае сексуальных меньшинств [Матевосян] или профессиональных сообществ, формирующихся вопреки традиционным гендерным ролям: мужчина-парикмахер, женщина-солдат [Решетникова, Туринцева, 2014], в случае резкого и неустранимого несоответствия актуальному эстетическому образцу [Millman, 1980]), либо средствами символического маркирования маргинальности [Затулий, 2006], либо последствиями маргинализации личности (как в случае застарелых химических аддикций).

Крайний случай дезадаптации — деградация личности, «социальная смерть», а в пределе — и смерть биологическая [Ворошилин, 2011]. Поэтому методологически именно «социальное дно» и придонные слои позволяют отметить экстремальные проявления целого ряда типических процессов, характерных и для нормативно-нормального большинства, но реализующихся в этом случае менее выражено, в смягченной форме.

Картину утраты идентичности мы воспроизводим по итогам личного раздаточного тест-анкетирования, проведенного нами в 2012 г. в целях сравнительного анализа состояния аутсайдеров, дифференцированных по признакам пола и возраста, в уличных условиях и в условиях групповой изоляции в качестве клиентов социальных служб. Критерий отбора на улице, помимо внешнего вида, — сбор подаяния и публичное распитие спиртных напитков; для детей также — самый факт пребывания на улице в «комендантские» часы без сопровождения взрослых. Авторский инструментарий включал методику оценки склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орла, которой предусмотрена шкала принятия женской социальной роли; методику завершения неоконченного предложения «Группа, к которой я принадлежу, ___»; закрытые вопросы о субъективной оценке степени группового и личного благополучия, а также о характере темпоральных переживаний собственной ситуации как рутинно неизменной, неконтролируемо изменчивой или сознательно управляемой. Выборка — квотно-типологическая с двумя ступенями отбора, $n = 166$ (табл. 1).

Таблица 1

Структура выборки, чел.

Возраст респондента, лет	ШИ ¹		ДИ ²		СРЦ ³		Улица	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Не указан	1	0	0	0	0	0	0	0
До 18	9	16	0	0	0	0	16	4
18—39	0	0	0	1	1	4	9	8
40—60	0	0	0	9	15	18	10	7
61+	0	0	19	11	4	2	1	1
<i>Всего</i>	10	16	19	21	20	24	36	20

¹ Калужская областная школа-интернат для слабослышащих детей.

² Калужский областной дом-интернат для престарелых и инвалидов.

³ Калужский областной социально-реабилитационный центр для лиц без определенного места жительства и занятий (*бомж* и *з*).

Теоретическое обоснование специфики социальной идентичности представителя «социального дна» обнаруживается в традиции социологического изучения роли «чужака», начало которой положили работы Г. Зиммеля. «Чужак» портретируется как измененный нарушением традиционной организации общества, соприкосновением с инокультурной средой тип личности, эмансипированной от норм, обычаев, традиций группы. Рушится старая идентичность, отрыв от привычного круга ролевых партнеров ведет к ослаблению связей с социумом. Пребывание в переходном статусе сопряжено с особым состоянием «сепарационной тревоги» и вызывает настойчивый поиск новой идентичности. Поэтому за ним следует либо интеграция в новый социальный порядок, либо идентификация с собственно маргинальным типом, что обеспечивает закрепление на периферии социального пространства [Козер, 1994].

Именно такую ситуацию мы наблюдаем у групп социальной эксклюзии: идентификаций мало, во многих случаях она отсутствует вовсе.

Общее распределение между демографическими группами средних баллов оценки благополучия, роли собственных усилий в формировании будущего и критериев групповой идентификации показано в табл. 2.

Таблица 2

Идентификации респондентов

Подгруппа	Критерий групповой идентификации	Идентификация, баллы					Количество идентификаций
		Благополучие группы ¹	Личное благополучие ²	Причины личной мобильности ³	Жилье ⁴	Возраст	
ШИ							
ж	Интересы, хобби, склад ума	3,27	3,00	2,87	2,00	16,19	0,63
м	Возраст, первичные связи, интересы	3,33	3,11	3,56	2,00	16,13	0,89
ДИ							
ж	Род занятий, физические характеристики, пол	1,65	1,67	1,24	1,00	59,57	0,95
м	Род занятий	1,79	1,55	1,35	1,00	68,68	1,00
СРЦ							
ж	Жилищный статус	1,43	1,67	1,54	0,00	49,83	0,50
м	То же	1,40	1,65	3,00	0,00	53,25	1,00
Улица							
ж до 18	Род занятий, пол	3,00	2,00	1,50	2,00	13,50	2,00
м до 18	Род занятий, возраст, физические характеристики	2,38	1,94	1,80	1,25	14,50	1,00
ж 18—39	То же	2,13	2,50	2,25	1,25	30,00	0,00
м 18—39	Уровень жизни	2,00	2,00	2,11	1,33	32,10	1,00
ж 40+	То же	2,13	2,63	1,25	1,25	49,38	0,00
м 40+	»	2,00	2,36	1,81	1,27	49,20	1,00

^{1, 2, 3} Баллы: 1—4.

⁴ Баллы: 0 — отсутствие жилья, 1 — институциональное жилье, 2 — жилье в собственности семьи.

Способность формировать и поддерживать позитивную идентичность связана с оценкой жизненной ситуации в целом [Климов, 2001: 65], а наши респонденты депривированы по целому ряду признаков (табл. 3).

Таблица 3

Корреляты личного и группового благополучия

Фактор	Субъективное благополучие (коэффициент корреляции Пирсона)	
	групповое	личное
Пол	-0,05	-0,09
Возраст	-0,61	-0,58
Наличие и качество жилья	0,41	0,69

Максимальна депривация лиц *бомж* и одиноких пенсионеров. Независимо от пола, они определяют себя лишь как клиентов социальной службы: *бомж* и *пенсионер*. При этом если в первом случае сама аббревиатура нейтрализует грамматическую категорию, то во втором примечательно, что и женщины при самокатегоризации используют почти исключительно форму мужского рода. Из 21 респондентки в доме-интернате 15 определяют себя как *пенсииера* (мужской род), три женщины — как *инвалида* (общий род) и лишь одна — как *пенсионерку*.

Однако возникает вопрос, почему из доступных компонентов социальной идентичности респонденты оперируют лишь одним. Безусловно, в силу выключенности из общественного производства вместе с профессиональными навыками утрачивается и профессиональная идентичность; человек, не имеющий жилья, семьи, не может соотносить себя с территориально-поселенческой общностью или родственной группой. Но и при этом остается возможность актуализации этноконфессиональной, возрастной, классовой, гендерной принадлежности как доступных вариантов «ретроидентификации» [Кастельс, 2000: 14].

Их отсутствие на практике мы связываем с феноменом групповой изоляции. В пользу этого говорит тот факт, что в условиях улицы все взрослые респонденты, объективно принадлежащие к лицам без определенного места жительства, избегают такой идентификации, определяя себя как *малоимущих*, что позволяет поддерживать более позитивную идентичность, чем стигматизированная категория *бомж*.

Деперсонализация новичка пенитенциарных заведений, психбольниц, интернатов отмечалась исследователями «карцерных организаций» М. Фуко, А. Этциони, И. Гоффманом [Goffman] и ранее. Однако наши данные, по видимому, указывают, что деперсонализация сопровождает инкарцерацию всегда, а не только в случаях, когда последняя совершается недобровольно и расценивается новичками как ухудшение жизненной ситуации.

Деперсонализация взрослого аутсайдера настолько глубока, что не активизируется даже идентичность психологическая, которая значительно более устойчива, чем социальная идентичность, и потому способна выполнять функцию психологической защиты в ситуации нестабильности и кризиса. Именно она, опережая возрастную и семейную, доминирует у учащихся школы-интерната. Ни один из них не соотносит себя с институтом образования,

ни одна — в отличие от сверстниц с улицы — не использует грамматических форм женского рода, маркирующих осознание гендера (*школьница, учащаяся*), никто не упоминает свой физический статус. Подчеркнутое и абсолютное для всей группы нежелание формировать идентичность на основе болезни, физических дефектов, несмотря на то, что именно это составляет основание группового членства, резко отличает ее и от сверстников (есть самоопределения *инвалид*), включенных пусть в неблагополучную, но широкую социальную среду, и от взрослых клиентов социальных служб, для которых «пациентная», объектная идентификация является единственной. Психологическая защита от негативной идентичности реализуется за счет апелляции к индивидуальным особенностям: «группа, к которой я принадлежу» — *творческая, спортсмены, меломаны, люди, обладающие абстрактным мышлением*.

Только здесь вербализована позитивная идентичность (группа... *самая лучшая*). Подростки из интерната чаще всех считают себя творцами собственной судьбы, значительно опережая в этом уличных сверстников, почти всегда высоко оценивая уровень и группового благополучия (среднее — 3,29, дисперсия — 0,3), и особенно личного (среднее — 3,04 при самом низком во всей выборке значении дисперсии — 0,04). Однако с учетом того, что это единственная группа, где вербализуется отрицание какой бы то ни было групповой принадлежности (*никакая*), доминирует первичная идентификация с семьей, где элементы социальной идентификации ограничиваются возрастными группами (*молодежь*), можно говорить о том, что уличные подростки более успешно формируют социальную идентичность, основанную на роде занятий (*учащийся*) и формальном членстве (*школа*).

Итак, существование вне учреждений «тотального типа» дает большее пространство самоидентификаций. Первичная социализация в условиях групповой изоляции препятствует формированию социальной идентичности, обеспечивая личность малым числом конструктивных элементов: первичными связями, индивидуальными вкусами и интересами. Инкарцерация ресоциализированных «на дне» взрослых аутсайдеров приводит к полной утрате и социальной, и личной идентичности. Ее можно было бы считать временной психологической реакцией на «пациентную» ситуацию, которую можно преодолеть в последующей психосоциальной реабилитации, если бы не одинаковая картина у лиц *бомж* и *з*, находящихся в условиях групповой изоляции временно, и клиентов дома-интерната для престарелых и инвалидов, проживающих там постоянно.

Количество случаев, при которых респондент оказывался не в состоянии совершить акт любой идентификации (речь идет именно о невозможности или нежелании, т. к. опросные бланки с большим количеством пропусков выбраковывались), — 39. F-тест показывает, что разница двух совокупностей (совершивших и не совершивших идентификацию) существенна, не случайна (значение f-коэффициента 0,002 при $\alpha = 0,05$). Подавляющее большинство пропусков (36) допущено женщинами.

Сильная зависимость идентификаций от пола подтверждается коэффициентами ассоциации и контингенции, приведенными (в сравнении с признаком наличия/отсутствия жилья) в табл. 4.

Таблица 4

Связь наличия идентификации с полом и наличием жилья

Жилье	Идентификация		Пол	Идентификация	
	Есть	Нет		Есть	Нет
Отсутствие	82 чел.	21 чел.	м	82 чел.	3 чел.
Наличие	45 чел.	18 чел.	ж	45 чел.	36 чел.
к ассоциации	0,22		к ассоциации	0,91	
к контингенции	0,09		к контингенции	0,48	

Гендерные различия проявляются также в количестве идентификаций — у мужчин их больше (корреляция Пирсона 0,38) — и в несколько большей у мужчин, чем у женщин (корреляция Пирсона 0,23), уверенности в управляемости происходящих в их жизни изменений. Максимально высокую уверенность в ней показывают лишь 5 % респондентов, преимущественно мальчики — учащиеся школы-интерната (5 чел.) и мужчины-аутсайдеры (2), опрошенные на улице. Минимальную уверенность показывают: среди учащихся — 1 (девочка), среди клиентов СРЦ — 15 (все женщины), среди клиентов ДИ — 17 женщин и 13 мужчин, среди опрошенных на улице — 16 мужчин и 10 женщин.

И в целом по выборке, и внутри каждой из подгрупп женская идентичность, по-видимому, отличается большей, в терминологии Э. Эриксона [Эриксон, 1996: 10—14], «прерывностью», снижением активно-субъектного начала. Хотя в ходе нормальной первичной социализации, отмечают психологи, формирование гендерной идентичности у мальчиков является более трудным процессом, поскольку при успешном преодолении исходного симбиоза с матерью «в мальчике поселяется постоянная внутренняя бдительность», которая удерживает его от потери своих достижений в мужественности или не позволяет им ослабеть; «мужчины куда более воинственно защищают свою мужественность, нежели женщины свою женственность» [Матевосян].

Еще в 2011 г., оценивая связь жилищных условий со степенью выраженности девиантного поведения, по итогам применения теста склонности к отклоняющемуся поведению мы выявили достаточно сильную обратную связь (—0,47) принятия женской социальной роли и масштабов изменения жилищных условий (и в целом социальной ситуации личности) [Казакова, Калиниченко, 2012]. Очень важно, что эта тенденция касается как «социального дна», так и нормативно-нормальных слоев и не зависит от вектора изменений, т. е. для сохранения фемининности необходима ситуация достаточно высокой социальной стабильности; чем субъективно резче воспринимается масштаб восходящей или нисходящей мобильности, тем меньше степень гендерной идентификации.

В нашем случае о стабильности жизненной ситуации говорят 44 респондентки — 55 % всех женщин в выборке, средний балл оценки личного благополучия у них при этом составляет 1,7 из возможных 4. Коэффициенты ассоциации и контингенции подсказывают, что гендерной идентификации способствует не столько оценка личной успешности на фоне группы, сколько субъективное благополучие группы в целом как гарантия стабильности (табл. 5).

Таблица 5

Благополучие и гендер

Гендерная идентификация, n = 81			Гендерная идентификация, n = 78, 3 пропуска		
Личное благополучие	Есть	Нет	Групповое благополучие	Есть	Нет
Высокое	3 чел.	31 чел.	Высокое	4 чел.	16 чел.
Низкое	3 чел.	44 чел.	Низкое	1 чел.	57 чел.
k ассоциации	0,17		k ассоциации	0,87	
k контингенции	0,05		k контингенции	0,33	

В 2012 г. применение методики СОП показало, что во всех социально-изолированных группах (как в условиях групповой изоляции на базе институциональных учреждений социальной поддержки, так и вне ее) женщины демонстрируют более устойчивые аддикции, а с возрастом девиантная направленность личности в целом у женщин проявляется намного сильнее и последовательней, чем у мужчин, по целому ряду показателей. Во всей совокупности опрошенных нет ни одной респондентки с высоким уровнем принятия женской социальной роли; самые низкие баллы наблюдаются в уличной группе старше 18 лет (1,2) и в группе клиенток СРЦ для лиц *бомж* и з (1,3). У девочек же, обучающихся в школе-интернате, и пенсионерок баллы одинаковы (2,0). Это дает основания предположить, что в условиях социальной изоляции принятие женской роли на уровне поведения имеет тенденцию незначительно расти.

Вместе с тем на вербальном уровне (помимо грамматических форм) ни одна подгруппа респондентов не оперирует гендерными идентификаторами: номинации «мужчина/женщина» и прочие обозначения традиционных гендерных ролей (мать, сын своих родителей и др.) отсутствуют. Это резко отличает группы социальной эксклюзии от представителей нормативно-нормального большинства, при опросе которых с помощью методик «10 Я» или «Кто я?» (в качестве иллюстрации к понятию идентичности для студенческих групп, изучающих дисциплину «Социология») около четверти реакций неизменно составляют гендерные идентификаторы (жена, женщина/мужчина и др.). Причину этого мы видим в явлении стигматизации «социального дна», которое для конформного населения выступает как негативный эталон, позволяющий поддерживать собственную позитивную идентичность даже в неблагоприятной ситуации. Как показал в 2005 г. тест свободных ассоциаций со словом-стимулом *бомж*, проведенный нами в рамках работ по гранту РГНФ на тему «Бомж и безнадзорный: объект и субъект общественного мнения как доминанты его направленности», все опрошенные подчеркивают потерю человеческого облика, близость к животному состоянию и бесполость (*человекообразное, непонятное существо, оно, все-таки человек и не человек*). Более того, сами лица *бомж* обоих полов подчеркивают утрату личностного начала, негативный образ Я и отторжение от собственной телесности.

Применение методики оценки склонности к отклоняющемуся поведению и в 2011, и в 2012 гг. показало, что уровень автоагрессии в условиях групповой изоляции не только не снижается, но даже растет, и уровень ее выше у женщин.

Таким образом, факторами, разрушающими гендерную идентичность, становятся социализация в интернатных условиях, длительное подавление базовых потребностей, удовлетворение которых само по себе не способно восстановить гендер, и стигматизация со стороны «большого» общества. При этом мужская идентичность обладает большей сопротивляемостью, чем женская, но лишь вне режима групповой изоляции, предполагающей «селекцию» по признаку-стигме.

Кризис гендерной идентичности указывает на глубину дезадаптации либо является показателем отклонения траектории социализации от нормативной модели, что, в свою очередь, способно стать фактором дезадаптации и нисходящей мобильности личности. Утрата гендерной идентичности становится своего рода «точкой невозврата» — маркером момента, когда длительный процесс социальной дезадаптации и ресоциализации личности «на дне» окончательно сменяется стадией «социальной смерти».

Библиографический список

- Белова А. В. Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // *Женщина в российском обществе*. 2006. № 4. С. 45—63.
- Ворошилин С. И. Расстройства половой идентификации и суицидальное поведение // *Суицидология*. 2011. Т. 2, № 2. С. 3—11.
- Затулий А. И. Костюмообразы маргиналов: о модных тенденциях конца XX — начала XXI века // *Текстильная промышленность*. 2006. № 8. С. 30—36.
- Захаров А. И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // *Вопросы психологии*. 1982. № 1. С. 59—68.
- Иванова С. П. Психологическая устойчивость личности как фактор противодействия негативным влияниям социальной среды в ранней юности и молодости // *Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2009. № 9. С. 99—107.
- Ижванова Е. М. Развитие полоролевой идентичности в юношеском и зрелых возрастах: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/razvitie-polorolevoj-identichnosti-v-junosheskom-i-zrelyh-vozzrastah.html> (дата обращения: 24.03.2015).
- Казакова А. Ю., Калиниченко О. Ю. Социальные и социально-психологические факторы девиантного поведения лиц с различной жилищно-ресурсной обеспеченностью // *Вестник новых медицинских технологий*. 2012. Т. 19, № 1. С. 217—219.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
- Келли А. Дж. Королларий о диапазоне // Келли А. Дж. Теория личности. СПб.: Речь, 2000. С. 93—97.
- Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России: научные доклады. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 54—81.
- Козер Р. В защиту модерна: ролевая сложность и индивидуальная автономия: (введение) // *Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: реферативный журнал / ИНИОН РАН*. 1994. Вып. 4.

- Матевосян С. Н. Половая идентичность и ее девиации: (обзор психоаналитической литературы). URL: <http://www.moscom-psy.com/articles/139/> (дата обращения: 24.03.2015).
- Пайнз Д. Бессознательное использование женщиной своего тела: психоаналитический подход. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К., 1997. 198 с.
- Решетникова Е. В., Туринцева Е. А. Женщина в армии // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Reshetnikova_Turintseva_Women-Military/ (дата обращения: 24.03.2015).
- Эриксон Э. Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Унив. книга», 1996. 592 с.
- Goffman E. On the characteristics of total institutions // Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. URL: <http://www.twirpx.com/file/611184/> (дата обращения: 24.03.2015).
- Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // *The Development of Sex Differences* / ed. by E. E. Maccoby. Stanford (CA): Stanford University Press, 1966. P. 82—173.
- Millman M. *Such a Pretty Face: Being Fat in America*. New York: W. W. Norton Co., 1980. 276 p.

References

- Belova, A. V. (2006) Devichestvo rossijskoj dvorianki XVIII — serediny XIX veka: telesnost', seksual'nost', gendernaia identichnost' [Girlhood Russian noblewoman XVIII — middle of XIX century: corporeality, sexuality, gender identity], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, № 4, pp. 45—63.
- Castell's, M. (2000) *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture], Moscow: GU VShE.
- Coser, R. (1994) V zashchitu moderna: rolevaia slozhnost' i individualnaia avtonomiia: (Vvedenie) [In defense of modernity: role complexity and individual autonomy: (The introduction)], *Sotsialnye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura, seriia 11, Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal, INION RAN*, vypusk 4.
- Èrikson, E. G. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society], St. Petersburg: Lenato, АСТ, Fond "Universitetskaia kniga".
- Goffman, E. On the characteristics of total institutions, in: Goffman, E., *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*, available from <http://www.twirpx.com/file/611184/> (accessed 24.03.2015).
- Ivanova, S. P. (2009) Psikhologicheskaia ustoichivost' lichnosti kak faktor protivodeistviia negativnym vliianiam sotsialnoi sredy v rannei iunosti i molodosti [Psychological stability of personality as a factor counteracting the negative influences of the social environment in early adolescence and young], *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, no. 9, pp. 99—107.
- Izhvanova, E. M. (2004) *Razvitie polorolevoj identichnosti v iunosheskom i zrelykh vozrastakh: Dis. ... kand. psikhol. nauk* [Development of gender identity in youth and adulthood: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow, available from: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/razvitie-polorolevoj-identichnosti-v-junosheskom-i-zrelyh-vozrastah.html> (accessed 24.03.2015).

- Kazakova, A. Iu., Kalinichenko O. Iu. (2012) Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie factory deviantnogo povedeniia lits s razlichnoï zhilishchno-resurnoï obespechennost'iu [Social and socialpsychological factors of the deviation of people of different living conditions], *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii*, vol. 19, no. 1, pp. 217—219.
- Kelly, A. J. (2000) Korollariï o diapazone, in: Kelly A. J. *Teoriia lichnosti*, St. Petersburg: Rech, pp. 93—97.
- Klimov, I. A. (2001). Psikhosotsial'nye mekhanizmy vznikenoveniia krizisa identichnosti [Psychosocial mechanisms of crisis of identity], in: *Transformatsiia identifikatsionnykh struktur v sovremennoï Rossii: Nauchnye doklady*, Moscow: Moscovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, pp. 54—81.
- Kohlberg, L. (1966) A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes, in: Maccoby, E. E. (ed.), *The development of sex differences*, Stanford (CA): Stanford University Press, pp. 82—173.
- Matevosian, S. N. *Polovaia identichnost' i eë deviatsii: (Obzor psikhoanaliticheskoi literatury)* [Gender identity and its deviation: (Review of the psychoanalytic literature)], available from: <http://www.moscom-psy.com/articles/139/> (accessed 24.03.2015).
- Millman, M. (1980) *Such a Pretty Face: Being Fat in America*, New York: W. W. Norton Co.
- Pines, D. (1997) *Bessoznatel'noe ispol'zovanie zhenshchinoï svoego tela: Psikhoanaliticheskiï podkhod* [A woman's unconscious use of her body: A psychoanalytical perspective], St. Petersburg: Vostochno-Evropeïskii institute psikhoanaliza i B. S. K.
- Reshetnikova, E. V., Turintseva, E. A. (2014) Zhenshchina v armii [A woman in the army], in: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, available from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Reshetnikova_Turintseva_Women-Military (accessed 24.03.2015).
- Voroshilin, S. I. (2011) Rasstroïstva polovoï identifikatsii i suitsidal'noe povedenie [Gender identity disorders, and suicidal behavior], *Suitsidologiya*, vol. 2, no. 2, pp. 3—11.
- Zakharov, A. I. (1982) Psikhologicheskie osobennosti vospriiatiia det'mi roli roditelei [Psychological peculiarities of the perception of children as parents], *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 59—68.
- Zatulii, A. I. (2006) Kostiumoobrazy marginalov: o modnykh tendentsiiakh kontsa XX — nachala XXI veka [Costume images of marginals: fashion trends of the late XX — early XXI century], *Tekstilnaia promyshlennost'*, no. 8, pp. 30—36.

ББК 60.561.6

Н. И. Паутова, И. С. Паутов

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЗДОРОВЬЯ И ЕГО ВОСПРИЯТИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ (По данным 21-й волны RLMS-HSE)

Анализируются гендерные аспекты самооценки здоровья как его важного психосоциального индикатора, который, несмотря на элемент субъективизма, является достоверным показателем здоровья индивидов и способен прогнозировать уровень смертности. Во взаимосвязи с гендерными особенностями самооценки здоровья рассматриваются социологические показатели ряда жизненных стратегий, характеризующих восприятие здоровья как социокультурной ценности, самосохранительное и рискованное поведение у мужчин и женщин в современной России. На основе данных репрезентативного опроса «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE), проводимого НИУ «Высшая школа экономики» и ЗАО «Лемоскоп» (Федеральный центр народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН, делается вывод о том, что более высокая ценность здоровья для российских женщин, которая проявляется в паттернах повседневного поведения, сочетается с их более низкой самооценкой здоровья. В то же время мужчины, оценивая состояние своего здоровья сравнительно выше, в меньшей степени склонны демонстрировать самосохранительное поведение.

Ключевые слова: гендерные различия в отношении к здоровью, самооценка здоровья, здоровье как социокультурная ценность, самосохранительное поведение.

N. I. Pautova, I. S. Pautov. Gender characteristics of health self-assessment and perception as a socio-cultural value (Based on the data of the 21st round of RLMS-HSE)

The article analyzes the gender dimensions of health self-assessment as an important psychosocial indicator of health, which, despite a subjectivity component,

© Паутова Н. И., Паутов И. С., 2015

Паутова Наталья Игоревна — аспирантка кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Россия, yaroslavna63@mail.ru (PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Saint-Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia).

Паутов Иван Станиславович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья, Социологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, i-pride@rambler.ru (Cand. Sc., Senior Researcher of the Department of Sociology of Health, Sociological Institute of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia).

is a reliable indicator of the health of individuals and is able to predict mortality. The authors make an attempt to outline the sociological dimensions of life strategies that characterize the perception of health as a socio-cultural value, healthy and risky behavior among men and women in modern Russia, connecting them with the gender variations in self-rated health. The article provides the reader with a series of explanations of differences between masculine and feminine attitudes towards health; most of them are based on the socio-cultural patterns developed throughout the history of the modern Western civilization. Both men and women face their specific risks connected with the social, economic, and cultural circumstances of their life. The authors undertake the detailed analysis of the gender differences in the behavioral patterns that can influence individual health in the modern Russian society. These patterns include the level of involvement into alcohol and smoking addictions, the proportion of men and women involved in regular physical activities, the compliance of regular nutrition and using a diet to improve the individual health, the frequency of consultations with physicians and medical aid, actions undertaken in case of health problems, and the level of consumption of private health insurance services.

The authors use data of the representative Russia Longitudinal Monitoring survey (RLMS-HSE), conducted by National Research University "Higher School of Economics" and ZAO "Demoscope" together with Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology RAS. The official RLMS-HSE data are available at <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse> and <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>. The data collected within the 21st round of this monitoring in 2012 are taken for analysis.

The authors come to the conclusion that women's lower health ratings determine the main strategies in their behavior, largely aimed to maintain and improve their health. At the same time men give higher ratings to their health but many of their routine actions aren't focused on their health protection. Modern Russian men demonstrate higher involvement into alcohol and smoking addictions and rarely visit the physician in order to prevent or cure the disease. The only factor in which men slightly dominate is the proportion of involvement in physical exercise. These behavioral differences are connected both with the peculiarities of the social and economic situation in the modern Russian society, and with the subjective perception of the "healthy" and "unhealthy" behavior among men and women.

Key words: gender differences in relation towards health, self-rated health, health as a socio-cultural value, healthy behavior.

Современное общество все более интенсивно подчеркивает значимость личной ответственности индивида за свое здоровье. Такая тенденция находит поддержку и на государственном уровне. Это приводит к необходимости анализа различных факторов, которые оказывают влияние на восприятие индивидом своего здоровья, отношение к нему, готовность к активным действиям по его сохранению и укреплению. К таким факторам, выявленным в ходе ряда исследований в области социологии и социальной психологии, относятся и гендерные различия в восприятии здоровья. Цель данной статьи — более детально проанализировать эти различия по отдельным параметрам, которые характеризуют отношение к здоровью как социокультурной ценности (распространенность практик, сохраняющих здоровье и разрушающих его, например курения, злоупотребления

алкоголем, физической активности, следования диетам, регулярности питания, посещения врачей и т. д.). Источником данных для анализа послужили результаты 21-й волны (2012 г.) Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации (RLMS-HSE).

Социологическое осмысление влияния гендерного фактора на отношение к здоровью. Постановка проблемы исследования

При прохождении этапа гендерной социализации в семье, близком окружении, воспитательных и учебных заведениях у мужчин и женщин по-разному формируется отношение к здоровью и самосохранительное поведение. В развитии понятия «здоровый стиль жизни» («healthy lifestyle»), или более принятого в нашей стране «здоровый образ жизни», лежат идеи М. Вебера, установившего, что стиль жизни человека обусловлен не только индивидуальным выбором, но и возможностью реализации жизненных шансов, которая во многом зависит от социальных и экономических факторов [Вебер, 2010]. Несмотря на то что индивид имеет определенные свободы, он не полностью может их реализовать при выборе стиля жизни. Согласно предположению Вебера, возможность индивидуального выбора регламентируется социальными и материально-экономическими условиями жизни человека. Прерогатива выбора стиля жизни есть у тех, кто имеет желание и средства, но ее нет тогда, когда есть желание, а средства отсутствуют. Чем более ограничены материальные возможности индивида, тем более он зависим в своем выборе стиля жизни от внешних обстоятельств, утверждал Вебер.

Однако, по мнению ряда ученых, для того, чтобы выявить причины многообразия стилей жизни в современном обществе, одних социально-экономических условий недостаточно. В. Кокерхэм и его коллеги считают, что здоровый стиль жизни основан на выборе самого индивида в соответствии с возможностями, доступными ему. Это своего рода коллективные модели поведения людей в отношении к здоровью, зависящие прежде всего от возраста, пола, расы, этничности, но в меньшей степени от их социально-экономического и материального положения [Cockerham et al., 1997]. Ряд западных ученых считают гендерные различия в отношении к здоровью одним из наиболее эффективных методов изучения здоровых стилей жизни на основе поведенческих и аттитюдных моделей [Dean, 1989].

Гендерная идентичность накладывает особенности на развитие индивидуального здоровья и отношение к нему. Традиционный гендерный стереотип сильного мужчины, кормильца и опоры семьи, требует от мужчин стойко переносить душевные и телесные недуги. Наоборот, женский гендерный стереотип часто формирует личность, окруженную вниманием, заботой, более слабую и зависимую от внешних обстоятельств. По мнению Т. В. Бендас, суждения Т. Парсонса о том, что при свойственном женщинам экспрессивном стиле поведения для них является естественным демонстрировать свою болезненность, привели к формированию устойчивого мнения о половых различиях в здоровье, поскольку общество позволяет женщинам быть слабыми и они с готовностью принимают эту роль [Бендас, 2006]. В соответствии с предложенным Парсонсом

ролевым подходом считается, что женщины легче и проще принимают роль больного из-за того, что скорее распознают болезнь на интуитивном уровне и обращаются за помощью к профессионалам [Nathanson, 1975]. Во многом такое поведение связано с тем, что на протяжении всей истории человеческого общества именно женщине, как хранительнице семейного очага, чаще всего приходилось иметь дело с больными детьми, престарелыми родителями, родственниками. Несмотря на вовлеченность современной женщины в трудовую деятельность и общественную жизнь, на ней, как правило, лежит основная нагрузка по уходу за членами семьи, в том числе больными. А значит, все, что касается болезней, во многом известно ей не понаслышке. Как полагает И. Б. Назарова, современное общество с существующим отношением к здоровью и лечению можно рассмотреть как смешанное — «Gemeinschaft» и «Gesellschaft» (Ф. Теннис). Женщины больше привержены обществу «гимайншафт», и по сей день именно на них возлагается работа по дому и уходу за членами семьи [Назарова, 2007].

1990-е и 2000-е гг. были отмечены появлением ряда отечественных исследований в области практик, связанных со здоровьем, в русле гендерного подхода [Бурмыкина, 2006; Григорьева, 2001; Корхова, 2000; Шурыгина, 1996]. По мнению О. Н. Бурмыкиной, выбор гендерных различий в качестве социокультурного основания неравенств в здоровье и поведении, связанном со здоровьем, обусловлен в числе прочего и тем обстоятельством, что гендер структурирует жизненные шансы сохранения здоровья и доступ к материальным и общественным ресурсам, благоприятствующим его поддержанию [Бурмыкина, 2006].

Несомненно, у женщин и мужчин разное отношение не только к здоровью, но и к другим ценностям. Так, при исследовании основных ценностей повседневной деятельности среди московских рабочих здоровье назвали 72,1 % женщин и 55,1 % мужчин, работу — 46,4 и 62,1 %, материальное благополучие — 64,2 и 72,2 % соответственно [Патрушев, Бессокирная, 2003]. Следовательно, можно предположить, что мужчины чаще, чем женщины, жертвуют здоровьем ради работы. Ценность здоровья у женщин занимает среди прочих ценностей первое место (у мужчин лишь четвертое). Согласно статистике, 24 % женщин и 15 % мужчин подчеркивают важную роль здоровья для обеспечения полной и активной жизни, а 27 % женщин и 12 % мужчин считают, что хорошее здоровье является важным средством достижения успеха в профессиональной деятельности [Ровенских, 2010].

Различия в самооценке здоровья у мужчин и женщин в современной России

Самооценка здоровья является его важным психосоциальным индикатором, несмотря на то что включает определенный элемент субъективизма. Многочисленные исследования подтвердили, что она выступает надежной мерой здоровья и прогнозирует уровень смертности [Журавлева, 2006; Кислицына, 2011; Максимова, 2002; Подсвинова, 2010; Русинова и др., 2010].

В результате многочисленных социологических исследований установлено, что женщины оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины, но живут дольше. Это же подтверждают и данные медицинской статистики, которые

свидетельствуют, что здоровье у женщин хуже, чем у мужчин, по показателям обращаемости в лечебные учреждения. По несколько хронических заболеваний отмечено у каждого десятого мужчины (13,2 %) и у каждой пятой женщины (22,6 %); многие женщины в нашей стране, особенно после 1990 г., живут на пределе своих физических возможностей [Женщина... , 2001].

Отчасти складывающуюся ситуацию компенсирует их сравнительно более витальное поведение, они внимательнее относятся к своему состоянию, чаще обращаются к врачам, больше денег тратят на лекарства. Мужчины же лечатся крайне неохотно, стараются не замечать своей болезни, чаще злоупотребляют алкоголем и курением, а в результате умирают как бы внезапно, в сравнительно более молодом возрасте. По данным исследования здоровья населения жителей Новгородской области выявлено, что заболеваемость у женщин по сравнению с мужчинами выше в 1,4 раза, однако 80 % умерших в трудоспособном возрасте составляют мужчины, а уровень общей смертности мужчин в пять раз превышает смертность женщин [Медик, Осипов, 2012]. Эти факты еще раз подтверждают нынешнюю парадоксальную демографическую ситуацию в России, когда женщины больше болеют, а мужчины чаще умирают. Однако есть нарушения здоровья, которые чаще встречаются у мужчин. Например, заболеваемость туберкулезом у них более чем в два раза выше (на 100 тыс. населения мужчин — 115,3, женщин — 43,8 [Здравоохранение... , 2011: 27]), что во многом обусловлено большей численностью представителей сильного пола в местах заключения, где они в основном и заболевают. Проблемы женщин часто связаны с их репродуктивной функцией, прежде всего это анемии и токсикозы у беременных, осложнения после родов и аборт, воспалительные и онкологические заболевания молочной железы и половых органов. Считается, что в любой стране мира женщины имеют ограниченный доступ к различным ресурсам, в том числе к системе здравоохранения, меньше возможностей для охраны здоровья [Phillips, 2005]. Но, учитывая возможности здравоохранения в нашей стране, обеспечивающие достаточно гендерно-справедливый уровень равного доступа к диагностике и лечению, можно предположить, что для части женщин этот доступ ограничен только в силу их занятости из-за совмещения трудовой деятельности и работы в семье. Самооценка здоровья женщин во многом зависит от состояния хронической усталости и депрессии. Как показывают исследования, этому менее подвержены женщины, имеющие несколько различных социальных позиций, особенно высокого ранга, например хорошо оплачиваемую работу с преобладанием интеллектуального труда [Lennon, Rosenfield, 1992], что положительно сказывается на их социальной идентичности и самоуважении. Работа дает возможность женщине строить карьеру, получать социальную поддержку, в результате чего повышается удовлетворенность жизнью. Однако некоторые рабочие роли, условия труда и занятости могут сводить на нет перечисленные выше факторы, позитивно влияющие на здоровье женщины. Женщина не удовлетворена при полной занятости, поскольку ей не хватает времени для домашних дел, в то же время частичная занятость не позволяет в полной мере реализоваться на работе. Данные исследования, проведенного в семьях Москвы и двух сельских регионов России, показывают, что в семье, помимо экономического положения, самооценка здоровья определяется тем, на ком лежит тяжесть принятия решения.

Когда доминирует жена, ее собственное здоровье страдает, но здоровье мужа, наоборот, улучшается [Cubbins, Szaflarski, 2001], а по данным И. Б. Назаровой, в российских семьях приоритет принятия решений по многим вопросам чаще принадлежит жене [Назарова, 2007].

Статистически установлено, что среди женщин — рабочих промышленных предприятий более часты случаи травматизма как результата стресса и однообразной деятельности; как правило, работа многих женщин требует выполнения большого числа однообразных операций, где невозможен творческий подход и инициативность. Кроме того, в данном случае добавочным фактором риска является двойная нагрузка женщин: на рабочем месте и дома [Охрана труда..., 2004], так как установлено, что женщины в среднем тратят на все виды домашнего труда 30,3 ч в неделю, а мужчины — 14,0 ч [Мезенцева, 2003].

Существует ряд гендерных стереотипов в отношении здоровья, которые не всегда имеют под собой почву, однако в ряде случаев могут быть подтверждены психологическими и социальными обстоятельствами. Предполагается [Назарова, 2007], что женщины:

- чаще и быстрее реагируют на болезненное состояние и обращаются за советом к специалисту;
 - преувеличивают количество и серьезность своих проблем;
 - должны жертвовать карьерой ради семьи (оставаться дома в случае необходимости ухода за близкими);
 - имеют меньше времени для посещения врача в силу двойной занятости;
 - более уверены в своих способностях самолечения;
 - менее выгодная (более затратная) рабочая сила, поскольку чаще склонны пропускать работу в случае своей болезни или болезни близких;
- в то время как мужчины:
- должны выполнять функцию кормильца семьи и делать карьеру, поэтому здоровьем заниматься некогда;
 - легче впадают в депрессию, если остаются без работы (крайний случай — самоубийство);
 - больше боятся потерять работу и заработок, поэтому чаще выходят на работу во время болезни;
 - обращаются к специалисту с более серьезными проблемами со здоровьем, чем женщины;
 - больше боятся проблем со здоровьем и стараются обратиться за помощью как можно скорее.

При изучении данных репрезентативной выборки 21-й волны RLMS-HSE нами были сделаны следующие выводы о самооценке здоровья среди мужчин и женщин. Мужчины оценивают свое здоровье как «очень хорошее» в 3,9 % ответов, женщины только в 1,7 %, т. е. почти в два раза реже. Свое здоровье как «хорошее» оценивают 46,7 % мужчин и 36 % женщин, отвечавших на вопросы анкеты. «Средний» уровень здоровья отметили у себя 42 % мужчин и 49 % женщин. Свое здоровье как «плохое» оценили 11,1 % женщин и 6,1 % мужчин. «Со всем плохим» считают свое здоровье 1,0 % мужчин и 1,6 % женщин (рис. 1).

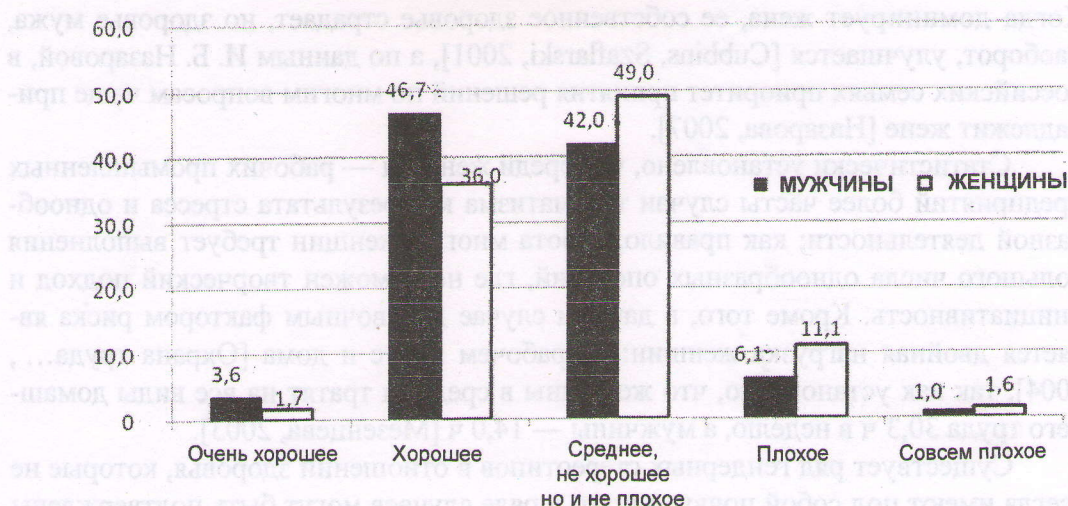

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше здоровье?» в зависимости от пола, %*

Гендерные практики самосохранительного и рискованного поведения в отношении здоровья. Методы и результаты исследования

По нашему мнению, индикаторами поведения в отношении здоровья являются ответы на ряд вопросов, включенных в программу Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации и направленных на установление:

- 1) отношения к курению и алкоголю,
- 2) отношения к физической активности,
- 3) характера питания и следования диете,
- 4) частоты посещения врача и действий при проблемах со здоровьем,
- 5) наличия полиса добровольного медицинского страхования и источника его финансирования.

Данные 21-й волны RLMS-HSE были проанализированы нами с использованием инструментов статистического анализа в программе SPSS. Были построены таблицы и графики частотного распределения ответов мужчин и женщин на те вопросы данного мониторинга, которые отражали приведенные выше индикаторы.

Проследим гендерные особенности отношения к здоровью по результатам проведенного нами анализа. Прежде всего обратимся к рассмотрению распространенности *вредных для здоровья привычек у мужчин и женщин*. Мониторинг RLMS-HSE приводит следующие данные по распространенности курения среди мужчин и женщин. Курящими себя в настоящее время считают 51,8 % мужчин и 15 % женщин из числа отвечавших на вопросы анкеты (рис. 2). Отрицательно на вопрос «Курите ли Вы в настоящее время» ответили 48 % мужчин и 84,8 % женщин.

* Здесь и далее расчеты выполнены на основе данных 21-й волны (2012 г.) Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации (RLMS-HSE).

Н. И. Паутова, И. С. Паутов. Гендерные особенности самооценки здоровья
и его восприятия как социокультурной ценности

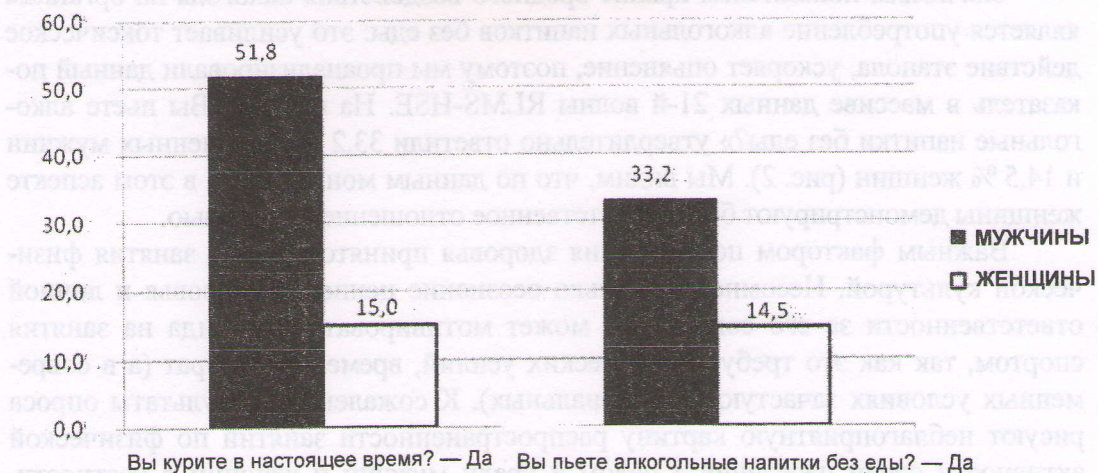

Рис. 2. Распределение ответов на вопросы о курении и употреблении алкоголя без еды в зависимости от пола, %

Распределение ответов на вопрос о частоте употребления алкоголя оказалось таким (рис. 3): употребляют алкоголь каждый день 2,6 % мужчин и 0,6 % женщин, 2—3 раза в неделю — 19,8 % мужчин и 6 % женщин (от количества тех, кто употребляет алкоголь хотя бы иногда, в данной группе). Почти треть опрошенных женщин выпивали алкогольные напитки один раз за последние 30 дней, тогда так среди мужчин этот показатель был 15,3 %.

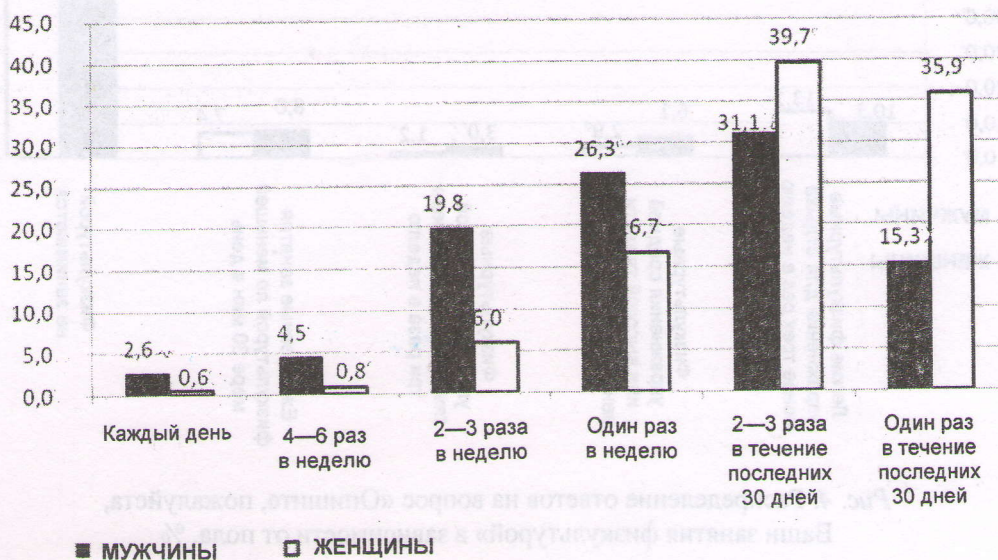

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?» в зависимости от пола, %

Значимым показателем крайне вредного воздействия алкоголя на организм является употребление алкогольных напитков без еды: это усиливает токсическое действие этанола, ускоряет опьянение, поэтому мы проанализировали данный показатель в массиве данных 21-й волны RLMS-HSE. На вопрос «Вы пьете алкогольные напитки без еды?» утвердительно ответили 33,2 % опрошенных мужчин и 14,5 % женщин (рис. 2). Мы видим, что по данным мониторинга в этом аспекте женщины демонстрируют более ответственное отношение к здоровью.

Важным фактором поддержания здоровья принято считать занятия физической культурой. Несомненно, только осознание ценности здоровья и личной ответственности за его сохранение может мотивировать индивида на занятия спортом, так как это требует физических усилий, временных затрат (а в современных условиях зачастую и материальных). К сожалению, результаты опроса рисуют неблагоприятную картину распространенности занятий по физической активности среди населения в целом и среди мужчин и женщин в частности. На вопрос анкеты «Какой из вариантов описания лучше всего соответствует Вашим занятиям физкультурой?» 71,5 % мужчин и 74,5 % женщин ответили, что вообще не занимаются физкультурой. Среди небольшой доли тех, кто занимается какими-то видами физической активности, ежедневные занятия физкультурой по меньшей мере 30 мин в день выбрали 8 % мужчин и 7,4 % женщин. Женщины предпочитают легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю (13,1 %), среди мужчин больший процент тех, кто выбирает физкультурные упражнения средней или высокой тяжести менее трех раз в неделю (рис. 4).

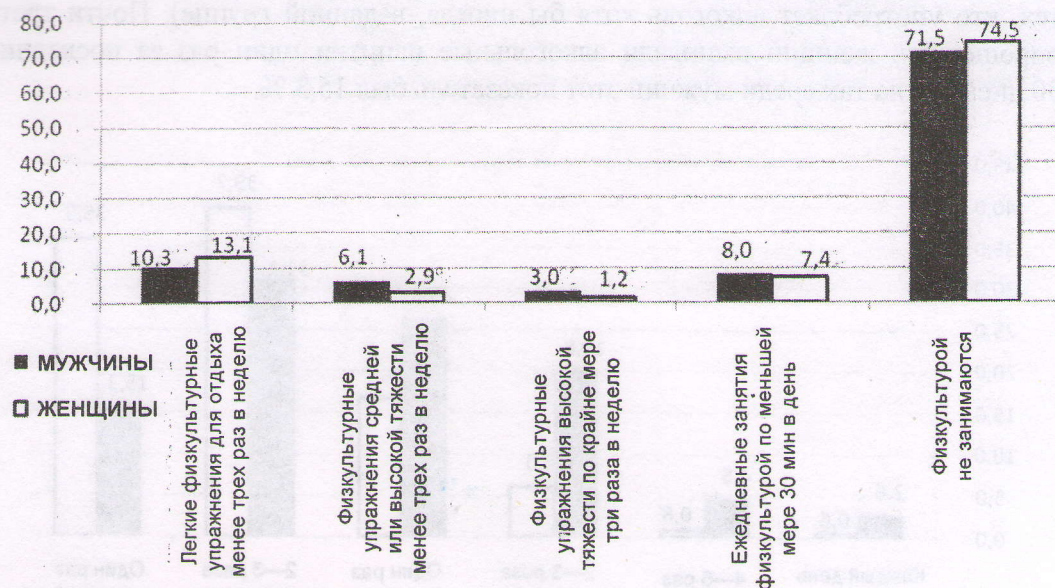

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Опишите, пожалуйста, Ваши занятия физкультурой» в зависимости от пола, %

Правильное, регулярное питание играет важную роль в поддержании здорового образа жизни. Однако соблюдают режим питания не все респонденты. На вопрос «Удастся ли Вам в целом питаться регулярно, не реже 3 раз в день, изо дня в день?» утвердительно ответили 49,3 % опрошенных мужчин

и 59,8 % женщин (рис. 5). В том, что питаться регулярно «скорее не удастся» и «никогда не удастся», признались 22,3 % мужчин и 16,6 % женщин. Таким образом, и по этому показателю женщины демонстрируют большую заинтересованность в здоровом образе жизни. Значительно более высок процент женщин (11,8 против 3,3 % мужчин; рис. 5), утвердительно ответивших на вопрос «За последние 12 месяцев Вы сидели на какой-нибудь диете? Диетой мы считаем любое изменение в Вашей еде именно для того, чтобы сбросить вес, улучшить здоровье?» (курсив наш. — Н. П., И. П.). Несомненно, большая часть респондентов использует диеты именно для похудения, однако в вопросе подчеркивалось применение диеты не только для похудения, но и для улучшения здоровья, что важно и для женщин, и для мужчин. Снижение веса для многих представителей сильного пола не менее актуально, так как избыточный вес является фактором риска возникновения ряда заболеваний и сокращает продолжительность жизни. Многие женщины стараются снизить вес не столько для профилактики возможных заболеваний, сколько из косметических соображений, но в данном случае эти цели совпадают. Красота становится не жертвой, а благом для здоровья при условии безопасности диет для похудения с медицинской точки зрения.

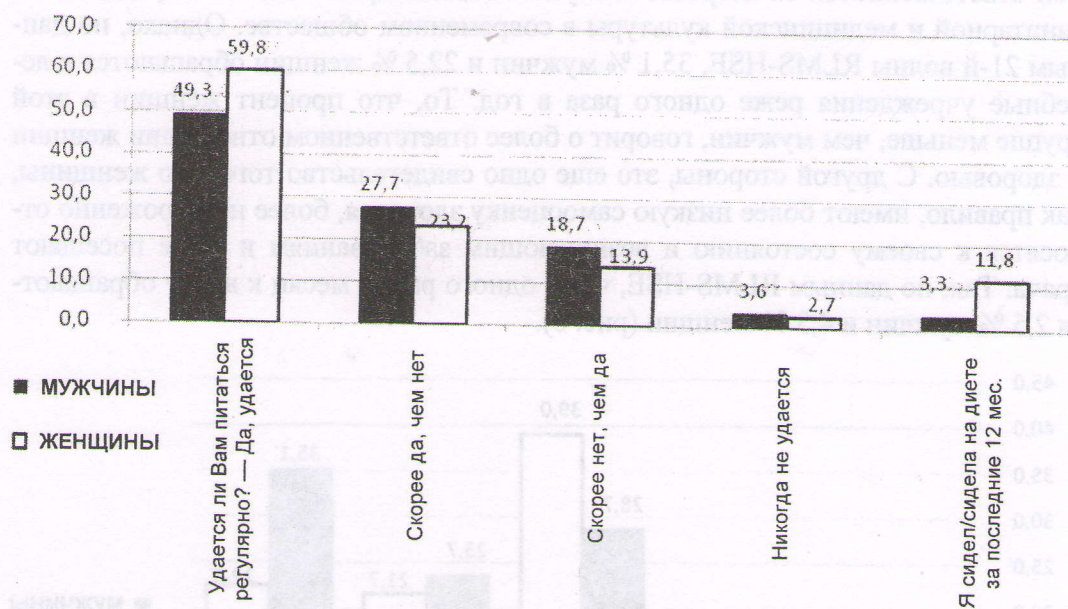

Рис. 5. Распределение ответов на вопросы о практиках питания мужчин и женщин в зависимости от пола, %

Важным фактором, характеризующим ответственное отношение к здоровью как к ценности, являются стратегии поведения индивида в случае заболевания, а также то, насколько часто он посещает врача. Это связано с тем, что, даже несмотря на усилия человека, направленные на предупреждение заболеваний (закаливание, занятия физической культурой, соблюдение режима питания и отдыха), к сожалению, нельзя гарантировать сохранение постоянно хорошего состояния здоровья. Своевременное предупреждение возможных осложнений, полное выздоровление требуют, как показывает медицинская практика,

обращения к специалисту, комплексного обследования, назначения специфического лечения, контроля за его проведением со стороны медработников. Такая тактика поведения индивида в случае заболевания, на наш взгляд, проявление ответственного отношения к своему здоровью, культуры здоровья. Между тем на вопрос анкеты «Что Вы сделали, чтобы решить те проблемы со здоровьем, которые возникали у Вас в течение последних 30 дней?» как мужчины, так и женщины более чем в 60 % случаев (женщины — 60,7 %, мужчины — 60,5 %) ответили, что они «не обращались к медработникам, занимались лечением самостоятельно», и лишь третья часть заболевших лечилась в медицинских учреждениях (причем из этого числа 33 % обращались в поликлиники стоматологического профиля). Посещение врача необходимо не только в случае заболевания. Многие клинические исследования (в том числе и периодический осмотр врачами разных специальностей), а также вакцинации проводятся с профилактической целью и являются необходимым условием сохранения и поддержания здоровья в современном обществе, где за врачами закреплена роль «экспертов в сфере здоровья». Это требует посещения врача, поэтому показатель частоты обращения в медицинские учреждения также важен в качестве характеристики индивидуальной ответственности за здоровье и служит индикатором наличия определенной санитарной и медицинской культуры в современном обществе. Однако, по данным 21-й волны RLMS-HSE, 35,1 % мужчин и 22,5 % женщин обращаются в лечебные учреждения реже одного раза в год. То, что процент женщин в этой группе меньше, чем мужчин, говорит о более ответственном отношении женщин к здоровью. С другой стороны, это еще одно свидетельство того, что женщины, как правило, имеют более низкую самооценку здоровья, более настороженно относятся к своему состоянию и возникающим заболеваниям и чаще посещают врача. Так, по данным RLMS-HSE, чаще одного раза в месяц к врачу обращаются 2,5 % мужчин и 4,3 % женщин (рис. 6).

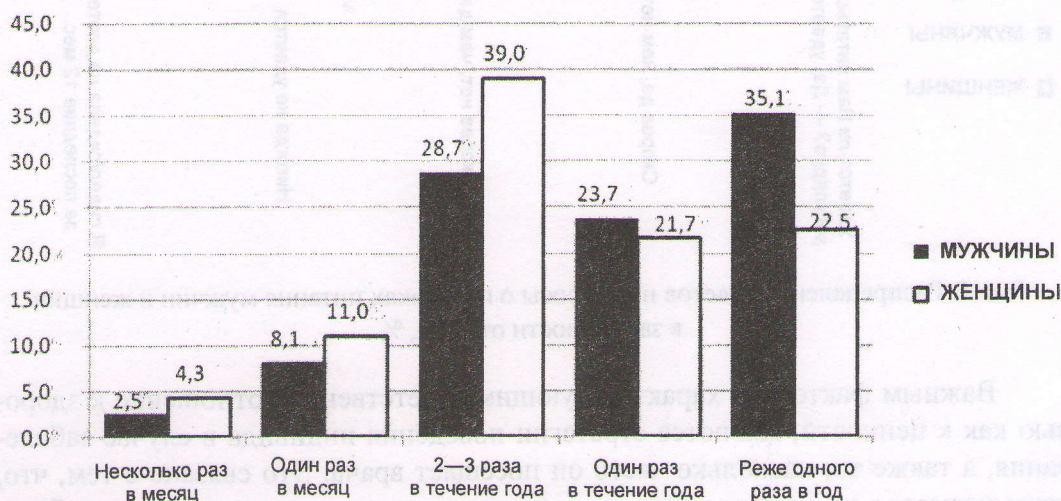

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы посещаете врача в течение года?» в зависимости от пола, %

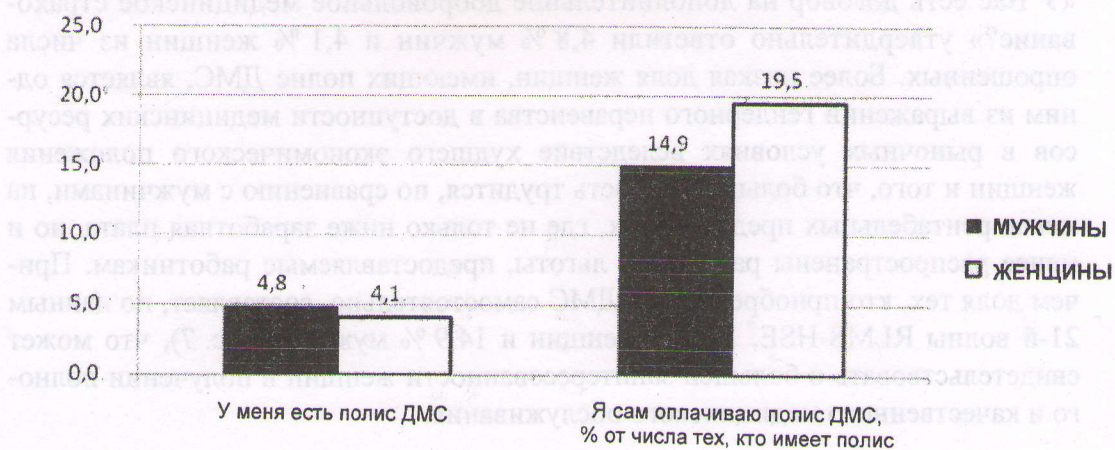

Рис. 7. Распределение ответов на вопросы о наличии полиса ДМС
и источнике его финансирования в зависимости от пола, %

Наличие полиса добровольного медицинского страхования как индикатор ценностного отношения к здоровью является нововведением для граждан нашей страны. В период существования СССР для всех граждан законодательно гарантировалась бесплатная медицинская помощь в полном объеме, независимо от ее вида [Конституция... , 1977]. Однако в связи со сменой социально-экономических отношений в стране после 1990 г. финансирование медицинской помощи стало осуществляться на бюджетно-страховой основе. Получение медицинской помощи в настоящее время возможно, во-первых, за счет средств бюджета (бесплатно для граждан), во-вторых, за счет полисов обязательного медицинского страхования, которые оплачивает, как правило, работодатель, а для неработающих граждан — местные бюджеты администраций городов и поселений. Кроме обязательного медицинского страхования, существует добровольное медицинское страхование (ДМС), которое в зависимости от программы страхования охватывает большее число видов медицинской помощи или дает возможность получения услуг в лечебно-профилактических центрах высокого класса за счет средств ДМС. Многие предприятия и организации в современной России включают полис ДМС для своих сотрудников в расширенный соцпакет в целях привлечения персонала. Возможно и индивидуальное приобретение подобного полиса, в соответствии с которым оплата услуг по страховому случаю становится намного ниже полной их стоимости. Таким образом, приобретение полиса добровольного медицинского страхования является достаточно новой для граждан России формой заботы о собственном здоровье, которая предусматривает гораздо более выраженную индивидуальную ответственность за его сохранение и поддержание. Однако, как свидетельствуют статистические данные, количество граждан, имеющих полисы ДМС, а тем более оплачивающих их за собственный счет, в России невелико. Мониторинг RLMS-HSE предусматривает несколько вопросов по страхованию здоровья, поэтому в нашем исследовании были использованы эти данные. Так, на вопрос анкеты

«У Вас есть договор на дополнительное добровольное медицинское страхование?» утвердительно ответили 4,8 % мужчин и 4,1 % женщин из числа опрошенных. Более низкая доля женщин, имеющих полис ДМС, является одним из выражений гендерного неравенства в доступности медицинских ресурсов в рыночных условиях вследствие худшего экономического положения женщин и того, что большая их часть трудится, по сравнению с мужчинами, на менее рентабельных предприятиях, где не только ниже заработная плата, но и менее распространены различные льготы, предоставляемые работникам. Причем доля тех, кто приобрел полис ДМС самостоятельно, составляет, по данным 21-й волны RLMS-HSE, 19,5 % женщин и 14,9 % мужчин (рис. 7), что может свидетельствовать о большей заинтересованности женщин в получении полного и качественного медицинского обслуживания.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что более низкая самооценка женщинами здоровья по сравнению с мужчинами (что в целом можно считать не совсем благоприятным фактором) определяет основные стратегии их поведения, в большей степени нацеленные на поддержание и укрепление здоровья и отличающиеся более выраженной, чем у мужчин, самосохранительной направленностью. При этом и мужчины, и женщины имеют свои специфические источники опасностей для здоровья и ресурсов для его улучшения. Различия в рисках и шансах для здоровья мужчин и женщин связаны как с особенностями их социально-экономического положения в структуре современного российского общества, так и с субъективным восприятием «здорового» и «нездорового» поведения. Например, как показал наш анализ, современные российские мужчины чаще курят, нежели женщины, реже обращаются к врачам, но при этом чаще занимаются физическими упражнениями, так как эта социальная практика входит в комплекс представлений о здоровом образе жизни для мужчин, а посещение врача или отказ от курения не воспринимается ими как обязательный элемент «здорового поведения».

Библиографический список

- Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
- Бурмыкина О. Н. Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 2. С. 110—119.
- Вебер М. Хозяйство и общество: пер. с нем. / под науч. ред. Л. Г. Ионина. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 456 с.
- Григорьева Н. С. Гендерные измерения здравоохранения // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 252—259.
- Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века / под ред. Н. М. Римашевской. М.: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН, 2001. 320 с.

- Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 240 с.
- Здравоохранение в России, 2011: статистический сборник / Росстат. М., 2011. 326 с.
- Кислицына О. А. Детерминанты здоровья подростков // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 3 (19). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang,ru> (дата обращения: 04.11.2014).
- Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Гл. 7, ст. 42 // Конституционная история России. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/9681/> (дата обращения: 25.12.2014).
- Корхова И. В. Гендерные аспекты здоровья // Народонаселение. 2000. № 2. С. 70—79.
- Максимова Т. М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М.: Пер Сэ, 2002. 192 с.
- Медик В. А., Осипов А. М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М.: ИНФРА-М, 2012. 358 с.
- Мезенцева Е. Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 50—71.
- Назарова И. Б. Здоровье занятого населения. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 526 с.
- Охрана труда в цифрах и фактах. Направления совершенствования глобальной культуры охраны труда. М.: МОТ, 2004. 32 с.
- Патрушев В. Д., Бессокирная Г. П. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 72—84.
- Подсвинова Т. Е. Определение заболеваемости различных категорий населения методом анкетирования // Менеджер здравоохранения. 2010. № 11. С. 25—30.
- Ровенских О. В. Влияние гендерных различий на процесс адаптации сотрудников ПО ФСБ РФ к профессиональной деятельности. Калининград: Балт. гос. акад. рыбопромыслового флота, 2010. 160 с.
- Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Здоровье и социальный капитал: (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87—100.
- Шурыгина И. И. Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 169—176.
- Cockerham W., Rutten A., Abel T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber // The Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38, № 2. P. 321—342.
- Cubbins L. A., Szaflarski M. Family effects on self-reported health among Russian wives and husbands // Social Science & Medicine. 2001. Vol. 53. P. 1653—1666.
- Dean K. Self-care components of lifestyles: the importance of gender, attitude, and the social situation // Social Science & Medicine. 1989. Vol. 29. P. 137—152.
- Lennon M. C., Rosenfield S. Women and mental health: the interaction of job and family conditions // Journal of Health and Social Behavior. 1992. № 33. P. 316—327.
- Nathanson C. A. Illness and the feminine role: a theoretical review // Social Science & Medicine. 1975. № 9. P. 57—62.
- Phillips S. P. Defining and measuring gender: a social determinant of health whose time has come // International Journal for Equity in Health. 2005. № 4. P. 11—17.

References

- Bendas, T. V. (2006) *Gendernaia psikhologiya* [Gender Psychology], St. Petersburg: Piter.
- Burmykina, O. N. (2006) Gendernye razlichii v praktikakh zdorov'ia: podkhody k ob'iasneniiu i empiricheskiĭ analiz [Gender differences in health practices: explanation approaches and empirical analysis], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 9, no. 2, pp. 110—119.
- Cockerham, W., Rutten, A., Abel, T. (1997) Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber, *The Sociological Quarterly*, vol. 38, no. 2, pp. 321—342.
- Cubbins, L. A., Szaflarski, M. (2001) Family effects on self-reported health among Russian wives and husbands, *Social Science & Medicine*, vol. 53, pp. 1653—1666.
- Dean, K. (1989) Self-care components of lifestyles: The importance of gender, attitude, and the social situation, *Social Science & Medicine*, vol. 29, pp. 137—152.
- Grigor'ieva, N. S. (2001) Gendernye izmereniia zdavookhraneniia [Gender dimensions in public health], in: *Teoriia i metodologiya gendernykh issledovaniĭ*, Moscow: Moscovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 252—259.
- Kislitsyna, O. A. (2011) Determinanty zdorov'ia podrostkov [Determinants of adolescents' health], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, no. 3 (19), available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang,ru> (accessed 04.11.2014).
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) SSSR (1977), glava 7, stat'ia 42 [Constitution (Main law) of the USSR], in: *Konstitutsionnaia istoriia Rossii*, available from <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/9681/> (accessed 25.12.2014).
- Korkhova, I. V. (2000) Gendernye aspekty zdorov'ia [Gender aspects of health], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 70—79.
- Lennon, M. C., Rosenfield, S. (1992) Women and mental health: The interaction of job and family conditions, *Journal of Health and Social Behavior*, no. 33, pp. 316—327.
- Maksimova, T. M. (2002) *Sovremennoe sostoianie, tendentsii i perspektivnye otsenki zdorov'ia naseleniia* [The modern condition, tendencies and perspective evaluation of health of the population], Moscow: Per Se.
- Medik, V. A., Osipov, A. M. (2012) *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavookhranenie: mediko-sotsiologicheskii analiz* [Health of the population and public health: medical and sociological analysis], Moscow: INFRA-M.
- Mezentseva, E. B. (2003) Muzhchiny i zhenshchiny v sfere domashnego truda: Logika ekonomicheskoi ratsional'nosti protiv logiki gendernoĭ identichnosti? [Men and women in the sphere of domestic labor: Logics of the economic sense vs. logics of gender identity], in: *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniia starykh problem*, Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda.
- Nathanson, C. A. (1975) Illness and the feminine role: A theoretical review, *Social Science & Medicine*, no. 9, pp. 57—62.
- Nazarova, I. B. (2007) *Zdorov'e zaniatogo naseleniia* [The Health of Employed Population], Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshaia shkola ekonomiki".
- Okhrana truda v tsifrakh i faktakh. Napravleniia sovershenstvovaniia global'noi kul'tury okhrany truda* (2004) [Occupational safety in figures and facts. The directions of global occupational safety culture improvement], Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda.
- Patrushev, V. D., Bessokirnaia, G. P. (2003) Dinamika osnovnykh tsennostei povsednevnoi deiatel'nosti i motivov truda moskovskikh rabochikh v 1990-e gody [The dynamics of the main values of the routine activity and the motivation to work among moscow workers in the 1990s], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 72—84.

- Phillips, S. P. (2005) Defining and measuring gender: a social determinant of health whose time has come, *International Journal for Equity in Health*, no. 4, pp. 11—17.
- Podsvirova, T. E. (2010) Opredelenie zaboлеваemosti razlichnykh kategorii naseleniia metodom anketirovaniia [Defining the morbidity profile of different social groups with the help of questionnaires], *Menedzher zdravookhraneniia*, no. 11, pp. 25—30.
- Rimashevskaiia, N. M. (ed.) (2001) *Zhenshchina, muzhchina, sem'ia v Rossii: posledniaia tret' XX veka* [A woman, a man, a family in Russia in the last 30 years of the XX century], Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia.
- Rovenskiikh, O. V. (2010) *Vliianie gendernykh razlichii na protsess adaptatsii sotrudnikov PO FSB RF k professional'noi deiatel'nosti* [Gender differences' influence on professional adaptation process of the staff of the border guard division of the Federal Security Service of the Russian Federation], Kaliningrad: Baltiiskaia gosudarstvennaia akademiia promyslovogo flota.
- Rusinova, N. L., Panova, L. V., Safronov, V. V. (2010) Zdorov'e i sotsial'nyi kapital: (Opyt issledovaniia v Sankt-Peterburge) [The health and the social capital: (The research experience in St. Petersburg)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 87—100.
- Shurygina, I. I. (1996) Razlichii v potreblenii alkogolia muzhchinami i zhenshchinami [Differences between men and women in alcohol consumption], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1—2, pp. 169—176.
- Weber, M. (2010) *Khoziaistvo i obshchestvo* [Economy and society], Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki".
- Zdravookhranenie v Rossii* (2011): Statisticheskii sbornik [Public Health in Russia — 2011: Statistical Data], Moscow: Rosstat.
- Zhuravleva, I. V. (2006) *Otnoshenie k zdorov'iu individa i obshchestva* [Attitude of the society and individuals towards health], Moscow: Nauka.

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)513-284.3

О. И. Лисицына, Н. Л. Пушкарева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНСКОЙ ЧЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 76—89

Статья представляет собой гендерный анализ понятия «честь», являющегося одной из ключевых составляющих дворянского этоса. В то время как этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчине, концентрировались вокруг его личностных качеств, для женщины понятие «честь» имело сугубо сексуальное наполнение. Не только личная честь девушки и женщины, но и честь всего ее рода и рода мужа зависели от выполнения обязательств по сдерживанию «страстей». Дворянка была не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, но факт этот не снимал с нее ответственности, заставляя лишь ужесточать внутренние табу.

Ключевые слова: гендер, честь, ментальность, женская история, эгодокументы, российская дворянка, конец XVIII — начало XIX в., традиционный гендерный порядок.

O. I. Lisitsyna, N. L. Pushkareva. Notion of female honour in Russian noble culture (late XVIII — early XIX c.)

The system of ideas about honour as one of the key components in the noble culture has been a subject of scientific research many times, but as a rule, the term “nobility” referred only to men. However, the concept “honour”, as well as the consequent ideas about standard behavior, had considerable gender specifics. The article represents the gender analysis of the concept “honour” on the basis of both female and male sources of personal origin, and also didactic and pedagogical treatises and works of fiction of the end of the XVIII —

© Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л., 2015

Лисицына Ольга Игоревна — аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, lisichka-vokalistka@yandex.ru (PhD student of the Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

the first half of the XIX c. The ethical requirements imposed by the Russian noble community on men concentrated around their personal qualities (boldness, courage, strength of mind, self-control, fidelity), for the women this concept had only one — sexual — dimension. Not only personal honour of the girl and woman, but also the honour of all her family and the family of the husband depended on the implementation of obligations to control “passion”. The reputation of the honest woman could be affected both by her own and her husband's behavior. The noblewoman was not the subject of action, but the object of men's manipulations, but this fact didn't relieve her of the responsibility, forcing to toughen the internal taboos even more. The system of the social expectations concerning noble women didn't really change, and such requirements formed behavioral model of the Russian noblewoman throughout XVIII — the first half of the XIX c.

Key words: gender, honor, mentality, women's history, ego-documents, Russian noblewoman, late XVIII — early XIX c., traditional gender order.

Честь — одна из основных категорий этики — определяет отношение человека к самому себе и к нему со стороны общества. То, что понятие это исторично, справедливо отметила Н. Ш. Коллман, проанализировав представления о чести, характерные для российского дворянства в ранний период его становления как сословия [Коллман, 1999]. В XVIII в. дворянство было носителем новаций и объектом культурного экспериментирования — соединения западных и исконно русских представлений о чести [Жуковская]. Отечественные авторы, размышляя на эту тему, с завидным упорством центрировали внимание на том, что было важно для аксиосферы мужчин [Козлова; Коллман, 1999; Лотман, 2006; Муравьёва; Семёнова, 1981; Федосюк, 2001], утверждая существование неких гендерно-универсальных дворянских этических установок (эмоциональная сдержанность, сознание собственного достоинства и др.). Особенности содержания понятия «женская честь» в дворянской среде практически не рассматривались.

Нам представляется важным покончить с убеждением, что понятие *чести* может быть гендерно-универсальным в любой национальной культуре, и на примере выявления гендерной составляющей в эволюции представлений о чести и бесчестье в культуре русского дворянства показать значимость отдельного изучения женской и мужской аксиосферы. Без этого разделения не может быть признано существование мужской и женской составляющих в русской национальной культуре и не могут быть полноценно решены современные задачи конструирования этнокультурной идентичности, без чего, в свою очередь, невозможно вести разговор о содержании пресловутых «духовных скреп» нашей отечественной культуры.

«Столетье безумно и мудро» — «осмнадцатое» — вошло в историю российского дворянства как век трансформации поведенческой структуры общества [Алексеева, 2007], которая шла по двум направлениям: совершенствовался государственный и общественный этикет и создавался новый бытовой порядок с новыми правилами поведения, охватывавшими разные стороны частной

жизни российских дворян. Социальное поведение, и ранее считавшееся связанным с нравственными установками, стало рассматриваться как внешнее проявление внутреннего содержания личности (вслед за западной литературой, которую выписывали прогрессивно мыслящие, в особенности столичные, дворяне) [Грасиан-и-Моралес, 1742; Ле Нобль, 1761; Монкриф, 1788]. Этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчинам, концентрировались вокруг личностных качеств (правдивость, учтивость, самообладание, верность слову). Ни в одном из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице (см., напр.: [Тредиаковский, 1787]). О женщинах же «моральные кодексы» того времени почти не упоминали [Трельч, 1773].

Косвенные свидетельства, связанные с историей культуры данного периода, позволяют утверждать, что действительно новым в сравнении с предыдущим веком стало введение в круг «светских добродетелей», составлявших образ идеальной дворянки, набора качеств, ранее не соотносимых с женским образом. Это было, скажем, знание немецкого и французского языков, общительность, любовь к книге, а также традиционные и ранее востребованные обычные качества «доброй жены», известные со времен Средневековья (благоразумие, скромность, доброта, трудолюбие, домовитость) [Пушкарева, 1997b, 1999].

Но самой подразумеваемой составляющей понятия женской чести являлась в светском и церковном дискурсе европеизирующейся России составляющая сексуальная. На всем протяжении развития права и этикета требование сохранения невестой девственности до вступления в брак и женской верности в браке оставалось основой основ ожидаемого и предписываемого женского поведения [Пушкарева, 2008: 6]. В этом не было этнокультурной исключительности: данное требование являлось универсальным для множества средневековых и новоевропейских обществ [Фуко]. Но в среде российского образованного сословия подобные установки имели связанность с практикой социальной изоляции женщин благородного происхождения: их «теремное затворничество» в допетровской Москве было распространено задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям, составленным в Европе и переведенным на русский язык в XVIII в. В русской крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал природный натурализм в отношении к сексу, понятие «почестности» как сохранения невинности имело сугубо физиологический смысл [Кон; Пушкарева, 2009a, 2009b]. «Почестность» в дворянском обществе имела — как мы сейчас докажем — несколько расширительное и символическое значение. По мере того как в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи на протяжении столетий слабела, в среде «просвещенной» она почти не менялась. В контексте дворянской системы представлений о девичьей чести оказывался значимым не только сам факт потери девственности или прелюбодеяния замужней, но и обширный ряд действий и поступков, говорящих о потенциальной угрозе для женской чести, маркируемых как недопустимые в рамках социально поощряемого поведения. Подразумеваемости и намека было достаточно для насмешки и осуждения; эвфемистичность понимания чести/бесчестия была порождением нового стиля поведения благородного сословия, типичного для XVIII столетия и позднейшего времени.

На этот вывод наталкивает контент-анализ эгодокументов конца XVIII — начала XIX в., в частности дневника известного всем пушкинистам Алексея Николаевича Вульфа (соседа, приятеля и адресата писем поэта) и его кузины Лизы. История сексуальной культуры высших слоев российского общества — тема, наименее представленная в исследованиях. Но эти сюжеты необходимы для характеристики широты и пределов любовных отношений, типических для поведенческой культуры эпохи ампира и русского романтизма. Так, основываясь на тексте дневника соблазнителя (А. Н. Вульфа), можно сделать вывод о том, что его избранница считала вышедшей себя за строгие рамки дозволенного («полностью отдавшейся»), даже когда с физиологической точки зрения это было не так. «Я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти... ибо она сама... желала быть совершенно моею и считала себя такою» (курсив наш. — О. Л., Н. П.) [Вульф].

Можно объяснять подобное поведение девушки ее сексуальной непросвещенностью. Невзирая на то что смолodu от нее требовали «блuсти себя», никого не заботило незнание ею круга допустимого. Боясь лишней информированности «паствы», морализаторы того времени блокировали практически любой доступ к сведениям об особенностях физиологии и сексуальном поведении, даже запрещали девушкам читать французские романы. Юной дворянке практически неоткуда было почерпнуть не только какие-либо эротические, но и самые естественные физиологические познания [Белова, 2010: 262—263]. Дворянская мораль исключала проживание дочек со вдовыми отцами или дядьями: считалось, что от этого пострадает девичья честь. Матери-дворянки избегали говорить с дочками на сексуальные темы, это было нормой и полвека спустя [Пушкарева, 1997а; Чехов, 1895: 166]. Примеры таких признаний многочисленны в автобиографиях («Мне строго-настрога запрещено касаться книг, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения» [Ковалевская]; «...мы... окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу» [Стерлигова]; «...лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше» [Водовозова]). Любой физический контакт с мужчиной, условно допускавший свидания наедине и поцелуи, уже представлялся девушке потерей чести.

Как не вспомнить в связи с этим вложенные А. С. Пушкиным в уста капитанской дочки Маши Мироновой слова ее отказа Швабрину: «Алексей Иванович, конечно, человек умный... но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что!» [Пушкин, 1986b: 254]. А спустя несколько десятилетий после этих строк всего лишь «съездившая за Волгу» с Паратовым бесприданница Лариса у А. Н. Островского восклицала: «Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?» [Островский]. Человеку XIX в. даже не нужно было намекать на какие-то иные отношения, представляя Ларису в каюте парохода с распущенными волосами (как это сделал Э. Рязанов в «Жестоком романсе»). «Съездить за Волгу» для девушки уже было себя обесчестить...

Характерно, что женские автодокументальные тексты XVIII—XIX вв. вообще не содержат признаний о добрых связях их авторов с мужчинами.

Такое признание могло быть допустимо только на исповеди. Но... судя по мужским текстам, подобного рода вольности между влюбленными все же не были редкостью: «Всякой вечер... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую ее в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается... Я опомнился, какие могут быть последствия, за что я [ее] сделаю несчастною; встал и пошел вон» [Загряжский]. Различия в допустимости описания интимных подробностей объясняются двойным гендерным стандартом, существовавшим как на уровне дискурса, так и на уровне практик [Гидденс]. Но такие практики для «благородной девицы» были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания ее поведение ставилось под контроль со стороны гувернанток [Керн; Ковалевская]. Те девушки, что воспитывались вне семьи в пансионах и институтах благородных девиц, все время были поднадзорны товаркам и инспектрисам, никогда не оставлялись одни, им запрещено было находиться в классе наедине с учителем [Водовозова].

Некоторые послабления становились возможными для «просватанной» девушки: ее могли оставлять наедине с женихом («Они целовались и делали все то, что бы она долженствовала делать только с мужем» [Сиповский, 1910: 92]). Внезапный (и все же возможный) отказ жениться или расторжение помолвки женихом наносили удар не только по чувствам девушки, но и по ее репутации. Самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности в этом случае, как и повлиять каким-либо образом на ситуацию, барышня не могла. «Восстановление» ее чести находилось в руках кого-то из близких мужчин, кто определял тяжесть нанесенного оскорбления и мог нивелировать его, например дуэлью. Характерный случай — нашумевшая в 1825 г. дуэль К. П. Чернова, защищавшего честь сестры, с В. Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери [Гордин].

От скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки. Но демонстративное ухаживание за уже замужней дамой редко было самоцелью: для социально одобряемых, легитимных практик флирта существовал определенный этикет, адюльтер никто афишировать не спешил. Как правило, женщина служила лишь «поводом», чтобы свести счеты. Объектность ее была для того времени незыблемой; сама себя защитить обиженная не могла и не умела.

Изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые на первый взгляд могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской чести, обратило нас к плоскости сугубо мужских взаимоотношений. Обвинения в оскорблении женщины или в недостойном поведении замужней дамы (ситуация А. С. Пушкин / Жорж де Геккерн — Дантес) были беспроегрешным способом «придраться без всякой причины» и составляли «минутное дело, подтвержденное письменным вызовом» [Волконский]. Социальный институт дуэли и связанная с ним щепетильность в вопросах чести [Муравьев] оказывали таким образом немалое влияние на поведение женщин. Они диктовали им строгие правила пристойности, ведь «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близкого мужчины (причем за «обиду» женщины мог мстить не только тот, кто «нес за нее ответственность» по родству или свойству, жених или поклонник, но и малознакомый дворянин, как это было с А. С. Пушкиным в Кишинёве в 1822 г. [Гордин]).

Под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали самые юные дворянки, еще не входившие в категорию невест, не вывозившиеся на балы и лишённые возможности участвовать в таких легитимных парасексуальных практиках, как танцы и флирт. В большинстве случаев у них даже вовсе не было возможности как-либо «распорядиться» своей честью ввиду постоянного контроля со стороны взрослых. Девичья честь была фактически отчуждена от девичьих тел: ее контролировали и за нее несли ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычаев, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили именно родителей невесты, если та оказывалась «честной». То есть социально-универсальным был статус родителей как «хранителей чести» дочерей. Эта функция родителей способствовала установлению репрессивных механизмов регулирования сексуальности девушек: сексуальной жизни у воспитанной девушки-дворянки в идеальной модели и быть не могло.

Замужняя дворянка имела несколько больше сексуальной свободы. Сама жизнь рождала ослабление гендерной цензуры (запретов на информацию о сексе и обо всем, что с ним связано), в браке приобретался минимальный сексуальный опыт. Обращение к женским автодокументальным текстам говорит о том, что этот опыт чаще всего был неудачным, травмирующим и приводящим к скорой беременности, исключавшей дальнейшие сексуальные контакты на достаточно долгое время [Белова, 2010: 366—372; Пушкарева, 2006: 23]. Но брак и только брак давал «право» на флирт, считавшийся нормативной практикой межполового общения в светском обществе [Муравьёва].

Замужество могло обозначать и некоторое ослабление внешнего надзора за женской честью. Тот же А. Н. Вульф в своем «Дневнике» похвалялся: «...связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою» [Вульф]. Это не значило, что дворянки, выйдя замуж, становились развратнее: строгие внутренние установки, воспринятые с детства, предписывавшие асексуальность и безусловную верность мужу, были крепки подчас всю жизнь [Лабзина]. А. П. Керн, не любившая мужа настолько, что решила «разъехаться» с ним [Губер, 1990: 156], парировала его суждение о том, что женщине «любовников иметь непростительно, только когда муж в добром здравии», словами: «Какой низменный взгляд! Каковы принципы!» [Керн]. Иной вопрос — как она поступала (для поэта она была не только «гением чистой красоты», но и «вавилонской блудницей» [Пушкарева, Экштут, 1996; Пушкин, 1979: 160]); однако по крайней мере в письменной речи измена мужу была для нее нарушением морально-нравственным.

На наш взгляд, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных на «нормализацию» женской сексуальности, оставалась универсальной и фактически неизменной на протяжении всего указанного периода. Степень следования предписаниям была неодинаковой. Она могла зависеть от социальной среды, от конкретного повседневного окружения той или иной представительницы дворянского сословия, круга ее общения; в столице и в провинции, в «большом свете» [Соллогуб, 1990: 220] и в небольшом дворянском сельском кругу различия между «*comme il faut*» и «*vulgar*» были

в большей степени этикетного характера, нежели этического [Муравьёва]. Дворянство, являвшее собой «узкий замкнутый круг, который создается в значительной степени на основе родственных связей» [Козлова], составляло всего около 1 % населения Российской империи. Но даже в рамках такого узкого общества система поведенческих норм (что для мужчин, что для женщин) являлась универсальной в общих чертах: дворянские семьи были лично или опосредованно знакомы между собой. Это способствовало формированию гомогенной системы ценностей.

Строгость следования нормам сексуальной морали, конструирующим систему представлений о женской чести, часто определялась личными моральными качествами. Женщины, зависимые от внушенных им представлений о запретности разговоров на темы секса, часто рассуждали о мечтаемом в интимной сфере путем передачи и интерпретации чужого сексуального опыта [Головина; Лабзина; Смирнова-Россет, 2011: 32]. В этих рассуждениях чаще всего присутствует налет негативной оценки, если только речь шла не о нормативной сексуальности, понимаемой как отказ женщины от собственной чувственности. Вот в таких случаях «честная женщина» и охотно упоминала собственный интимный опыт, и позитивно оценивала чужой [Керн; Лабзина; Ржевская]. Понятно, что *золотой век частной жизни*, как часто характеризуют век XVIII, был веком плюрализации стилей жизни и индивидуализации сознания [Пушкарева, 2012: 64]. Универсальность описанных выше женских письменных и речевых практик позволяет утверждать, что эвфемизмы были специфичны для «женского письма». Ввиду множественности поведенческих запретов осмысление поступков и поведения «другого» («другой»), таких будоражащих и недозволенных, даже при наличии своего личного интимного опыта было важным механизмом осознания собственной сексуальности и обретения права хотя бы в помыслах быть свободней.

Скажем, графиня В. Н. Головина, воспитывавшая «со снисходительностью, к которой почти обязывали нравы той эпохи» [Валишевский] двух внебрачных детей своего мужа, ни словом не упомянула об этом в своих мемуарах. Зато со скрытым наслаждением и всеми разрешенными в такого рода текстах подробностями (не слишком детальными, на современный взгляд) описывала «бесчестное» сексуальное поведение иных придворных дам, включая свою приятельницу Е. Ф. Долгорукову: «Я вскоре заметила, — не без зависти к товарке признавалась она, — что Потёмкин очень ухаживал за княгиней Долгорукой (так в мемуарах. — *О. Л., Н. П.*). Она сначала некоторое время сдерживалась при мне, но потом... она стала кокетничать вовсю» [Головина]. Желая в собственных глазах как раз считаться и выглядеть «честной женщиной», она ханжески морализировала: «Все было великолепно и величественно, но не удовлетворяло меня. Нельзя наслаждаться спокойно, когда нарушаются принципы. Это было самое неприятное время моей жизни» [Головина].

Женщины-мемуаристки, если говорили о *любви*, то тоже не о своей, предпочитая описывать не пережитое, а известные понаслышке влюбленности и страсти. Это волновало. Живописуя чужие жизни, они, вероятнее всего, сопоставляли их со своими и старались обрисовать себя в лучшем свете. Скажем, в описанной Эделинг истории взаимоотношений М. А. Нарышкиной

и князя Гагарина или в рассказе В. Н. Головиной о графине Радзивилл, которая «пренебрегала *всеми* приличиями по желанию и по влечению», звучали оттенки осуждения. Не оттого ли, что те, кто пересказывал эти сплетни, сами подобных приключений не переживали [Березина, 1894: 684; Головина; Эдлинг, 1887: 221]?

Размышления женщины о женщине, оценка степени ее нравственности — это, конечно, отдельная тема в гендерной психологии [Gilligan, 1982]. В данном случае хочется отметить, что осуждался не могущественный Потёмкин, искусивший и соблазвивший молодую женщину, а сама Долгорукова, нарушившая «принципы». Поразительно, что двойственную модель сексуального поведения поддержала (своей непримиримостью) подруга преступившей нормы; трудно удержаться от предположения, что за этим стояла зависть не удостоенной внимания.

Позднее, будучи в свите великой княгини Елизаветы Алексеевны, В. Н. Головина наблюдала ухаживания за ней фаворита Екатерины II П. А. Зубова и подробнейшим образом описала связанные с этим «опасности». В ее строках — развернутое представление о критериях женской чести, о том, что пристало и что не пристало делать, поскольку могло скомпрометировать благородную женщину. Тут уж речь шла не о ровне, а о покровительнице. Посему последняя была показана жертвой грубых посягательств на ее спокойствие и честь. Весьма «возмутительными» В. Н. Головина находила «проделки», в результате которых подстраивались встречи, якобы случайные, на прогулках [Головина]. Сам факт влюбленности Зубова в великую княгиню беспокоил и ее саму, и ее наперсницу: «Ее Величество поместила меня между собой и Великой Княгиней, с которой Зубов не спускал глаз. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной» [Головина]. Интересно, что, по мнению В. Н. Головиной, уже сама включенность в интригу даже не на первых ролях способна была бросить тень на репутацию благородной женщины: «Нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое неизбежно должно оскорбить ее». Характерно, что великая княгиня, как считала Головина, благодаря своим «чистоте и благородству» вовсе не подозревала о чувствах Зубова (которые автор мемуаров именовала «оскорбительными»), и так продолжалось до тех пор, пока на них ей не указал ее же муж. Некоторое «повреждение нравов» (о котором сетовал М. М. Щербатов [Щербатов]), понятное дело, ослабило строгости и несколько расширило представления о допустимом (что той же Головиной характеризовалось явно превеличленно, «полной картиной разврата» [Головина]; ср.: [Пушкин, 1986а: 6—7]). Но это же «повреждение» породило другой тип говорения о чувственном без совершения порой недостойных, а потому и *нечестных* женских поступков. «У нее не чувствительное сердце», «...она не умеет поблагодарить за нежные чувства и почтительные ухаживания» (курсив наш. — О. Л., Н. П.) — такого рода соображения приводит В. Н. Головина [Головина]. И в подобных ожиданиях «благодарности за любовь» усматривается куртуазность, связь с европейской традицией восхвалений Прекрасной Дамы [Рябова]. «Благодарностью» знатной и честной женщины могло быть как сугубо этикетное проявление «милости», так и интимная близость с поклонником [Андреева].

Подводя итоги анализа представлений о женской чести в дворянской среде, обратим внимание на то, что для женщины это понятие несло лишь сексуальное содержание. Не только личная честь девушки и женщины, но и честь всего ее рода и рода мужа зависели от выполнения обязательств по сдерживанию страстей. В случае эксцессов девушка и женщина из дворянской среды, совершившие проступок, не имели возможности самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности; все издержки несла она, ее семья или муж. На репутацию «честной» женщины могло повлиять не столько ее собственное поведение, сколько поведение мужчины в отношении ее. Дворянка была не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, но факт этот не снимал с нее ответственности, заставляя лишь ужесточать внутреннее табу. Свою ответственность женщина несла не столько перед собой, сколько перед мужем или семьей в целом, ведь право отстаивания женской чести принадлежало исключительно мужчинам.

В то время как этические требования, предъявляемые в российском дворянском сообществе к мужчинам, концентрировались вокруг личностных качеств (смелость, мужество, сила духа, самообладание, верность слову, отечеству, долгу), женщины были в ином положении. Все дебаты о вопросах чести вращались почти исключительно вокруг их права (точнее, бесправия) распоряжаться своим телом (поэтому в связи с женской честью ключевое место в дискурсе отводилось понятиям непорочности, честности, невинности, готовности и «способности» воздерживаться от сексуальных контактов). Под честью женщины понималось нравственное поведение перед замужеством, а после него — поддержание чести семьи сдержанностью и благоразумием.

Библиографический список

- Алексеева Е. А.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2007. 42 с.
- Андреева О.* Средневековье: культ прекрасной дамы. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/andreeva-kult-damy.htm> (дата обращения: 13.09.2014).
- Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
- Березина Е. Я.* Жизнь моей матери, или Судьбы провидения // Исторический вестник. 1894. Т. 58, № 12. С. 681—693.
- Валишевский К.* Предисловие // Головина В. Н. Мемуары. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- Водовозова Е. Н.* На заре жизни. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 13.09.2014).
- Волконский С. Г.* Записки. URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения: 28.12.2014).
- Вульф А. Н.* Дневник, 1828—1831 гг. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 18.02.2015).
- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. URL: <http://www.twirpx.com/file/57924/?rand=1533257> (дата обращения: 11.12.2014).

- Головина В. Н.* Мемуары. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.12.2014).
- Грасиан-и-Моралес Б.* Придворной человек. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1742. 262 с.
- Губер П. К.* Донжуанский список А. С. Пушкина. М.: Интербук, 1990. 280 с. Репринт. воспроизведение изд. 1923 г.
- Жуковская Д.* Модели дворянского поведения: (представление о чести и службе во второй половине XVIII века). URL: http://www.historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedenia (дата обращения: 21.03.2015).
- Загряжский М. П.* Записки. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2014).
- Керн (Маркова-Виноградская) А. П.* Воспоминания о Пушкине. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 19.12.2014).
- Ковалевская С. В.* Воспоминания детства. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2014).
- Козлова Н.* Социально-историческая антропология. URL: <http://www.twirpx.com/file/411505/> (дата обращения: 23.02.2015).
- Коллман Н. Ш.* Проблема женской чести в Московской Руси XVI—XVII вв. // Социальная история, 1998—1999. 1999. С. 205—216.
- Кон И. С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 24.02.2015).
- Лабзина А. Е.* Воспоминания. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 14.04.2014).
- Ле Нобль Э.* Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1761. 222 с.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство — СПб, 2006. 413 с.
- Монкриф Ф.* Опыт о надобности и средствах нравиться. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1788. 168 с.
- Муравьёва О. С.* Как воспитывали русского дворянина. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.12.2014).
- Островский А. Н.* Бесприданница. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0190.shtml (дата обращения: 21.03.2015).
- Пушкарева Н. Л.* Женщина в русской семье: традиции и современность // Семья. Гендер. Культура. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997а. С. 177—189.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997б. 330 с.
- Пушкарева Н. Л.* Домашнее образование российских дворянок // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2 (8). С. 54—74.
- Пушкарева Н. Л.* Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. 2006. Осень. С. 18—26.
- Пушкарева Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3—17.

- Пушкарева Н. Л.* Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009а. № 3. С. 88—97.
- Пушкарева Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009b. № 5. С. 120—134.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М.: Ломоносов, 2012. 212 с.
- Пушкарева Н. Л., Экиштут С. А.* Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 178—204.
- Пушкин А. С.* Письмо А. Н. Вульфу от 7 мая 1826 года // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. С. 160.
- Пушкин А. С.* Арап Петра Великого // Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986а. Т. 3: Проза. С. 3—32.
- Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986b. Т. 3: Проза. С. 229—329.
- Ржевская Г. И.* Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской. URL: <http://mikv1.narod.ru/text/RzevRA71K1.htm> (дата обращения: 13.09.2014).
- Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского Средневековья. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medicaval_times.pdf (дата обращения: 27.04.2014).
- Семёнова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII века. Л.: Наука, 1981. 278 с.
- Ситовский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб.: Тип. С.-Петербург. т-ва печат. и издат. дела «Труд», 1910. Т. 1, вып. 1—2. 950 с.
- Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.
- Соллогуб В. А.* Большой свет // Дуэль: повести русских писателей / сост., вступ. ст. Н. П. Утехина; послесл. В. В. Дорошевича. М.: Правда, 1990. С. 194—260.
- Стерлигова А. В.* Воспоминания о Екатерининском институте. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.02.2015).
- Тредиаковский В. К.* Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб.: [Тип.] при Императ. акад. наук, 1787. 168 с.
- Трельч К.* Женская школа, или Нравоучительныя правила для наставления прекраснаго пола, как оному в свете разумно себя вести. М.: [Тип.] при Императ. Моск. ун-те, 1773. 140 с.
- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта: Наука, 2001. 263 с.
- Фуко М.* Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/11.php (дата обращения: 01.02.2015).
- Чехов А. П.* Замечательные русские женщины: Анна Петровна Бунина // Исторический вестник. СПб., 1895. Т. 16. С. 160—173.
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. URL: http://royallib.com/book/shcherbatov_mihail_o_povregdenii_nravov_v_rossii.html (дата обращения: 15.12.2014).
- Эделинг Р. С.* Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 1, № 2. С. 194—228.
- Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1982.

References

- Alekseeva, E. A. (2007) *Diffuziia evropeiskikh innovatsii v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)*: Dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.09 [The European diffusion of innovations in Russia (XVIII — beginning of XX c.): Diss. (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Andreeva, O. *Srednevekov'e: kul't prekrasnoi damy* [The Middle Ages: the cult of the beautiful ladies], available from <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/andreeva-kult-damy.htm> (accessed 13.09.2014).
- Belova, A. V. (2010) «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevnaia zhizn' russkoï provintsial'noi dvorianki XVIII — serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: The everyday life of Russian provincial noblewoman XVIII — mid XIX c.], St. Petersburg: Aleteïa.
- Berezina, E. Ia. (1894) *Zhizn' moï materi, ili Sud'by provideniia* [The life of my mother, of Providence or Destiny], *Istoricheskiï vestnik*, vol. 58, no. 12, pp. 681—693.
- Chekhov, A. P. (1895) *Zamechatel'nye russkie zhenshchiny: Anna Petrovna Bunina* [Wonderful Russian women: Anna Petrovna Bunina], *Istoricheskiï vestnik*, vol. 16, pp. 160—173.
- Ėdeling, R. S. (1887) *Iz zapisok grafini Ėdeling* [From the notes of the Countess of Edeling], *Russkiï arkhiv*, no. 2, pp. 194—228.
- Fedosiuk, Iu. A. (2001) *Chto neponiatno u klassikov, ili Ėntsiklopediia russkogo byta XIX veka* [What is unclear in classic works, or Encyclopedia of Russian everyday life in the XIX century], Moscow: Flinta, Nauka.
- Fuko, M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality], available from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/11.php (accessed 01.02.2015).
- Giddens, E. *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], available from <http://www.twirpx.com/file/57924/?rand=1533257> (accessed 11.12.2014).
- Gilligan, C. (1982) *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Golovina, V. N. *Memuary* [Memoirs], available from <http://dugward.ru/library/xviiivek/golovina.html> (accessed 17.04.2014).
- Gordin, Ia. A. *Duëli i duëlianty: Panorama stolichnoi zhizni* [Duels and duelists: A panorama of city life], available from <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (accessed 27.12.2014).
- Grasian-i-Morales, B. (1742) *Pridvornoï chelovek* [Courtier], St. Petersburg: Tipografiia pri Imperatorskoï akademii nauk.
- Guber, P. K. (1990) *Donzhuanskiï spisok A. S. Pushkina* [Don Juan list of A. S. Pushkin], Moscow: Interbuk.
- Kern (Markova-Vinogradskaia), A. P. *Vospominaniia o Pushkine* [Memories of Pushkin], available from http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (accessed 19.12.2014).
- Kollman, N. Sh. (1999) *Problema zhenskoï chesti v Moskovskoi Rusi XVI—XVII vv.* [The problem of female honour in Moscow Russia XVI—XVII cc.], *Sotsial'naia istoriia*, 1998—1999, pp. 205—216.
- Kon, I. S. *Klubnichka na berezke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [Strawberry on the birch: Sexual culture in Russia], available from <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (accessed 24.02.2015).

- Kovalevskaia, S. V. *Vospominaniia detstva* [Childhood memories], available from http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (accessed 17.12.2014).
- Kozlova, N. *Sotsial'no-istoricheskaia antropologiya* [Socio-historical anthropology], available from <http://www.twirpx.com/file/411505/> (accessed 23.02.2015).
- Labzina, A. E. *Vospominaniia* [Memories], available from <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (accessed 14.04.2014).
- Le Nobl', È. (1761) *Svetskaia shkola, ili Otecheskoe nastavlenie synu ob obkhozhdanii v svete* [Secular school, or A father's counsel to his son about the behavior in the world], St. Petersburg: Tipografiia pri Imperatorskoï akademii nauk.
- Lotman, Iu. M. (2006) *Besedy o russkoï kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: The life and traditions of Russian nobility (XVIII — beginning of XIX century)], St. Petersburg: Iskusstvo — SPb.
- Monkrif, F. (1788) *Opyt o nadobnosti i sredstvakh nraivit'sia* [Experience on the need and means to like], Moscow: Universitetskaia tipografiia u N. Novikova.
- Murav'ëva, O. S. *Kak vospityvali russkogo dvorianina* [As educated of a Russian nobleman], available from <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (accessed 15.12.2014).
- Ostrovskii, A. N. *Bespridannitsa* [Without a dowry], available from http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0190.shtml (accessed 21.03.2015).
- Pushkareva, N. L. (1997a) *Zhenshchina v russkoï sem'e: traditsii i sovremennost'* [A woman in a Russian family: tradition and modernity], in: Tishkov, V. A. (ed.), *Gender. Sem'ya. Kul'tura*, Moscow: Institut ètnologii i antropologii Rossiïskoï akademii nauk.
- Pushkareva, N. L. (1997b) *Chastnaia zhizn' russkoï zhenshchiny: nevesta, zhena, ljubovnitsa* [Private life of Russian woman: the bride, the wife, the mistress], Moscow: Ladomir.
- Pushkareva, N. L. (1999) *Domashnee obrazovanie rossiïskikh dvorianok* [Home education of Russian noblewomen], *Vestnik Universiteta Rossiïskoï akademii obrazovaniia*, no. 2 (8), pp. 54—74.
- Pushkareva, N. L. (2006) *Lev Tolstoï kak zerkalo russkogo seksa* [Leo Tolstoy as a mirror of Russian sex], *Seks i my, Osen'*, pp. 18—26.
- Pushkareva, N. L. (2008) *Seksual'nost' v chastnoï zhizni russkoï zhenshchiny (X—XX vv.): vliianie pravoslavnogo i ètatrateskogo gendernykh poriadkov* [Sexuality in the private life of a Russian woman (X—XX cc.): the influence of Orthodox and Etratic gender orders], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 2 (47), pp. 3—17.
- Pushkareva, N. L. (2009a) *Pozoriashchie nakazaniia dlia devushek v traditsionnoï russkoï kul'ture* [Dishonoring punishment for girls in Russian traditional culture], *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo èkonomicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 88—97.
- Pushkareva, N. L. (2009b) *Pozoriashchie nakazaniia dlia zhenshchin v Rossii XIX — nachala XX v.* [Russian women dishonoring punishments in XIX — early XX c.], *Ètnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 120—134.
- Pushkareva, N. L. (2012) *Chastnaia zhizn' russkoï zhenshchiny v XVIII stoletii* [Private life of Russian woman in the XVIII century], Moscow: Lomonosov.
- Pushkareva, N. L., Èkshtut, S. A. (1996) *Liubovnye sviazi i flirt v zhizni russkogo dvorianina nachala XIX veka* [Love affairs and flirtations in the life of a Russian nobleman of the early XIX century], in: Bessmertnyi, Iu. L. (ed.), *Chelovek v krugu sem'i*, Moscow: Rossiïskii gosudarstvennyiï gumanitarnyiï universitet.
- Pushkin, A. S. (1979) *Pis'mo A. N. Vul'fu ot 7 maya 1826 goda* [Letter to A. N. Wolfe, May 7, 1826], *Polnoe sobranie sochineniï*: in 10 vols, Leningrad: Nauka, vol. 10.
- Pushkin, A. S. (1986a) *Arap Petra Velikogo* [Arap Peter The Great], *Sochineniia*: in 3 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 3.

- Pushkin, A. S. (1986b) Kapitanskaia dochka [The captain's daughter], *Sochineniia*: in 3 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 3.
- Riabova, T. B. *Zhenshchina v istorii zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ia* [A woman in the history of Western Middle Ages], available from http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medieval_times.pdf (accessed 27.04.2014).
- Rzhevskaiia, G. I. *Pamiatnye zapiski Glafiry Ivanovny Rzhhevskoi* [Memoirs of Glafira Ivanovna Rzhevskaiia], available from <http://mikv1.narod.ru/text/RzevRA71K1.htm> (accessed 13.09.2014).
- Semënova, L. N. (1981) *Ocherki istorii byta i kul'turnoi zhizni Rossii: pervaiia polovina XVIII veka* [Essays on the history of everyday life and the cultural life of Russia: the first half of the XVIII century], Leningrad: Nauka.
- Shcherbatov, M. M. *O povrezhdenii npravov v Rossii* [On the corruption of morals in Russia], available from http://royallib.com/book/shcherbatov_mihail/o_povregdenii_npravov_v_rossii.html (accessed: 15.12.2014).
- Sipovskii, V. V. (1910) *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays from the history of the Russian novel], St. Petersburg: Tipografiia "Trud", vol. 1, no. 1—2.
- Smirnova-Rosset, A. O. (2011) *Vospominaniia* [Memories], St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
- Sollogub, V. A. (1990) Bol'shoi svet [Great world], in: *Duel': Povesti russkikh pisatelei*, Moscow: Pravda.
- Sterligova, A. V. *Vospominaniia o Ekaterininskom institute* [Memories of Catherine Institute], available from <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (accessed 25.02.2015).
- Trediakovskii, V. K. (1787) *Istinnaia politika znatnykh i blagorodnykh osob* [True policy a noble and honest persons], St. Petersburg: Tipografiia pri Imperatorskoi akademii nauk.
- Trel'ch, K. (1773) *Zhenskaia shkola, ili Npravouchitel'nye pravila dlia nastavleniia prekrasnago pola, kak onomu v svete razumno sebia vesti* [Female school, or Moral rules for the guidance of the fair sex as that meter in the light to behave reasonably], Moscow: Tipografiia pri Imperatorskom Moskovskom universitete.
- Valishevskii, K. Predislovie [Preface], in: Golovina, V. N. *Memuary* [Memoirs], available from <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (accessed 17.04.2014).
- Vodovozova, E. N. *Na zare zhizni* [At the dawn of life], available from http://az.lib.ru/w/wodovozova_e_n/text_0020.shtml (accessed 13.09.2014).
- Volkonskii, S. G. *Zapiski* [Scrapbook], available from <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (accessed 28.12.2014).
- Vul'f, A. N. *Dnevnik, 1828—1831 gg.* [The Diary, 1828—1831], available from <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (accessed 18.02.2015).
- Zagriazhskii, M. P. *Zapiski* [Scrapbook], available from <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (accessed 02.04.2014).
- Zhukovskaia, D. *Modeli dvorianskogo povedeniia: (Predstavlenie o chesti i sluzhbe vo vtoroi polovine XVIII veka)* [Model noble behavior: (The idea of honor and service in the second half of the XVIII century)], available from http://www.historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedenia (accessed 21.03.2015).

ББК 63.3(2)531-284.3

Н. А. Мицюк

**ТАНДЕМ «СОЗНАТЕЛЬНОЙ МАТЕРИ» И ВРАЧА:
ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ПАТРОНАЖА
НАД ГРУДНЫМИ ДЕТЬМИ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.**

Педиатрический патронаж в России оформился к началу XX в. в среде высших слоев общества. Его появление было обусловлено распространением семей детоцентристского типа, «сознательным материнством» и развитием педиатрических знаний. Повышенное внимание родителей к здоровью детей было вызвано также утверждением нового типа рождаемости (меньшее количество деторождений в жизни женщины при более внимательном отношении к воспитанию и развитию ребенка). Благодаря деятельности филантропических организаций педиатрический патронаж стал проникать в семьи рабочих и крестьян. Обращение государства к разработке законов в этой сфере проходило под значительным влиянием общественных обсуждений.

Ключевые слова: материнство, дворянки, детство, врач, младенчество, патронаж.

N. A. Mitsyuk. Tandem “conscious mother” and doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the XIX—XX cc.

The article aims to explore the circumstances of the origin of the pediatric patronage in Russia. The objective of the study is to prove that the basic methods of work with infants and their mothers were formulated and tested not in Soviet Russia, but during 1860—1910ies. The author uses an interdisciplinary, anthropologically oriented approach, makes use of the so-called everyday methods, biographical methods, as well as methods of gender and micro history. The research focuses not only on mothers of workers and peasants, but also

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 90—104

© Мицюк Н. А., 2015

Публикация поддержана РГНФ в рамках проекта № 14-31-01217 «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы».

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН; старший преподаватель кафедры философии, истории медицины, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Cand. Sc., Assistant Professor of the Department of Philosophy, History of Medicine, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russia).

on mothers of nobility. The article uses both objective sources of information (reports, charters of an association of charities), and subjective ones — egodocuments (women's diaries and autobiographical account), which allows to represent the process of pediatric patronage birth from the point of view of the patient, from the inside.

The author argues that pediatric nursing appeared among the higher strata of society at the beginning of the XX c. in Russia. Its appearance was due to the spread of the child-centrism, “conscious motherhood” and the development of pediatric knowledge. The ideology of “conscious motherhood”, professionalization of mothers led to the fact that women in the daily care of children didn't trust their own knowledge or the advice of their friends, but only the instructions of professionals — qualified pediatricians. The attention of parents to their children's health was due to the adoption of a new type of fertility (the reduction of the childbirth in a woman's life and more careful attention to their education and development). So was formed a tandem of mother, concerned with the development of her child, and private practicing doctor. The main elements of the pediatric patronage were: regular visits to practitioners of the noble families with children, distance consultation with specialists and rare visits of the doctor, keeping mothers “parent diaries” under control of pediatricians. Those changes led to medicalization of motherhood and childhood.

Through the activities of philanthropic organizations pediatric nursing began to spread to families of workers and peasants. The institute of visiting nurses emerged in Russia. Mothers from lower social strata, according to reports of charity societies, resisted penetration of healthcare services in the field of child care. The appeal of the government to the development of the laws of the pediatric patronage was held under the significant influence of public debate. This refutes the assertion of foreign historians about the insufficient development of legislative acts and ignoring the public interest.

Key words: motherhood, noblewoman, childhood, doctor, infancy, patronage.

Зарождение патронажа над грудными детьми — актуальная область повседневной истории, истории медицины, истории детства и гендерной истории. С одной стороны, она демонстрирует уровень развития отечественного здравоохранения. С другой — указывает на то, что мать и дитя становятся важными субъектами государственной политики. В работах по истории медицины появление педиатрического патронажа традиционно связывалось с советской системой здравоохранения [Конюс, 1954; Леви, 1950; Микиртичан, 1991]. В социологических и феминистски ориентированных антропологических исследованиях утверждение врачебного патронажа объясняют распространением технократической модели родовспоможения на протяжении XX в. [Davis-Floyd, 1994; Rivkin-Fish, 2005, 2010; Здоровье и доверие... , 2009; Темкина, 2014; Михель, 2009; Бороздина, 2011; Мицюк, 2015]. Историки, обратившиеся к изучению проблемы охраны материнства и детства в России, акцентируют внимание на социальных низах, взаимодействие матери, врача и ребенка рассматривается в основном на примере рабоче-крестьянской среды [Белоножко, 2001; Яковенко, 2008; Колганова, 2012]. Из исследовательского поля совершенно выпали аристократические семьи прошлого, специфика

медицинских практик, характер отношения с сообществом экспертов в данной социальной когорте. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что педиатрический патронаж получил первоначальное развитие в обеспеченных семьях пореформенной России, его распространение в народной среде в первых десятилетиях начала XX в. происходило во многом благодаря деятельности филантропических обществ, организованных представителями российской интеллигенции. Основная задача настоящей публикации — представить процесс зарождения педиатрического патронажа в семьях дореволюционной России с позиции междисциплинарного подхода с использованием как субъективных источников (дневников, воспоминаний, писем), так и объективных (отчеты благотворительных организаций, законодательные акты). Методы повседневной, гендерной истории, микроистории, биографические методы позволили рассмотреть явление в комплексе причинно-следственных связей, а также «изнутри», репрезентируя взгляд самих матерей на проблему заботы о здоровье их грудных детей.

Появление идеологии «сознательного материнства» оказало существенное влияние на материнские практики аристократок [Мицюк, 2014: 17—20]. На смену апатичному отношению к детям, отстраненности дам высшего сословия от их воспитания приходила новая семейная концепция. Дети с младенческого возраста становились смыслом жизни родителей. Известный педагог Е. Н. Водовозова называла их в собственных работах не иначе как «господа дети» [Водовозова, 1891: 90]. Происходил процесс, который французский историк Ф. Арьес в отношении европейских семей Нового времени охарактеризовал так: «Семья организуется вокруг ребенка» [Арьес, 1999: 11]. Отечественный социолог С. И. Голод полагал, что с конца XIX в. в России наблюдался процесс формирования семьи нового типа — детоцентристского, он сопровождался «повышением роли частной жизни, интимности и ценности детей» [Голод, 1998: 118]. Женские дневники и мемуары пестрят описаниями времени, проведенного с детьми. Дворянки буквально растворялись в повседневных заботах о малышах. Светские визиты в жизни «новых матерей» превращались в дружеские посещения семей с детьми, которые становились центром семейной жизни, вокруг которых сосредоточивались ежедневные материнские заботы. Век назад невозможно было представить подобной ситуации. Дети были на задворках семейной жизни и частной истории. К началу XX в. в высших слоях российского общества сформировалась культура родительства, основанная на активном участии матери, реже отца, в воспитании детей, применении новейших педагогических и медицинских знаний.

Идеология «сознательного материнства», профессионализация матерей приводили к тому, что женщины в повседневных заботах о детях все чаще доверяли не своему внутреннему чувству, советам знакомых, а специалистам — квалифицированным педиатрам. «Новой матери» не хватало знаний об уходе за ребенком. Кроме этого, ей тяжело было вынести весь груз ответственности за жизнь и здоровье малолетнего дитя. Смерть ребенка из естественного события («Бог прибрал, и слава Богу») превращалась в трагедию для всей семьи. Страх перед детскими болезнями и их последствиями приводил к тому, что женщины спешили разделить миссию «идеальной матери» с профессионалами.

Это явилось одной из причин зарождения педиатрического патронажа и консультирования в аристократических и интеллигентских семьях. Формировался тандем в лице озабоченной развитием своего чада матери и частнопрактикующего врача. Контакт матери с педиатром приобретал регулярный характер, являлся залогом правильного развития ребенка и соответствия аристократки идеалу «сознательной матери».

По объективным причинам, ввиду нехватки квалифицированных специалистов и неразвитости служб педиатрической помощи, в России этот процесс развивался не так стремительно, как на Западе. Если к началу XX в. в Европе и США был налажен медицинский патронаж над новорожденными [Imhof, 1981; Leguay, Barbizet et al., 1988; Davis-Floyd, 1992], то в России он являлся привилегией высших слоев общества, проживающих в крупных городах. Врач З. О. Мичник, посвятившая всю свою жизнь вопросам охраны материнства и младенчества, в 1916 г. писала, что, несмотря на все проводимые меры, грудной ребенок все еще не стал объектом всесторонней социальной помощи [Мичник, 1916: 29]. Уход за детьми в большинстве российских семей основывался на традиционных знаниях, передаваемых от матери к дочери. Хотя появление благотворительных организаций, предоставлявших возможность бесплатного врачебного консультирования матерям с грудными детьми, имело большое значение, врачебный патронаж в большинстве случаев оставался крайне дорогостоящей услугой. В связи с этим им могли воспользоваться исключительно состоятельные семьи.

Впервые полноценный педиатрический патронаж был сформирован в императорской семье. При этом настоящая педиатрическая служба появилась сравнительно поздно — в середине 1870-х гг., до этого за здоровьем императорских детей следили семейные врачи, не имевшие специализации в области детских болезней. Педиатрическую службу в императорской семье с 1876 по 1915 г. возглавлял лейб-педиатр К. А. Раухфус (вплоть до своей кончины) [Зимин, 2010: 324].

Зачатки патронажа над грудными детьми вскоре стали появляться в дворянских семьях. Обеспеченные родители перед рождением на свет малыша договаривались с педиатром, который за соответствующую плату брал обязательство навещать мать и дитя. В начале XX в. в Москве насчитывалось около 220 частнопрактикующих педиатров [Самгин, 1903: 91—94]. Патронаж могли доверить не только педиатрам, но и семейному врачу и, что удивительно, акушерке, принимавшей у женщины роды. В частности, в семью Половцовых* на протяжении нескольких недель приходила акушерка, которая осматривала новорожденного и оценивала состояние его здоровья: «А. Е. смотрела Борису пупок, в порядке, надо только немного прижечь ляписом... нашла, что он простудился... предписала помазать нос и в носу глицерином» [ОР РНБ, № 57, л. 2 об.].

* Анатолий Викторович Половцов — чиновник земского отдела Министерства внутренних дел начала XX в., известный также как историк-архивист. Его семейный архив (хранится в фондах РГИА, ОР РНБ) содержит подробное описание беременности, родов его жены Екатерины Николаевны и совместного ухода за детьми.

Доктор контролировал физиологическое развитие новорожденного, характер восстановления матери, особенности грудного вскармливания, детского стула. Он диагностировал те или иные заболевания, прописывал соответствующие для лечения лекарства, проводил регулярные измерения младенца. Смоленская дворянка Т. Волконская писала мужу: «В среду доктор взвешивал нашего молодца бибиса. Он теперь весит 6870 гр., т. е. прибавляет около 21 гр. в день» [ГАРФ, д. 30, л. 76]. Врач И. К. Стржельбицкий указывал на то, что к нему часто обращались интеллигентные женщины «за профессиональным советом», связанным с вопросами правильного ухода за детьми и их кормления (цит. по: [Жук, 1902: 178]).

В том случае, если частные посещения педиатра были невозможны (жена с детьми могли проживать в усадьбе), использовались другие формы контроля над развитием детей, основанные на получении заочных консультаций специалистов. В частности, педиатры начала XX в. рекомендовали родителям заводить специальные дневники, куда бы они вносили сведения об особенностях физиологического, нравственного и психического развития своих детей. Речь в данном случае идет не о простых автобиографических дневниках, где бы женщины в свободной для себя форме фиксировали любые проявления развития собственного чада, а о профессионально составленных дневниках, соответствующих определенной экспертами структуре. Считается, что мода на родительские дневники пришла в Россию из Западной Европы [Byford, 2013]. В 1890-х гг. на русский язык был переведен труд выдающегося немецкого физиолога и психолога Т. Прейера «*Душа ребенка*», где именитый автор настойчиво пропагандировал метод фиксации наблюдений за своими детьми [Прейер, 1891]. Отечественный психолог Н. Н. Ланге, увлеченный идеями немецкого ученого, в опубликованных лекциях также указывал на важность дневниковых записей [Ланге, 1892: 53]. Знаменитая книга «*Душа ребенка*» стала образцом для многих отечественных педиатров, которые активно призывали родителей, и прежде всего матерей, вести соответствующие дневники. В начале XX в. стали появляться профессиональные родительские дневники, составленные не родителями-любителями, а врачами и педагогами. Они существовали в двух формах: рекомендательного дневника, в котором авторы описывали, как следует вести наблюдения, и образцового дневника-наблюдения за собственным ребенком. В появлении и распространении родительских дневников следует видеть два момента. С одной стороны, они были призваны восполнить отсутствие регулярных педиатрических наблюдений (патронажа). Об этом открыто говорил врач К. И. Поварнин с трибун Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества [Журнал... , 1916]. Мать в своей повседневной заботе о малышах должна была реализовывать функции детского врача, педагога и писателя одновременно.

Матерям вменялось в обязанность скрупулезно заполнять дневник, составлять схемы, таблицы, рисовать графики, где помещалась бы информация о росте, весе малыша, его пище, первых произносимых слогах и т. д. Педиатры рекомендовали матерям производить регулярные измерения роста и веса малыша. В дневник необходимо было ежедневно вносить сведения о характере кормлений, об особенностях стула, обо всех возникающих недомоганиях.

В условиях отсутствия регулярного педиатрического патронажа, высокой стоимости услуг частнопрактикующих врачей, матери зачастую поручалось составлять дневник, а в редкие приходы педиатра она отчитывалась перед ним, демонстрируя собственные записи. При такой форме патронажа педиатр навещал новорожденного значительно реже, что экономило семейный бюджет. Он осматривал ребенка, давал рекомендации по уходу за ним, выписывал лекарства, основываясь на собственных наблюдениях и записях матери [ГАРФ; ОР РНБ, № 55]. В дневниках графини С. Ф. Вонлярлярской содержались подробные описания антропометрии младенца, характера его кормлений, активности, сна ребенка в неонатальном периоде: «Вес 4150, рост 55—56, головка I—36 см, II—35, III—34,5, плечики — 39, грудь — 36, тазик — 33». Она тщательно записывала особенности физиологического развития малыша, его поведения, объемы выпитого молока: «1, 2, 3-й день по рождению ничего ненормального в состоянии новорожденной не замечалось; 4-е сутки — слабит часто, помалу, зеленою. Ночью сильно беспокоилась... 6-е сутки новорожденная сосала от кормилицы всего 1 раз... 7-е сутки — беспокойна ночью, 1 ч — сосала кормилицу, 2 ч 30 мин — кричала, 3—4 ч — заснула, 4 ч — сосала у кормилиц, 6 ч — кормила графиня. Спала до 9 ч 20 мин. Общее состояние удовлетворительное... Днем: кушала в 12.15 — 80 гр, уснула в 2 ч, 3.45 — съела 70 гр, 5 ч — 70 гр, отрыгнула, 6.30 — 85, 8 ч — 70 гр, 9 ч — ванны, 10 ч — сон. Всего за сутки 445 гр» [ГАРФ, д. 32, л. 1—3].

Женская автодокументалистика свидетельствует о том, что существовал другой способ патронажа над новорожденными. Если жена с детьми проживала в усадьбе, а муж регулярно выезжал в город на службу, то именно он мог посещать педиатра для получения ответов на вопросы, связанные с уходом за новорожденным. Так, А. В. Половцов, заботившийся о правильном развитии первенца, регулярно консультировался у педиатра. В одном из писем жене он сообщал: «Вчера я долго говорил с Александрой Эдуардовной, она нашла, что Боря ужасно развит (умственно, что и нехорошо), сильно впечатлителен и нервен» [ОР РНБ, № 645, л. 83]. Если раньше большинство дворянок в поисках совета по уходу за детьми обращались в письмах к знакомым и родственникам, то теперь «новые матери» предпочитали заочно консультироваться у специалистов.

В начале XX в. проблема педиатрического патронажа стала настолько актуальной в российском обществе, что ее начали активно обсуждать на государственном уровне. Она рассматривалась в качестве важнейшего средства по борьбе с детской смертностью, которая в России была наивысшей среди стран Европы [Куркин, 1902: 4]. Уберечь своих детей от ранней смерти не получалось даже в императорских семьях, несмотря на то что их окружали лучшие педиатры. Обращение властей к развитию врачебного патронажа было также связано с трансформацией гендерной системы и становлением институтов гражданского общества. Теперь на материнство смотрели как на «святую обязанность» каждой женщины, в нем видели форму женского общественно полезного труда. Подобный подход требовал от государства охраны и поддержки данного «женского труда» в числе прочего в виде врачебного консультирования матерей и педиатрического патронажа.

Сложно согласиться с выводами зарубежных исследователей, которые полагали, что российские власти приступили к решению проблемы охраны материнства и детства без должного обсуждения в обществе [Lindenmeug, 1993]. Напротив, власти обратились к реформам в этой области под напором общественных инициатив. Обсуждение вопросов о консультативной помощи будущим матерям и матерям с грудными детьми шло параллельно в различных инстанциях. За короткий промежуток времени появилось значительное число проектов по развитию педиатрических служб, предложенных как частными лицами, так и членами благотворительных организаций. Даже многие феминистки первой волны, известные «шестидесятницы», начинали свою общественную деятельность с оказания социальной помощи матерям и детям. Вопрос об организации педиатрических консультаций разрабатывался также местными органами власти (Петербургской и Московской городскими думами). Наконец, этот вопрос получил развитие внутри Ведомства учреждений императрицы Марии. Активное обсуждение данной проблемы привело к тому, что с 1912 г. она стала предметом рассмотрения центральных органов власти, превращаясь в стратегическое направление государственного реформирования.

Практически все педиатры, выступая на собраниях и съездах различных организаций, говорили о важности развития врачебного патронажа над грудными детьми. Педиатр З. О. Мичник в 1916 г. составила проект, где подробно расписала характер и условия организации врачебного патронажа [Мичник, 1916, 1917]. Она полагала, что здоровье грудных детей должно было стать важнейшим объектом государственной политики. Мичник считала необходимым подготовить педиатров, миссия которых состояла бы в том, чтобы входить «в самую тесную связь с каждой отдельной матерью, изучить быт и условия ее жизни, условия развития каждого ребенка, приобрести доверие матери, сделать ее другом и советчиком, показать ей и научить ее, как при данных условиях, в данной обстановке, при данных индивидуальных качествах ребенка наилучшим образом обставить уход за ребенком, помочь ей в этом» [Мичник, 1916: 43]. Зинаида Осиповна была убеждена, что денежная поддержка матерей, организация врачебного патронажа — действенные меры по профилактике сиротства. С конца XIX в. стало появляться большое количество научных работ (например, «Курс детских болезней» В. П. Жуковского) и научно-публицистических (большой популярностью пользовались работы В. Н. Жука), посвященных вопросам ухода за младенцами и гигиены беременных и рожениц. Авторы доказывали насущную необходимость введения врачебных консультаций для молодых матерей и патронажа над грудными детьми.

Впервые педиатрический патронаж в качестве бесплатной и общедоступной услуги получил практическую реализацию в рамках различных филантропических обществ, комитетов, члены которых ставили перед собой цель борьбы с детской смертностью и оказания помощи беднейшим родителям и их детям. Общества «Капля молока» явились одними из первых организаций этого типа. В России данные общества, созданные по примеру западных организаций, появились в начале XX в. (первая «Капля молока» была открыта в Петербурге врачом В. О. Губертом в 1901 г.; возникли в 1880-х гг. в США, широкое распространение получили во Франции). К 1910 г. функционировало

около 40 одноименных обществ по всей России. Они были ориентированы на снабжение нуждавшихся матерей бесплатным молоком, в связи с чем основной акцент в работе был сделан на открытии молочных кухонь. Помимо снабжения грудных детей молоком, в обществах практиковались бесплатные консультации населения по вопросам грудного вскармливания, осмотр педиатрами вскармливаемых детей, наблюдение за их физиологическим развитием и состоянием здоровья. В частности, члены Киевского общества «Капля молока» не только организовывали молочные кухни, но и предлагали профессиональные консультации матерям, а также практиковали выдачу денежных пособий кормящим матерям и женщинам на последнем месяце беременности [Устав Киевского общества... , 1912: 3]. В обществе г-жи М. Н. Ольсен-Нобель в Петербурге осуществлялся регулярный осмотр детей педиатрами. При этом после каждого приема врач отмечал в особых журналах возраст родителей, их состояние здоровья, количество родов и характер их протекания. Помимо сбора сведений о ребенке со слов матери, врач проводил его осмотр, отмечая особенности развития, фиксировал «окружность головы, груди, живота, величину роста, вес, питание, окраску видимых слизистых оболочек, железы», обращал внимание на наличие проявлений золотухи и рахита [Шестакова, 1910: 9]. В обществе практиковался осмотр детей педиатром два раза в месяц. Педиатр также проводил работу с матерями, посвящая их в особенности правильного ухода за грудными детьми. В рамках общества осуществлялась вакцинация от оспы. Если наблюдаемый ребенок заболел, то матери вменялось в обязанность немедленно явиться на прием к врачу для постановки диагноза и назначения правильного лечения. Согласно статистическим отчетам обществ, первоначально их услугами пользовалось небольшое число матерей. К примеру, при открытии «Капли молока» г-жи М. Н. Ольсен-Нобель было записано 25 матерей, желающих, чтобы за их детьми был установлен патронаж. Но уже через год «доверие матерей постепенно увеличилось» и число младенцев возросло в 10 раз [Финкельштейн, 1913: 16—17, 20].

В «Капле молока» г-жи М. Н. Ольсен-Нобель стал внедряться в практику патронаж над новорожденными детьми (организованное наблюдение за воспитанием и развитием грудного ребенка в домашней обстановке). Эта обязанность лежала на помощнице врача, которая регулярно должна была посещать матерей на дому, чтобы следить за правильностью исполнения предписаний врача [там же: 10]. Фактически помощница врача исполняла функции патронажной сестры.

Существенных результатов на ниве педиатрического консультирования удалось достигнуть филантропическим организациям Харькова. В 1906 г. здесь был сформирован институт помощи материнству, включивший в себя специальную больницу для грудных детей, общества «Капля молока», а также Бюро помощи матерям. Данные организации преследовали цель широкой социальной поддержки матерей. При этом использовался индивидуальный подход при формировании клиентской базы. Например, характер работы в Бюро был таков: дамы — патронессы бюро после скрупулезного изучения рекомендовали врачам-педиатрам конкретные семьи, которые нуждались в их помощи; выносили решение о необходимости материальной поддержки матерей и их детей

[Троицкий, 1916: 153]. Кроме этого, членам семей, имеющих малолетних детей, оказывалась помощь в поиске работы, временного убежища, выделялись продукты питания, одежда. Матери получали пособие на ребенка на время кормления грудью с тем условием, чтобы не менее двух раз в месяц они приходили на прием к педиатру.

Таким образом, многое из того, чем занимались общества (бесплатные консультации, регулярные осмотры детей, бесплатная выдача лекарств, вакцинация, патронаж над новорожденными), напоминало хорошо организованную систему по уходу за грудными детьми. Это дает основание считать общества «Капля молока» одними из первых в России организаций, осуществлявших функции регулярного бесплатного педиатрического патронажа. Со временем именно врачебные консультации и патронаж над грудными детьми были признаны врачебным сообществом наиболее эффективными способами борьбы с детской смертностью. Многие врачи, сотрудничавшие с обществами «Капля молока», были убеждены в необходимости открытия консультативных центров для беременных, матерей с грудными детьми при каждом существующем гинекологическом, родильном отделении больниц, акушерском учебном заведении [Доклад... , 1906: 7].

В столице была сделана попытка организации молочных кухонь при родильных приютах за счет городских средств. Активную деятельность в этом направлении проводил председатель Петербургской санитарной комиссии врач А. Н. Оппенгейм. Однако государственных отделений «Капли молока» функционировало ничтожное количество по причине нехватки городских средств. В преддверии войны столичные власти обсуждали вопрос об открытии при городских попечительствах специальных пунктов для бедных матерей под названием «Помощь матери», где производились бы медицинские осмотры, взвешивания ребенка, оспопрививание [Известия... , 1915: 6]. Кроме этого, был разработан проект об учреждении городских консультаций для матерей и грудных детей. Авторы проекта полагали, что врачи должны посещать родильные приюты города и убеждать матерей обращаться в консультации. Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Но она не получила широкого практического применения. С 1910 г. организация молочных кухонь осуществлялась при родильных учреждениях Петербурга, состоящих под покровительством Ведомства императрицы Марии. При них открывались амбулатории, где любая мать могла получить врачебный совет по уходу за новорожденным [там же: 4]. В Москве также активно обсуждались проекты создания консультаций для грудных детей. В 1908 г. по инициативе врача Г. Н. Сперанского была основана первая консультация при Абрикосовском родильном доме. В 1912 г. Сперанский участвовал в открытии в Москве первого Дома грудного ребенка с лечебницей, консультацией, молочной кухней и яслями. Московские врачи пошли дальше своих коллег из Петербурга. Они выступали против случайной консультативной помощи матерям, будучи убежденными, что педиатр должен вести всесторонний контроль за развитием детей вплоть до достижения ими годовалого возраста. При консультации предполагалась выдача бесплатного молока

для бедных матерей и его продажа состоятельным родителям. К началу Первой мировой войны в Москве было открыто пять таких консультаций.

Кроме обществ «Капля молока», созданных на западный манер, в России были открыты различные по характеру учреждения, ставившие перед собой цель помогать матерям в уходе за их грудными детьми. В Москве, например, функционировало Общество охраны материнства доктора А. Н. Рахманова. В разных городах России открывались общества по борьбе с детской смертностью, которые вели работу с матерями и помогали ухаживать за их новорожденными.

Следует подчеркнуть, что все те, кто так или иначе обсуждал вопрос об охране материнства и младенчества, имел в виду прежде всего самые незащищенные категории — матерей, занятых фабричным и крестьянским трудом. Дворянки и их малолетние дети не рассматривались в качестве тех, кто нуждался бы в бесплатном медицинском патронаже. Смертность дворянских детей была существенно ниже. Считалось, что при необходимости они самостоятельно могут воспользоваться услугами частнопрактикующих врачей за соответствующую плату. Однако далеко не все дворянские семьи могли позволить себе врачебный патронаж. Проблема детской смертности была особенно актуальна в среде мелких и средних дворян, разночинной интеллигенции. Врачи отмечали, что молодые матери, как из бедных классов, так и вполне состоятельных, не имеют правильных представлений об уходе за новорожденными, доверяясь полностью предрассудкам «кумушек», «бабушек», «соседок» [Доклад... , 1906: 5]. В связи с этим некоторые специалисты стали говорить о необходимости организации медицинского патронажа не только для самых нуждающихся, но и для всех категорий населения. В частности, с таким проектом выступал педиатр Е. Я. Гинденс [Гинденс, 1916]. В ряде обществ была сделана попытка привлечения в клиентскую базу матерей из интеллигентных классов (в Киевском и Одесском обществах «Капля молока») [Отчет... , 1914: 16—17; Гершензон, 1916: 16—17]. Косвенные данные также свидетельствовали, что дворянки прибегали к услугам «Капли молока». В частности, в отчетах Петербургского общества имелось указание на то, что прислуга брала молоко для «детей своей барыни» [Известия... , 1910: 21]. Врачи, работающие в консультациях, отмечали, что их услугами все чаще пользовались женщины из культурных слоев общества [Труды... , 1913: 53].

На государственном уровне актуальность проблемы охраны материнства и младенчества была признана к 1910 г. По инициативе властей были образованы специальные комиссии, цель которых состояла в разработке проектов по оказанию всесторонней консультативной помощи матерям и их детям. Практическим результатом обсуждений явилось создание в 1913 г. Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества. Среди прочих вопросов Попечительство должно было реализовывать программу педиатрической помощи населению, в основе которой оказание консультативной помощи молодым матерям и охрана здоровья детей грудного возраста. Несмотря на военное время, в многочисленных губерниях России (Петроградская, Новгородская, Калужская, Тверская, Тульская, Саратовская и др.) начали действовать

консультации под эгидой Попечительства. Большинство из них открывалось при родовспомогательных заведениях. Консультации должны были участвовать «в пропаганде грудного кормления, разъяснении матерям значения кормления грудью, поощрении матерей к нему и устранении, по возможности, к нему препятствий» [Отчет... , 1915: 17; Краткий отчет... , 1917: 87]. Кроме этого, в рамках Попечительства впервые была озвучена мысль об организации врачебного патронажа над матерями и грудными детьми. Тогда он именовался просветительским патронажем на дому. Задача его состояла в том, чтобы осуществлять «надзор за грудными детьми на дому подготовленными интеллигентными лицами — патронажными сестрами» [Краткий отчет... , 1917: 90]. В круг обязанностей сестер входило: «1) распространить путем посещений на дому идею консультаций... 2) изучить быт и условия жизни населения вообще, грудного младенца в частности... причины того или иного состояния развития каждого данного ребенка в отдельности, 3) наиболее широко индивидуализировать советы врачей по уходу за ребенком и его кормлению применительно к данным условиям жизни и обстановки, 4) в тех местах, где патронаж органически связан с консультацией, контролировать и следить, как применяются данные врачом советы, помогать матерям и учить их на деле» [там же]. Таким образом, речь шла об организации консультативной помощи и системном надзоре за матерью и грудным ребенком современного типа. Данные нововведения удалось применить только в нескольких районах Петрограда. В течение года патронаж велся над 2862 матерями и их малолетними детьми.

Итак, вопрос об организованной педиатрической помощи молодым матерям стал активно обсуждаться в условиях пореформенной России. Распространение семей «детоцентристского» типа, «сознательного материнства» в высших слоях российского общества способствовало зарождению педиатрического патронажа. Формировался тандем «ответственной матери» и частнопрактикующего педиатра. Их совместные усилия были направлены на борьбу за жизнь и здоровье новорожденных. При недоступности частых посещений педиатра родительские дневники становились связующим звеном между родителями и врачами. Практические шаги на пути реализации многочисленных проектов по поддержке материнства и младенчества осуществляли в основном филантропические организации. В то время как в столичных городах получили распространение педиатрические консультации и частично врачебный патронаж, в провинции, ввиду крайнего недостатка средств, организованная педиатрическая служба продолжала оставаться исключением. Кроме этого, общественные и государственные структуры были ориентированы на оказание помощи беднейшим матерям, мать-дворянка не рассматривалась в качестве объекта государственной педиатрической помощи. Потребность в привлечении многочисленных ресурсов для формирования системы врачебной и социальной помощи всем без исключения матерям в России назрела к началу Первой мировой войны. Эти проекты стали обсуждаться на уровне столичной власти и органов местного самоуправления, но так и остались в статусе обсуждаемых.

Библиографический список

- Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. 415 с.
- Белоножко Е. П.* История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX — начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 423 с.
- Бороздина Е. А.* Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы* / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2011. С. 54—83.
- Водовозова Е. Н.* Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1891. 135 с.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 618. Оп. 1. Д. 30, 32 (Дневники С. Ф. Вонлярлярской).
- Гершензон А. О.* Медицинский отчет о деятельности консультаций и «Капли молока» Общества попечения о больных детях г. Одессы в 1915 г. Одесса: б. и., 1916. 32 с.
- Гиндес Е. Я.* Об охране материнства // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 1. Стб. 53—72.
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 242 с.
- Доклад Комиссии Киевского общества детских врачей об устройстве консультаций для грудных детей. Киев: б. и., 1906. 32 с.
- Жук В. Н.* Почему многие матери не кормят грудью детей? // *Акушерка*. 1902. Кн. 6, № 11—12. С. 178—182.
- Журнал общего собрания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, 6 марта 1916 г. // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 1. С. 32—54.
- Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине* / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2009. 253 с.
- Зимин И.* Повседневная жизнь российского императорского двора: детский мир императорских резиденций, быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. 571 с.
- Известия Петроградской городской думы. 1915. № 37.
- Известия С.-Петербургской городской думы. 1910. № 43.
- Колганова Е. В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 284 с.
- Конюс Э. М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества. М.: Медгиз, 1954. 321 с.
- Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год. Петроград: б. и., 1917. 152 с.
- Куркин П. И.* Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883—1897 гг. М.: Изд. Моск. губ. земства, 1902. 294 с.
- Ланге Н. П.* Душа ребенка в первые годы жизни. СПб.: б. и., 1892. 64 с.
- Леви М.* История родовспоможения в СССР. М.: Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1950. 351 с.
- Микиртичан Г. Л.* Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики: дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1991. 423 с.
- Михель Д. В.* Медикализация общества: теория, история, микрополитика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7, № 3. С. 293—294.

- Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2. С. 17—29.
- Мицюк Н. А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 1. С. 21—33.
- Мичник З. О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 3. С. 28—55.
- Мичник З. О. Городской и сельский патронаж // *Охрана материнства и младенчества*. 1917. № 3. С. 259—278.
- ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 601. Оп. 1. № 55, 57 (Дневники А. В. Половцова 1881—1882 гг.); № 645 (Письма Е. Н. Кравченко А. В. Половцову).
- Отчет Киевского общества «Капля молока» за 1913 год. Киев, 1914. 76 с.
- Отчет о деятельности попечительства по охране материнства и младенчества за 1914 г. Пг., 1915. 87 с.
- Прейер В. Душа ребенка. СПб.: Тип. О. А. Богдановой, 1891. 207 с.
- Самгин И. Я. Адресная книжка врачей, дантистов, акушеров, лечебных заведений и аптек г. Москвы. М.: б. и., 1903. 253 с.
- Темкина А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12, № 3. С. 321—336.
- Троицкий И. В. Охрана материнства в Харькове // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 1. С. 149—157.
- Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге, 27—31 декабря 1912 г. СПб., 1913. 253 с.
- Устав Киевского общества «Капля молока». Киев: [Тип.] М. В. Глезера, 1912. 17 с.
- Финкельштейн Л. О. Консультации для грудных детей. Киев: Сотрудник, 1913. 142 с.
- Шестакова О. А. «Капля молока» г-жи М. Н. Ольсен-Нобель. СПб.: б. и., 1910. 23 с.
- Яковенко Т. Г. Охрана материнства и младенчества во второй половине XVIII — начале XX в.: на материалах Санкт-Петербурга: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 304 с.
- Byford A. Parent diaries and the child study movement in Late Imperial and Early Soviet Russia // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72, № 2. P. 212—241.
- Davis-Floyd R. E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1992. 386 p.
- Davis-Floyd R. E. The technocratic body: American childbirth as cultural expression // *Social Science and Medicine*. 1994. Vol. 38, № 8. P. 1125—1140.
- Imhof A. La Surmortalité des femmes mariées en âge de procréation: un indice de la condition féminine au XIXe siècle // *Annales de démographie historique*. 1981. P. 81—87.
- Leguay F., Barbizet C., Edwards-Pilliet B. Femme et médecine, 1858—1894. Le Mans: Editions Cenomanes, 1988. 246 p.
- Lindenmeyr A. Maternalism and child welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. 1993. Vol. 5, № 2. P. 114—125.
- Rivkin-Fish M. R. Women's Health in Post-Soviet Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 253 p.
- Rivkin-Fish M. R. Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of «maternity capital» // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, № 3. P. 701—725.

References

- Ariès, F. (1999) *Rebēnok i semeĭnaia zhizn' pri starom poriadke* [Child and family life in the old order], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Belonozhko, E. P. (2001) *Istoriia okhrany materinstva i detstva organami social'nogo prizreniia Rossii, vtoraiia polovina XIX — nachalo XX v.*: Dis. ... d-ra ist. nauk [The history of protection of motherhood and childhood, social care in Russia, second half of XIX — beginning of XX c.: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Borozdina, E. A. (2011) *Meditsinskaia pomoshch' beremennym: v poiskakh zaboty* [Medical help to pregnant women: looking for caring relations], in: Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds) *Zdorov'e i intimnaia zhizn': sotsiologicheskie podkhody*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S. Peterburge, pp. 54—83.
- Byford, A. (2013) Parent diaries and the child study movement in Late Imperial and Early Soviet Russia, *The Russian Review*, vol. 72, no. 2, pp. 212—241.
- Davis-Floyd, R. E. (1992) *Birth as an American Rite of Passage*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Davis-Floyd, R. E. (1994) The technocratic body: American childbirth as cultural expression, *Social Science and Medicine*, vol. 38, no. 8, pp. 1125—1140.
- Gindes, E. J. (1916) Ob okhrane materinstva [Maternity protection], *Okhrana materinstva i mladenchestva*, no. 1, pp. 53—72.
- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskiĭ analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Iakovenko, T. G. (2008) *Okhrana materinstva i mladenchestva vo vtoroi polovine XVIII — nachale XX v.: na materialakh Sankt-Peterburga*: Dis. ... kand. ist. nauk [Protection of maternity and infancy in the second half of XVIII — early XX c.: materials of St. Petersburg: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Imhof, A. (1981) La Surmortalité des femmes mariées en âge de procréation: un indice de la condition féminine au XIXe siècle, *Annales de démographie historique*, pp. 81—87.
- Kolganova, E. V. (2012) *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX — nachale XX v.*: Dis. ... kand. ist. nauk [The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late XIX — early XX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Konus, E. M. (1954) *Puti razvitiia sovetskoĭ okhrany materinstva i mladenchestva* [Ways of development of Soviet protection of motherhood and infancy], Moscow: Medgiz.
- Kurkin, P. I. (1902) *Detskaia smertnost' v Moskovskoĭ gubernii i eĭ uezdakh v 1883—1897 gg.* [Infant mortality in the Moscow province and its counties in 1883—1897], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gubernskogo zemstva.
- Lange, N. P. (1892) *Dusha rebenka v pervye gody zhizni* [The soul of the child in the first years of life], St. Petersburg: s. n.
- Leguay, F., Barbizet, C., Edwards-Pilliet, B. *Femme et médecine, 1858—1894*, Le Mans: Editions Cenomanes, 1988.
- Levi, M. (1950) *Istoriia rodovspomozheniia v SSSR* [The history of obstetrics in the USSR], Moscow: Izdatel'stvo Akademii meditsinskikh nauk SSSR.
- Lindenmeyr, A. (1993) Maternalism and child welfare in Late Imperial Russia, *Journal of Women's History*, vol. 5, no. 2, pp. 114—125.
- Michnik, Z. O. (1916) Individual'noe prizrenie grudnykh detei i patronazh [Individual care of infants and patronage], *Okhrana materinstva i mladenchestva*, no. 3, pp. 28—55.
- Michnik, Z. O. (1917) Gorodskoĭ i sel'skiĭ patronazh [Urban and rural patronage], *Okhrana materinstva i mladenchestva*, no. 3, pp. 259—278.

-
- Mikhel', D. V. (2009) Medikalizatsiia obshchestva: teoriia, istoriia, mikropolitika [Medicalization of society: theory, history, micro-politics], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 7, no. 3, pp. 293—294.
- Mikirtichan, G. L. (1991) *Osnovnye etapy i napravleniia razvitiia otechestvennoi pediatricheskoĭ nauki i praktiki*: Dis. ... d-ra med. nauk [The main stages and directions of development of the national paediatric science and practice: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Mitsiuk, N. A. (2014) Tipy rossiĭskikh dvorianok nachala XX veka po otnosheniiu k sobstvennoi fertil'nosti i materinstvu [The types of Russian noblewomen at the beginning of the XX century in relation to your own fertility and motherhood], *Zhenshhina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—29.
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia «ideal'nuiu mat'»: kontseptsii materinstva v rossiĭskom obshchestve nachala XX veka [Constructing “the ideal mother”: the concept of motherhood in Russian society in the beginning of XX century], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, no. 1, pp. 21—33.
- Preĭer, V. (1891) *Dusha rebĕnka* [The soul of the Child], St. Petersburg: Tipografiia O. A. Bogdanovoĭ.
- Rivkin-Fish, M. R. (2005) *Women's Health in Post-Soviet Russia*, Bloomington: Indiana University Press.
- Rivkin-Fish, M. R. (2010) Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of “maternity capital”, *Slavic Review*, vol. 69, no. 3, pp. 701—725.
- Temkina, A. (2014) Medikalizatsiia reproduksii i rodov: bor'ba za kontrol' [Medicalization of reproduction and childbirth: a struggle for control], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, 2014, vol. 12, no. 3, pp. 321—336.
- Troitskiĭ, I. V. (1916) Okhrana materinstva v Khar'kove [Protection of the motherhood in Kharkiv], *Okhrana materinstva i mladenchestva*, no. 1, pp. 149—157.
- Vodovozova, E. N. (1891) *Umstvennoe i nravstvennoe razvitie detei ot pervogo proiavleniia soznaniia do shkol'nogo vozrasta* [Mental and moral development of children from the first manifestation of consciousness up to school age], St. Petersburg: Tipografiia V. S. Balashova.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (eds) (2009) *Zdorov'e i doverie: gendernyi podkhod k reproduktivnoi meditsine*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S. Peterburge.
- Zimin, I. (2010) *Povsednevnaia zhizn' rossiĭskogo imperatorskogo dvora: Detskiĭ mir imperatorskikh rezidentsiĭ, byt monarkhov i ikh okruzhenie* [The everyday life of the Russian Imperial court: Children's world of Imperial residences, the life of the monarchs and their entourage], Moscow: Centrpoligraf.

ББК 74.03(0)5-218

И. Е. Лыскова

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ UNIVERSITY EXTENSION НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ И РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Раскрываются характерные особенности международного общественного движения по распространению университетского образования (The University Extension Movement) в странах Западной Европы, Северной Америки и России. Предлагается анализ основных проблем развития профессионального образования, теории и практики персонального менеджмента в России конца XIX — начала XX в. Содержатся выводы о значимости новых подходов к наследию известных русских ученых Н. И. Кареева и П. Н. Милюкова в контексте гендерных проблем истории образования и персонального менеджмента в России. Подчеркивается роль общественного движения University Extension в процессе становления и развития системы персонального менеджмента в России исследуемого периода.

Ключевые слова: общее и профессиональное образование, общественное движение University Extension, самообразование, персональный менеджмент, научное наследие П. Н. Милюкова и Н. И. Кареева.

I. E. Lyskova. The influence of the University Extension Movement on the development of system of education and self-management in the countries of Western Europe, North America and Russia: gender aspect

The article implies complex research of key problems in the history of economic and managerial thought in Russia at the end of the XIX and at the beginning of the XX c. in the context of socio-economic development of the leading West European and North American countries. The history of management and self-management in particular interests many people nowadays. Still there is no common interpretation of the essence of personal management and its role in socio-economic processes of present-day reality.

The article deals with the characteristic features, common and comparative analysis, and system approach to the gender problems of education and

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 105 — 118

© Лыскова И. Е., 2015

Лыскова Ирина Ефимовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Россия, IrinaLyskova@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor of the Department of Management, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktывkar, Russia).

self-management in Western Europe, North America and Russia in the late XIX and the early XX c.

Scientific heritage of famous Russian scientists and public figures N. I. Kareev and P. N. Milyukov reflects different aspects of the history of economic and managerial teachings. They were representatives of the Russian historical school and were profoundly interested in the problems of economic development of the countries of Western Europe, North America and Russia. They paid special attention to the history of economic doctrines and socio-economic processes in historical context including gender.

This aspect of scientific and social activities of N. I. Kareev and P. N. Milyukov is still practically unknown. The views of the scientists in the sphere of self-management need analysis and systematization. The modern situation really requires new approaches to studying Milyukov's and Kareev's unique scientific heritage, characterizing the history of the University Extension Movement, the history of education and self-management in Russia.

Key words: comprehensive and professional education, the University Extension Movement, self-education, self-management, P. N. Milyukov's and N. I. Kareev's scientific heritage.

Развитие современной управленческой и экономической мысли неразрывно связано с актуализацией проблем персонального менеджмента, осознанием роли социокультурных факторов в обеспечении эффективности социально-экономических процессов. Все чаще подчеркивается значимость человеческого, интеллектуального капитала в решении современных проблем экономического развития. Сегодня невозможно игнорировать роль целевых и ценностных приоритетов в жизнедеятельности человека, системы эмоционально-волевых установок личности. Эта система обеспечивает высокую степень самомотивации на непрерывное профессиональное развитие, самообразование, повышение вовлеченности и энтузиазма, использование нестандартных подходов к решению профессиональных задач.

Одной из самых серьезных проблем современного российского общества является кризис мотивации персонального развития. Данная проблема находит выражение во множестве негативных характеристик, связанных с поведением человека. Отметим лишь некоторые: низкая мотивационная настроенность на результаты трудовой и учебной деятельности, отстраненность от реализации социально значимых функций, формальный подход к выполнению должностных обязанностей, имитация трудовой деятельности, игнорирование персональной ответственности за процесс и результат труда, угасание потребности в персональном развитии и самореализации в профессиональной сфере, отсутствие желания проявлять инициативу и строить жизненные планы.

Между тем истории известны примеры, когда стремление человека к образованию, еще в большей степени к самообразованию, осознание необходимости личностного совершенствования и профессионального развития приобретали поистине грандиозные масштабы. Известный отечественный ученый и политический деятель П. Н. Милуков, подчеркивая специфику русского менталитета, отмечал, что развитие русского теоретического и нравственного миропонимания происходит «независимо от изменений в удовлетворении экономической

потребности». По его мнению, процесс развития «совести, мысли и воли русского народа», эволюция его «духовных» потребностей имеет «свою собственную внутреннюю закономерность». Исследуя факторы, влияющие на развитие русской духовной культуры и определяющие «состояние *чувства* и *мысли* русского общества», П. Н. Милюков особенно выделял «церковь и школу» [Милюков, 1897: 5—7].

Специфика гендерных характеристик социального поведения, закрепившихся в религиозном миропонимании российского общества, прослеживалась достаточно ярко на протяжении длительного периода русской истории. Система православных норм, ценностей, традиций, моделей организации повседневной жизнедеятельности общества в контексте полоролевых и социально значимых функций практически не допускала каких-либо альтернатив и возможности, по словам П. Н. Милюкова, «свободной инициативы отдельной человеческой личности» [там же: 2].

Серьезные перемены в системе российского общественного сознания произошли в эпоху Александра II. Именно тогда было положено начало коренным изменениям, определяющим культурный облик русского человека.

Реформы Александра II стали отправной точкой новых подходов к развитию системы образования и позже к формированию системы персонального менеджмента в российской научной мысли.

Следует отметить, что сегодня практически не существует единых академических подходов к пониманию сущности персонального менеджмента. В советские годы в общественном сознании преобладали идеи коллективного взаимодействия, а задачи персонального развития встраивались в систему ценностей, основанную на коммунистической идеологии. Современная жизнь требует адекватной оценки роли персонального менеджмента в общественной деятельности человека. Соответственно зарубежный и отечественный опыт в этом отношении представляет особый интерес. В конце XIX — начале XX в. система персонального менеджмента (*self-management*) понималась как совокупность теоретических и практических аспектов жизнедеятельности человека, направленных на обеспечение индивидуального развития (*self-development*), образования и в большей степени самообразования (*self-education*), а также самореализации в сфере профессиональной деятельности (*self-realization*) [Лыскова, 2014a, 2014b, 2014c, 2014d, 2014f; Lyskova, 2014g].

История становления персонального менеджмента в России неразрывно связана с международным образовательным движением *University Extension*, получившим широкое распространение в странах Западной Европы и Северной Америки в последней четверти XIX в. Как отмечал П. Н. Милюков, «смысл этого движения заключается в демократизации высшей школы, в стремлении приблизить университет к народу и сделать образование... достоянием всего народа и задачей целой жизни» [Милюков, 1896].

Необходимо подчеркнуть, что сам термин «*university extension*», означавший буквально «расширение университета», или «распространение университетского образования», вошел в научный оборот в 1871 г. и получил широкое применение в теории и практике образовательной деятельности благодаря английскому профессору астрономии Д. Стюарту. Именно он признан автором

уникальной системы образования University Extension, продолжающей свое развитие вплоть до настоящего времени (см.: [там же: 79—80]). Следует обратить внимание на поразительную особенность национального духа англичан, сочетающего в себе склонность к консерватизму, практически неизменному следованию традициям и вместе с тем к непрерывному развитию, изобретательству, креативности. Ярким примером тому является английская система образования. Стоит отметить, что именно развитие школьного и профессионального образования в значительной степени содействовало демократизации английского общества.

Новое образовательное движение (The University Extension Movement) заявило о себе во второй половине 60-х гг. XIX в. Демократизация общественных отношений определила тот факт, что именно женщины проявили инициативу в решении задач развития народного образования. В это время во многих городах Англии стали устраиваться дамские общества с целью организации научных бесед. Профессор Д. Стюарт принимал участие в подобных мероприятиях. В 1867 г. он по приглашению учительниц прочитал небольшой образовательный курс из восьми лекций по астрономии в Ливерпуле, Манчестере, Шеффилде и Лидсе. Полученный опыт убедил Стюарта в необходимости новых методических подходов к организации подобных занятий. Предложенная им система образования существенным образом отличалась от обычных публичных лекций, периодически организуемых в провинциальных территориях Англии с целью удовлетворения потребности публики в самообразовании.

Модель University Extension практически сразу вызвала значительный интерес специалистов, исследующих проблемы развития образования. Английский ученый Р. Робертс, имевший непосредственное отношение к организации таких занятий изначально в качестве лектора, позже, с 1881 г., в качестве ассистента и ответственного секретаря специально созданного в 1875 г. Синдиката для устройства провинциальных лекций при Кембриджском университете (Cambridge Syndicate), с 1886 г. как секретарь Лондонского общества для распространения университетского образования (London Society for the Extension of University Teaching), сформированного в 1875 г., провел тщательный анализ 18-летнего опыта (с 1873 г.) теории и практики этого образовательного движения [Roberts, 1891].

Р. Робертс выделил несколько характерных признаков, присущих новой, стремительно развивающейся модели высшего образования. Во-первых, он подчеркнул, что она обеспечивала новые подходы к содержанию естественно-научного, технического и гуманитарного знания в соответствии с требованиями времени. По его мнению, даже такие традиционные области научного знания, как философия, история и литература, нуждались в новом идейном содержании, призванном содействовать социальному благополучию.

Во-вторых, Р. Робертс отмечал уникальность самой методики обучения, тщательно проработанной Д. Стюартом. Робертс писал, что образовательная система University Extension отличалась новой и специфической методикой обучения, основанной на выполнении ряда обязательных работ: «Эффективность реализации образовательной системы University Extension определялась привлечением значительного количества желающих учиться и вместе с тем высоким

качеством образования. Данная модель включала в себя посещение еженедельных лекций, которые сопровождались так называемыми “классами”, где обсуждались наиболее важные вопросы; “силлабус”, который представлял собой подробный конспект лекций, предназначенный для предварительной подготовки слушателей к аудиторному занятию; регулярные еженедельные письменные работы. Образовательный курс заканчивался итоговым экзаменом» [ibid.: 7].

В-третьих, существенной характеристикой нового социального движения являлось признание прав женщин на образование и необходимости обеспечения условий для их интеллектуального и культурного развития. Наиболее приемлемой для удовлетворения данной потребности оказалась модель University Extension. Впрочем, эта методика создавала уникальные условия для удовлетворения возрастающей потребности в получении высшего образования в широких кругах английского общества независимо от социального статуса.

Таким образом, систематический курс лекций, силлабус, письменные работы и класс стали основными методами обучения по типу University Extension. Для прослушавших не менее двух третей лекций и сдавших не менее двух третей письменных работ назначался экзамен по изучаемой дисциплине. К экзамену предъявлялись те же требования, что и к студентам университета. В целом подобные занятия требовали около двух лет. Слушатель, выдержавший экзамен по предусмотренной программе, получал звание «студента, аффилированного при университете». Это давало право окончить курс в университете в двухлетний срок и держать экзамен на степень бакалавра [ibid.: 8—9].

По просьбе профессора Д. Стюарта Кембриджский университет взял под свое покровительство организацию курсов по самообразованию заинтересованной в этом публики. В ряде городов (Нью-Кастл, Дерби, Эксетер, Гул, Плимут, Скарборо, Сендерленд) были созданы филиалы University Extension.

Инициатива Кембриджского университета была подхвачена Оксфордом и Лондоном. Здесь при университетах также были организованы общества для распространения университетского образования. Следует отметить, что особое внимание Оксфордское общество University Extension уделяло организации лекций в провинциальных районах Англии, где потребность в высшем образовании проявлялась особенно остро. Ощувив недостаток учебной литературы, Оксфордское общество стало издавать для слушателей более подробные в сравнении с кембриджскими силлабусы. Кроме того, активное применение получили так называемые подвижные библиотеки для студентов, создававшиеся при провинциальных филиалах University Extension. Проблема обеспечения студентов учебной литературой тем самым была решена. Вместе с тем оксфордские специалисты University Extension более гибко подходили к продолжительности лекционных занятий. Они, в отличие от кембриджских коллег, вместо 12-часовых лекций отдали предпочтение более коротким курсам (до шести лекций), больше внимания уделяли практическим аспектам исследуемой проблематики.

Подобно Кембриджу и Оксфорду Лондонское общество распространения университетского образования осуществляло активную деятельность. Уникальной формой работы, помимо упомянутых, в Лондоне стала организация особых университетских поселений. Они состояли из нескольких домов, в каждом

из которых находилось какое-либо просветительское учреждение. Университетские поселения осуществляли не только образовательную деятельность, содействовали самообразованию слушателей, но и занимались организацией досуга взрослых и детей.

В целях повышения эффективности деятельности в 1886 г. было создано Соединенное бюро университетов, в состав которого вошли Кембриджская, Оксфордская и Лондонская организации University Extension. Бюро занималось решением управленческих задач, в частности организацией образовательных курсов, подготовкой лекторских кадров, исследованием проблем качества образования и др. Одним из серьезных в организации обучения был вопрос финансовый. Отметим, что обучение было платным. Стоимость одного курса из 12 лекций и классов составляла 40—45 фунтов стерлингов, иногда, в зависимости от численности аудитории, примерно на 10 фунтов стерлингов меньше. Самые дорогие программы обходились слушателям в 60—70 фунтов стерлингов. Курсы для женщин, которые проводились обычно в утренние или дневные часы, обходились дороже [ibid.: 53—54]. Тем не менее эти образовательные программы были очень востребованны.

Р. Робертс выделял три категории представителей английского общества, которые в значительной степени были заинтересованы в образовании, организованном по типу University Extension. Прежде всего это были женщины и лица, имеющие для таких занятий свободное время; во-вторых, молодежь из среднего класса, клерки, а также лица, не занятые по вечерам; в-третьих, ремесленники и рабочие [ibid.: 12]. Для них занятия также проводились в вечернее время. Студенческая аудитория была полна «энтузиазма и ответственности», что обеспечило востребованность и «жизнеспособность» «новой модели высшего образования» [ibid.: 16].

Приведем некоторые факты относительно численности студентов, посещающих занятия. Так, в 1892—1893 гг. в Оксфорде было проведено 238 курсов, Кембридже — 233, Лондоне — 136. Общее число слушателей в Оксфорде в это время составило 23 051 человек (при средней численности учебной группы 98 человек), в Кембридже — 15 824 (68 человек соответственно), в Лондоне — 13 374 (98). Среди слушателей количество выдержавших экзамен составило: в Оксфорде — 1295 (5,6 %), в Кембридже — 1730 (10,9 %), в Лондоне — 1231 (9 %) [Миллюков, 1902: 805—806]. Как ни странно, в самой Англии скромно оценивали достижения новой модели образования. Больше внимания уделялось необходимости повышения качества образования слушателей, качеству подготовки преподавательских кадров, решению финансовых вопросов, связанных с обучением.

Отмечалось, что в процессе образовательной деятельности имели место определенные сложности. Давала о себе знать слабая начальная подготовка слушателей, особенно среди рабочих. Возникали трудности с выполнением еженедельных письменных работ. Остро ощущался недостаток времени в связи с загруженностью на работе, привлечением к сверхурочной трудовой деятельности. Определенные неудобства доставляла работа по сменам. Тем не менее обучение продолжалось. Осенью 1879 г. в Нортгемберленде (Northumberland), где впервые и с большим успехом было организовано обучение ремесленников и рабочих, наиболее востребованными оказались курсы по естествознанию,

истории Англии, геологии, горному делу, химии, физиологии, физической географии, английской литературе. Особый интерес вызывали курсы по политической экономии [Roberts, 1891: 22—25].

Спрос на занятия был невероятный. Р. Робертс приводит в качестве примера выдержки из писем слушателей курсов. Кто-то из них, чтобы попасть на занятия преодолевал путь в шесть или десять миль, кто-то добирался поездом, а домой возвращался пешком. «Это продолжалось регулярно в течение трех месяцев, в темные ночи, по ужасно плохим дорогам в любую погоду. Бывали случаи, когда приходилось возвращаться домой в жуткий шторм по дорогам, размытым ливнем, по пояс в воде. Поэтому не удивительно, что такие люди показывали блестящие знания на экзаменах и с успехом организовывали работу местных центров образования в своих населенных пунктах. Этот миссионерский дух полностью отвечал характеру общественного движения University Extension» [ibid.: 26].

Проблема доступности занятий, организованных по типу University Extension, поднималась на одной из конференций в Кембридже летом 1890 г. На этой конференции бурно обсуждалась речь преподавателя Т. Лауренса. Он актуализировал необходимость развития University Extension в сельской местности. Обучение в городе требовало больших затрат. Тем не менее важно было предоставить возможность сельским жителям получать такое же образование, как в городе. Наиболее приемлемой формой работы в отдаленной местности Т. Лауренс считал организацию небольших учебных групп с приезжими преподавателями, что позволило бы охватить образованием огромное количество сельских жителей, как мужчин, так и женщин, и выиграть схватку с «интеллектуальным невежеством» («the battle against intellectual darkness»). Вскоре это предложение получило реализацию [ibid.: 49—50, 63].

Безусловно, огромный интерес представляют мнения людей, получивших уникальную возможность приобщиться к образовательной деятельности по методике University Extension. Приведем отрывок из письма «обычного рабочего человека», слушателя 30-летнего возраста, который стеснялся своей необразованности и провинциальности. Переживая, что недостаточно хорошо выполнил письменную работу, он обращается к своему преподавателю: «...Вы, сэр, возможно думаете, что изучение человеком, не имеющим даже элементарного образования, такой великой науки, как астрономия, является полным абсурдом. Я допускаю, сэр, что это так, однако надеюсь на Вашу благосклонность в оценке правильности моих астрономических взглядов... Я прошу прощения за несовершенство моей работы. Понимая свое невежество в присутствии более образованных людей, которых я видел на Ваших вечерних лекциях, я попытаюсь побороть это чувство, я не могу упустить первую и, вероятно, единственную возможность получить образование» [ibid.: 33].

Обращая внимание на качество учебных работ, следует привести выдержку из письма лектора по химии, который работал в одном из центров University Extension в восточной части страны. Руководству центра он сообщал, что еженедельные письменные работы студентов, большинство из которых трудятся на фабриках, заслуживают «поощрения». Многие выражают интерес к изучаемой дисциплине, регулярно консультируются по различным

практическим вопросам. Поэтому в целях эффективного использования и без того ограниченного времени «он сделал предложение слушателям на следующем классе сообщить результаты выполненных работ и обсудить возникшие вопросы, предварительно согласовав их с преподавателем, в теплой атмосфере во время обеда, до начала лекционных занятий» [ibid.: 35—36].

В современных условиях кризиса мотивации учебной деятельности до глубины души поражает искренность намерений и энтузиазм английских студентов конца XIX в. На этот факт обращал внимание и Р. Робертс. Для примера он приводил занятия по экономике, которые посещала многочисленная аудитория рабочих. Р. Робертс сообщал: «“Класс”, который следовал за лекционным занятием, был настолько востребован аудиторией, что затягивался до позднего часа. Свободное обсуждение вопросов, живые и бурные дискуссии показывали реальный интерес и страстное желание студентов выявить действие принципов политической экономии в повседневной жизни» [ibid.: 36].

Постепенно новая образовательная модель стала неотъемлемой частью национальной системы высшего образования Англии. Непрерывное совершенствование теории и практики University Extension при поддержке благотворительных ресурсов обеспечило феноменальные результаты. Развивались не только образовательные технологии, обуславливавшие высокое качество образования, но и формы организации обучения. Значительное внимание уделялось созданию особых колледжей, финансируемых из местного бюджета, которые содействовали решению проблем, возникающих в процессе обучения.

В континентальной Европе движение University Extension также имело место и было весьма успешным, особенно в Бельгии, Австрии, Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии. Число слушателей в крупных городах Западной Европы достигало 4—6 тыс. (и более) ежегодно. Важно обратить внимание на тот факт, что в Вене подобные занятия были бесплатными, поскольку венская профессура добилась правительственной субсидии на организацию этой деятельности. До 70 % слушателей составляли ремесленники, торговцы, рабочие [Chapin, 1894].

В конце 80-х гг. XIX в. об University Extension стало известно в Северной Америке. Первоначально здесь нашли широкое применение публичные лекции и курсы. Они организовывались специальными обществами самообразования — «лицеями». Если в Англии впервые была осуществлена практика провинциальных лекций университетского типа, то в Северной Америке, наряду с лекциями, использовали и другие формы работы. Огромное значение в практике американской модели University Extension получили летние съезды учащихся и руководство домашним чтением в целях самообразования по переписке. Последнее стало прототипом заочной формы обучения. В начале XX столетия такими «заочными курсами» было охвачено полтора миллиона учеников. Обучение на этих курсах являлось доступным для всех работающих. Родиной нововведений системы общественного образования Северной Америки стал провинциальный городок Штоква, расположенный между Нью-Йорком и Чикаго.

Инициатором введения английской системы University Extension в Америке стал профессор Адамс из Университета Джонса Хопкинса в Балтиморе.

В 1890 г. под началом профессора Адамса было создано Общество распространения университетского образования в Филадельфии. В его функции входила организация публичных лекций в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне и Филадельфии [University Extension, 1891].

Главной отличительной чертой американской модели University Extension, в сравнении с английской, стала возможность осуществления массового самообразовательного движения совместно с государственными структурами: университетами, библиотеками, музеями, другими учреждениями культуры и образования. Это обеспечивало стабильную финансовую поддержку государства. Движение University Extension стало рассматриваться как составная и законная часть общей системы народного образования Северо-Американских Соединенных Штатов [Bittner, 1920].

По мнению известной американской общественной деятельницы Августы Чапин, идея University Extension в полной мере отвечала требованиям демократизации системы образования. Она отмечала, что важнейшими принципами развития модели University Extension в Америке являлись «принципы абсолютной демократии, доступности образования для людей любого возраста независимо от социального статуса, уровня культурного развития, половой принадлежности» [Chapin, 1894: 397].

Вот некоторые цифры относительно численности студентов, посещающих занятия. Так, в 1892—1893 гг. в Филадельфии было проведено 108 курсов, в Чикаго — 122, в Нью-Йорке — 34. Общее число слушателей в Филадельфии в это время составило 18 822 человека (при средней численности учебной группы 174 человека), в Чикаго — 24 822 (203 человека соответственно), в Нью-Йорке — 3667 (108). Среди слушателей количество выдержавших экзамен составило: в Филадельфии — 388 человек (2 %), в Чикаго — 486 (1,9 %), в Нью-Йорке — 142 (3,9 %) [Милюков, 1902: 805—806].

Специалисты отмечали, что при таком значительном размахе University Extension в Англии и Америке только один из 20 слушателей доходил до сдачи экзамена по образовательному курсу. Наиболее высокие показатели результативности образовательной деятельности были характерны для Кембриджа (один из 10 сдавал экзамен). Это объяснялось большей продолжительностью кембриджских курсов и «наиболее серьезной постановкой University Extension» [там же: 806—807].

Важно отметить, что образовательная система University Extension, возникшая в XIX в., имела грандиозный успех и продолжает развиваться в настоящее время. Одним из примеров является Институт Лоувелла (Lowell Institute), основанный в 1836 г. Сегодня он входит в систему Гарвардского университета (Harvard Extension School) и обеспечивает широкие возможности в области образования (<http://nrs.harvard.edu>). Как отмечает Микаэль Шинагель, декан и преподаватель факультета дополнительного образования Гарвардского университета, а также специалист, изучающий историю University Extension (Michael Shinagel, Dean of Continuing Education and University Extension), к «концу XIX века Институт Лоувелла установил ошеломляющий рекорд по обеспечению возможности получить образование всем стремящимся в Могущественный Бостон: благодаря руководству института реализовывалось 430 лекционных

курсов, или 4400 лекций, по различным областям научного знания, религии, литературе и искусству» [Shinagel, 2009].

Система University Extension обеспечивала широкие возможности всем желающим учиться. Так, профессор Г. Палмер, реализующий в ней курс по истории древней философии, 15 июня 1910 г. на церемонии вручения сертификатов слушателям подчеркнул, что данные программы доступны всем — «и молодым и взрослым, людям любого цвета кожи, ремесленникам и учителям, мужчинам и женщинам» [ibid.].

Историю образования и персонального менеджмента в России в конце XIX в. невозможно характеризовать, не принимая во внимание общественное движение University Extension [Милюков, 1896; Lyskova, 2014h]. Первым опытом внедрения этой системы в России было учреждение своеобразных обществ для содействия самообразованию [Лыскова, 2014e]. Отметим, что в 1893 г. в Москве при учебном отделе Общества распространения технических знаний начала работу Комиссия по организации домашнего чтения под руководством П. Н. Милюкова. В 1894 г. в Санкт-Петербурге при Учебно-воспитательном комитете Педагогического музея военно-учебных заведений открылся Отдел для содействия самообразованию. Одним из организаторов и активных деятелей названного Отдела был русский ученый Н. И. Кареев. Он с глубокой симпатией воспринял процессы, обеспечивающие стремительное развитие народного образования в странах Западной Европы и Северной Америки. Движение University Extension, писал он, «имеет значение серьезного исторического факта, так как указывает на глубокие изменения, совершившиеся в общественной жизни» [Кареев, 1901: 66]. Н. И. Кареев выступал за демократизацию системы образования, равноправие мужчин и женщин в деле получения образования. Он подчеркивал, что право на образование — это естественное право личности, которого были лишены многие молодые люди, особенно девушки [там же: 107].

Н. И. Кареев имел огромный опыт преподавательской деятельности, как педагог он пользовался признанием коллег и учащейся молодежи. Непосредственным образом Кареев был связан с системой женского образования (см.: [Лыскова, 2010]). Некоторое время он работал учителем истории в Женской классической гимназии, основанной в 1872 г. С. Н. Фишер. Долгие годы Кареев читал лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге. Здесь он убедился, насколько велико было стремление девушек к высшему образованию. Позже Кареев писал: «Слушательницы курсов были на первых порах подготовлены к научным занятиям заметно меньше, а потому больше, чем студенты, напоминали школьниц, но мало-помалу это различие сгладилось, так что “курсистки” начала XX века уже были настоящими студентками» [Кареев, 1990: 180].

Деятельность московской Комиссии по организации домашнего чтения и петербургского Отдела для содействия самообразованию вызвала значительный интерес российской молодежи [Кареев, 1895, 1900]. Подобно зарубежным коллегам русские ученые взяли на себя руководство домашним чтением по переписке с теми, кто был заинтересован в углублении и совершенствовании своих знаний в области какой-либо науки. Наряду с этим, существенное значение имела организация публичных лекций в провинции. Серьезную постановку дела получила подготовка особых программ самообразовательного чтения.

Эти три направления стали главными в деятельности новых общественных организаций, основанной по преимуществу на энтузиазме российской профессуры и поддержке благотворителей. Государство не считало нужным содействовать развитию этого начинания.

Тем не менее потребность российского общества в образовании заявляла о себе все громче. Приведем лишь некоторые факты. В 1895—1899 гг. в переписке с Комиссией по организации домашнего чтения состояло 1473 человека, в середине 1899 г. — 585 человек. Несмотря на дороговизну почтового сообщения, читателям было доставлено 6000 книг. Большинство подписчиков на учебную литературу проживали в уездных городах и сельской местности (58 %), 17 % — в губернских городах, около 25 % — в университетских, т. е. три четверти читателей остро нуждались в помощи специалистов Комиссии. Большую часть подписчиков составляли мужчины (около 65 %). В основном это были служащие на железных дорогах, в банках, различных конторах и на промышленных предприятиях. Количество представителей педагогической профессии сократилось с 24,6 % в 1895 г. до 13 % в 1897 г. Процент учащихся существенно возрос — с 3,6 % до 16,3 % за тот же период. Большинство мужчин-подписчиков (56 %) не имели среднего образования. Их интерес главным образом был сосредоточен на общественных (33 % читателей) и философских (19 %) науках. Среди женщин-подписчиц 48 % занимались педагогической деятельностью, 34 % не имели определенных занятий. Только две трети женщин окончили среднюю школу. Читательский интерес женщин был связан с историей (20 % читательниц), философией (20 %), литературой (19 %) и общественными науками (16 %) [Милюков, 1902: 807—809].

Организация и проведение публичных лекций в условиях России оказались делом очень трудным. Во-первых, имели место различные формальности, связанные с получением разрешения на проведение лекций. Нередко переговоры об организации мероприятия заканчивались безрезультатно. Во-вторых, остро ощущался недостаток лекторских кадров, способных выехать в провинцию. В-третьих, спрос на лекции среди российской публики был не столь велик, как в Западной Европе и Северной Америке. Во многом это было связано с очень низким уровнем образованности. Безусловно, «инертность публики» объяснялась и материальными трудностями. Тем не менее энтузиазм сотрудников первых обществ для содействия самообразованию вызывает уважение.

Таким образом, общественное движение University Extension оказало существенное влияние на развитие системы образования и персонального менеджмента в странах Западной Европы и Северной Америки. Безусловно, это движение обеспечило определенный импульс для развития персонального менеджмента и системы дополнительного образования в России. Однако по политическим мотивам в конце XIX — начале XX в. для российского общества наиболее актуальным был вопрос ликвидации массовой безграмотности населения, обеспечения доступности всеобщего среднего образования независимо от социального положения и половой принадлежности. Требовалось переосмысление роли государства в процессе развития системы общего и профессионального образования в России.

Библиографический список

- Кареев Н. И.* Отдел для содействия самообразованию в Комитете Педагогического музея военно-учебных заведений // Историческое обозрение. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. Т. 8. С. 18—20.
- Кареев Н. И.* Самообразование // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. АО «Издат. дело бывшее Брокгауз — Эфрон», 1900. Т. 28. С. 220—223.
- Кареев Н. И.* Идеалы общего образования. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 127 с.
- Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
- Лыскова И. Е.* Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева / Коми респ. акад. гос. службы и управления. Сыктывкар, 2010. 180 с.
- Лыскова И. Е.* К вопросу истории экономического образования в России конца XIX — начала XX века // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сборник статей по материалам XXXVIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014а. № 6 (38). С. 27—34.
- Лыскова И. Е.* Н. И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента // Женщина в российском обществе. 2014b. № 3 (72). С. 80—86.
- Лыскова И. Е.* Кареев Н. И. о проблемах экономического образования в России конца XIX — начала XX века // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во Центра регион. науч. сотрудничества, 2014с. С. 16—24.
- Лыскова И. Е.* Н. И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: журнал научных публикаций. 2014d. № 7. С. 162—166.
- Лыскова И. Е.* Роль обществ для содействия самообразованию в становлении системы персонального менеджмента в России // Управление инновациями: теория, методология, практика: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во Центра регион. науч. сотрудничества, 2014е. С. 47—52.
- Лыскова И. Е.* Философские и социологические корни персонального менеджмента // В мире научных открытий. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014f. № 7.2 (55). С. 757—776.
- Миллюков П.* «Распространение университетского образования» в Англии, Америке и России // Русское богатство. 1896. № 3. С. 79—121.
- Миллюков П.* University Extension // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. АО «Издат. дело бывшее Брокгауз — Эфрон», 1902. Т. 34. С. 803—809.
- Миллюков П.* Очерки по истории русской культуры. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. Ч. 2: Церковь и школа: (вера, творчество, образование). 365 с.
- Bittner W. S.* The University Extension Movement. Washington: Government Printing Office, 1920. 125 p.
- Chapin D. D.* University Extension // The Congress of Women. Chicago, 1894. P. 393—397. (Encyclopedia Britannica. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women> (дата обращения: 26.12.2014)).
- Lyskova I. E.* The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolai Kareev // In the World of Scientific Discoveries. Ser.: Human and Social Sciences. 2014g. № 9.3 (57). P. 1229—1241.

- Lyskova I. E. The sources of self-management in Russia // The Second International Conference on Economic Sciences, June 16, 2014 : Proceedings / “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014h. P. 40—46.
- Roberts R. D. Eighteen Years of University Extension. Cambridge: Cambridge University Press, 1891. 134 p.
- Shinagel M. The Lowells of Boston and the founding of University Extension at Harvard, 2009. 11 p. // Harvard University’s DASH repository. URL: <http://harvard.edu/urn-3> (дата обращения: 26.12.2014).
- University Extension: Its Definition, History, System of Teaching and Organization. Philadelphia: The American Society of the Extension of University Teaching, 1891. 8 p.

References

- Bittner, W. S. (1920) *The University Extension Movement*, Washington: Government Printing Office.
- Chapin, D. D. (1894) University Extension, in: *The Congress of Women*, Chicago, pp. 393—397. (Encyclopedia Britannica, available from <http://digital.library.upenn.edu/women> (accessed 26.12.2014)).
- Kareev, N. I. (1895) Otdel dlia sodeĭstviia samoobrazovaniuu v Komitete Pedagogicheskogo muzeia voenno-uchebnykh zavedeniĭ [Educational Committee of the Pedagogical museum of military schools the Department of assistance to self-education], in: *Istoricheskoe obozrenie*, St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, vol. 8, pp. 18—20.
- Kareev, N. I. (1900) Samoobrazovanie [Self-education], in: Brokgauz F. A., Ėfron I. A. (eds) *Ėntsiklopedicheskiĭ slovar’*, St. Petersburg: Tipografiia aktsionernogo obchshestva “Izdatel’skoe delo byvshee Brokgauz — Ėfron”, vol. 28, pp. 220—223.
- Kareev, N. I. (1901) *Idealy obshchego obrazovaniia* [The ideals of comprehensive education], St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha.
- Kareev, N. I. (1990) *Prozhitoe i perezhitoe* [Memoirs], Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta.
- Lyskova, I. E. (2010) *Nauchno-pedagogicheskie vzgliady Nikolaia Ivanovicha Kareeva* [Scientific and pedagogical views of Nikolai Ivanovich Kareev], Syktyvkar: Komi respublikanskaia akademiia gosudarstvennoĭ sluzhby i upravleniia.
- Lyskova, I. E. (2014a) K voprosy istorii ėkonomicheskogo obrazovaniia v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka [To the point of history of economic education in Russia at the end of the XIX and at the beginning of the XX century], in: *Ėkonomika i sovremennyĭ menedzhment: teoriia i praktika: Sbornik stateĭ po materialam XXXVIII Mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Novosibirsk: Izdatel’stvo SibAK, no. 6 (38), pp. 27—34.
- Lyskova, I. E. (2014b) N. I. Kareev o problemakh zhenskogo obrazovaniia v aspekte personal’nogo menedzhmenta [The problems of woman’s education in Russia in the aspect of self-management in the interpretation of Nikolai Kareev], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (72), pp. 80—86.
- Lyskova, I. E. (2014c) Kareev N. I. o problemakh ėkonomicheskogo obrazovaniia v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka [N. I. Kareev about the problems of economic education at the end of the XIX and at the beginning of the XX century], in: *Sovremennye tendentsii v ėkonomike i upravlenii: novyiĭ vzgliad: Sbornik materialov XXVI Mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Novosibirsk: Izdatel’stvo Tsentra regional’nogo nauchnogo sotrudnichestva, pp. 16—24.

-
- Lyskova, I. E. (2014d) N. I. Kareev o tseli zhizni i zhiznennom prizvanii [N. I. Kareev about the purpose of life and life aptitude], *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: Zhurnal nauchnykh publikatsii*, no. 7, pp. 162—166.
- Lyskova, I. E. (2014e) Rol' obshchestv dlya sodeistviia samoobrazovaniuu v stanovlenii sistemy personal'nogo menedzhmenta v Rossii [Role of organizations of assistance to self-education in the forming self-management system in Russia], in: *Upravlenie innovatsiiami: teoriia, metodologiya, praktika: Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Novosibirsk: Izdatel'stvo Tsentra regional'nogo nauchnogo sotrudnichestva, pp. 47—52.
- Lyskova, I. E. (2014f) Filosofskie i sotsiologicheskie korni personal'nogo menedzhmenta [The philosophic and sociological roots of self-management], *V mire nauchnykh otkrytii, seriia Sotsialno-gumanitarnye nauki*, no. 7.2 (55), pp. 757—776.
- Lyskova, I. E. (2014g) The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolai Kareev, *In the World of Scientific Discoveries*, ser. Human and Social Sciences, no. 9.3 (57), pp. 1229—1241.
- Lyskova, I. E. (2014h) The Sources of self-management in Russia, in: *The Second International Conference on Economic Sciences, June 16, 2014: Proceedings*, Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, pp. 40—46.
- Miliukov, P. (1896) “Rasprostranenie universitetskogo obrazovaniia” v Anglii, Amerike i Rossii [The University Extension Movement in England, America and Russia], *Russkoe bogatstvo*, no. 3, pp. 79—121.
- Miliukov, P. (1897) *Ocherki po istorii russkoi kul'tury*, chast' 2, Tserkov' i shkola: (Vera, tvorchestvo, obrazovanie) [Studies on the history of Russian culture, pt. 2, Church and school: (Faith, creation and education)], St. Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova.
- Miliukov, P. (1902) University Extension, in: Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (eds) *Éntsiklopedicheskii slovar'*, St. Petersburg: Tipografiia aktsionernogo obchshestva “Izdatel'skoe delo byvshee Brokgauz — Efron”, vol. 34, pp. 803—809.
- Roberts, R. D. (1891) *Eighteen Years of University Extension*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Shinagel, M. (2009) The Lowells of Boston and the founding of University Extension at Harvard, Harvard University's DASH repository, available from <http://harvard.edu/urn-3> (accessed 26.12.2014).
- University Extension: Its Definition, History, System of Teaching and Organization* (1891), Philadelphia: The American Society of the Extension of University Teaching.

ББК 76.17+83.3(2=411.2)6-008.7

Л. Д. Титарева

КНИГОИЗДАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в.

Статья посвящена анализу развития женской прозы в России начиная с 1980-х гг., обусловленного изменениями на рынке книгоиздания. Возможности, появившиеся в книгоиздательской деятельности, выступили одним из факторов возникновения такого культурного феномена, как женская проза. При рассмотрении темы используется комплексный, системный и гендерный подходы, что расширяет спектр культурологических исследований.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, гендерный подход, женская проза, культурный феномен, книгоиздание, самоидентификация, книжная серия, женщины-писательницы, литература, массовая культура.

L. D. Titareva. Publishing industry as a factor of the women's prose development at the end of the XX — the beginning of the XXI c.

The article deals with the analysis of the development of women's prose as a function of changes on the market of book publishing in connection with social changes in Russia since the 1980s. The relevance of the article ideas is that the opportunities of the publishing activities were one of the factors in the emergence of such a cultural phenomenon as women's prose.

It gives a detailed analysis of the women writers' works published in Russia from the 1980s until 2012. The author concludes that at the end of the 1990s the events on the Russian book market suggest that there was a steady increase of the role of women's prose and the attitude toward women's literature has changed significantly. So, all that is associated with the feminine creativity becomes a particular brand which is used by many publishers to increase their sales.

The theoretical value of the article is that the author expands the range of cultural studies using comprehensive, systemic and gender approaches in considering the emergence and development of women's prose in Russia at the end of the twentieth century.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 119—125

© Титарева Л. Д., 2015

Титарева Лариса Дмитриевна — аспирантка кафедры теории и истории, культуры искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет; заведующая Забайкальским региональным центром Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, Забайкальская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина, г. Чита, Россия, lora-titareva@mail.ru (PhD student of the Department of Theory and History, Arts and Design of Transbaikal State University, Head of the Transbaikal Regional Center of Presidential Library named after Boris Yeltsin, Transbaikal Regional Universal Scientific Library named after Alexandre Pushkin, Chita, Russia).

The practical significance of the work is that the article considers the publishing as one of the main factors of the women's prose development in Russia in the late twentieth and early twenty-first centuries.

The sources quoted in the article reflect the modern point of view on the problem under study and confirm the author's conclusions that the changes on the publishing market have influenced the development of women's prose in Russia.

Key words: social and cultural situation, a gender approach, women's prose, cultural phenomenon, publishing, self-identification, book series, women writers, literature, popular culture.

На становление женской литературы конца XX в. в России определенное влияние оказали перемены в практике книгоиздательства, которые напрямую были связаны с социокультурной ситуацией, сложившейся в постсоветской стране.

До конца 1980-х гг. государство не только контролировало идеологию, но и устанавливало репертуар всех учреждений культуры (театров, концертных организаций, музеев, клубов, библиотек и др.), регулировало литературный процесс и книгоиздательство. Впоследствии оно отказывается от регулирующей роли в культуре. В стране происходит усложнение социальной структуры общества, разрушение привычных механизмов адаптации и социализации людей, что приводит к менее устойчивому и стабильному социуму.

Россия впервые за последние семьдесят лет входит в область свободы, что позволяет социокультурному пространству в этот период быть пронизанным разносторонними процессами. В результате россияне освобождаются от навязываемых государством культурных стандартов и стереотипов. Значительная часть культурного производства начала работать на удовлетворение разнообразных запросов, что сформировало конкурентоспособную отрасль, ориентированную на потребителя. Таким образом, произошедшие во второй половине XX в. в России процессы модернизации и становление постиндустриального (информационного) этапа технологического развития в культурной сфере привели к переходу от советской директивной культуры к культуре массовой и открытой. Такие же трансформации наблюдались на книгоиздательском рынке.

Популярность писателей и произведений, сохранявшаяся в советское время, с конца 1980-х гг. меняется очень быстро. В исследовании Н. Л. Ионочкина, проведенном на базе ГПНТБ СО РАН, приводятся следующие показатели распределения читательских интересов: «женский» детектив предпочитают 24 % опрошенных, женскую прозу — 19 %, российский боевик — 18 %, историко-приключенческую классику — 16 %, современную историческую прозу — 14 %, русскую советскую классику — 11 %, классические зарубежные детективы — 9 %, книги о Великой Отечественной войне — 9 %, русскую дореволюционную классику — 9 %, зарубежную классику — 8 %, научную фантастику — 6 %, фэнтези — 5 %, современную отечественную прозу — 5 %, новые западные детективы — 4 %, современную зарубежную прозу — 4 %, поэзию — 2 % [Ионочкин, 2007: 121]. Трудно не заметить, что тексты, написанные женщинами, занимают первое место в читательских предпочтениях. Это связано с тем, что в новой России возникают проблемы духовной самоидентификации женщины. Как следствие, появляется ряд произведений, в которых поднимаются соответствующие вопросы.

Естественно, что в первую очередь в их число входят художественные произведения, созданные женщинами и ярко выражающие компенсаторную функцию культуры, которая становится актуальной в ситуации социального перелома и экономической нестабильности. Это обусловлено тем, что литература как вид искусства, с одной стороны, становится ближе к реальности, поскольку описывает конкретных людей и конкретные события, с другой стороны, имеет дело с вымышленными образами, которые могут быть намного предпочтительней реальных. Поэтому чрезмерное увлечение миром литературных героев приводит к уходу от действительности, переносу существования в вымышленный мир. Так читатель как бы символически освобождается от накопившихся проблем и трудностей, получает утешение и надежду. Художественные тексты, написанные В. Токаревой, Л. Улицкой, Д. Рубиной и другими, в полной мере выполняют эту функцию, что естественным образом повысило спрос на данные произведения.

Издательский бум, связанный с женской прозой, начался с 1989 г. Один за другим стали выходить сборники — «Женская логика» (1989), «Не помнящая зла» (1990), «Чистенькая жизнь» (1990), «Новые амазонки» (1991), «Жена, которая умела летать» (1993), «“Glas” глазами женщины» (дайджест 1993 г.), «Чего хочет женщина...» (1993), включавшие рассказы, повести, пьесы известных на тот момент и малоизвестных писательниц (Ю. Немировская, Е. Глинка, Р. Мустонен, Г. Скворцова). Эти сборники сопровождались публикацией манифестов и программных выступлений, в которых были представлены эстетические и идеологические позиции авторских коллективов. Специфика подбора текстов, во-первых, демонстрировала присутствие женщины в литературе, во-вторых, заявляла о законном месте женских практик как объекта художественного исследования. Все это свидетельствовало о необходимости демонстрации в литературе этого периода образа Другого и о потребностях книгоиздательского рынка.

Критик Т. Морозова одна из первых заметила интерес читателей 1990-х гг. к женской прозе и отметила это в статье, напечатанной в «Литературной газете»: «Женской литературе принадлежит будущее, а может быть уже и настоящее, и то, как ни странно, исключительно благодаря рынку: мужчины вынуждены крутиться, зарабатывать деньги, а жены тех, кто крутится достаточно успешно, получают вдобавок к материальным благам нечто даже более ценное — свободное время. Соответственно чем меньше досуг достается мужчинам, тем больше женщины читают. И вот ситуации — детективы надоели, слившись в один нескончаемый детектив, телевизор опротивел, от сериала мозги скоро кудахнут, дети взрослые, тут перед взором является женская проза — книги, написанные женщинами, такими же, из этой же страны, со схожим детством, с похожими и мужчинами. О, эта сладость узнавания! Пролетая над нашей все еще огромной страной, я вижу чудную картину: женщины, женщины, много женщин. Они покупают книги женщин, они читают книги женщин про женщин, издатели-женщины издают книги женщин-писательниц для женщин-читательниц, а редко встречающиеся мужчины зарабатывают деньги своим женщинам, чтобы те могли купить книги женщин про женщин. Процесс бесконечен» [Морозова, 1994: 4]. Литературовед Е. И. Трофимова поддерживает данную точку зрения: «В отличие от критиков издатели более точно

улавливают изменение интересов читательской аудитории и вне зависимости от своих личных взглядов на эту проблему стремятся удовлетворить растущий спрос на женскую литературу» [Трофимова, 1998: 149].

Е. И. Трофимова также отмечала: «В настоящее время ситуация определяется не только идеологическими, политическими или морально-психологическими обстоятельствами, но и нарастающим процессом диверсификации литературного и книжного рынка. Свобода печати и книгоиздания поставила и перед издателями, и перед писателями проблему многожанровости и специализации литературной продукции. Сегодня совершенно ясно, что нет некоего обобщенного читателя, а есть совершенно определенные группы со своими эстетическими вкусами, стилевыми и жанровыми пристрастиями, с различными уровнями восприятия художественного слова. И понимание этой ситуации во многом определяет сегодня поведение издателей и литераторов» [там же: 149]. Все это оказывало огромное влияние на развитие женской прозы, которая позволяла на книжном рынке 1990-х гг. заполнить пустующие ниши и удовлетворить запросы читателей.

Выделим еще одну особенность книгоиздания конца 1980-х гг. В это время начинают выходить в свет произведения женщин, которые создавались в XIX в. и были несправедливо забыты. После 1991 г. многие художественные тексты стали издаваться в России официально. В российскую литературу и соответственно культуру вернулись многие имена писательниц XIX в.: были опубликованы произведения А. Ишимовой, Е. Ган, З. Волконской, Е. Ростопчиной, М. Жуковой, А. Панаевой, Н. Хвоцинской, С. Соболевой, М. Цибриковой, М. Крестовской, В. Дмитриевой, Л. Авиловой, О. Шапир. Это дало возможность хотя бы частично восстановить целостность истории развития русской литературы, вернуть читателю те произведения, которые по разным причинам были запрещены советской цензурой.

В частности, Е. И. Трофимова утверждает: «Одним из таких “табу” был эротизм, определявший многое в культуре Серебряного века. Результатом этого особого советского ханжества стало то, что искусство начала XX века в советском книгоиздательстве представало в несколько оскопленном, стерилизованном виде. От него были отсечены такие произведения, как романы Михаила Арцыбашева, поэмы Игоря Северянина, эротическая графика Константина Сомова и др. Среди переизданных в последние годы книг, восстанавливающих истинный облик Серебряного века, можно упомянуть серию “Секс-пир”, выпускаемую с 1994 г. московским издательством “Мистер Икс”. В ее рамках, в частности, изданы романы Анны Мар и Екатерины Бакуниной. Для нас интересны тем, что затрагивают особую область психологии, проблему подсознательного влечения к наслаждению и страданию» [там же: 148]. В данной серии позднее вышли произведения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» и Л. А. Чарской «Вакханка».

Итак, события на книжном рынке России в конце 1990-х гг. свидетельствуют о том, что происходило неуклонное увеличение роли женской прозы, да и само отношение к женской литературе существенно менялось.

В подтверждение этого литературный критик А. Немзер в своей статье «Замечательное десятилетие русской литературы» говорит о бесспорном вкладе

современных авторов в развитие русской литературы и отмечает среди значимых текстов произведения Т. Толстой, Л. Петрушевской, М. Палей [Немзер, 2000: 46].

На фоне развития женской литературы заметным фактом стало то, что в 1996 г. первым секретарем правления Союза российских писателей становится С. Василенко (к тому времени уже известная писательница). В одном из интервью С. Василенко отметила еще одну особенность повышения спроса у книгоиздателей именно на женскую прозу: «Помню, на писательской конференции я набрала самое большое количество голосов и должна была быть избрана руководителем Союза. Поэт Игорь Шкляревский говорит: “Давайте смотреть правде в глаза, лидер должен быть мужиком с большим пузом, с бородой, суметь, когда надо, и выматериться, и выпить с любым начальством, чтобы выбить из того деньги. Вы этого не сможете”. И тогда выбрали мужчину, а через полгода в нем разочаровались. Выбрали меня. Мне кажется, что пришло другое время, когда не нужно пить и материться, чтобы понравиться начальству. Нужно делать дело. И во многих городах женщины начинают его делать» (см.: [Ажгихина, 2004: 92]). Так в 1990-х гг. с приходом рыночных отношений женщина-автор становится для книгоиздателя надежным деловым партнером, который более ответствен при сотрудничестве с ним и тексты которого пользуются безусловным спросом на рынке. Это доказывает тот факт, что позднее многие писательницы, чьи произведения были популярны еще в 1980-х гг., сумели выстоять в сложнейшей ситуации начала 1990-х и сохранить свою читательскую аудиторию. Ярким примером является творчество В. Токаревой, книги которой в последние годы выпускаются многими издательствами («Локид», «Вагриус»). Востребованы произведения Л. Васильевой (издательства «Атлантида», «Вагриус», «Молодая гвардия», «Астрель»). Большими тиражами выходят книги Н. Медведевой («Вспышки», Центрально-Черноземное книжное издательство, «Вагриус»). Л. Петрушевская активно сотрудничает с издательствами «Астрель» и «Амфора». Спросом пользуются книги М. Семёновой («Азбука», «Астрель», «Эксмо»). В издательстве «Эксмо» последние пять лет активно печатаются тексты Л. Улицкой, Д. Рубиной, М. Палей, Л. Петрушевской, Т. Толстой.

Первым издательством, которое рискнуло серийно выпускать женскую прозу, стало издательство «Вагриус». В 1999 г. здесь начинает выходить серия «Женский почерк», в которой в течение трех лет было опубликовано более двадцати книг российских писательниц (М. Вишневецкая, Н. Горланова, С. Василенко, Н. Садур, Л. Петрушевская, М. Палей, О. Славникова, Г. Щербакова и др.) и зарубежных (А. Мердок, Дж. К. Оутс и Ф. Саган). Таким образом, издавая в одной серии произведения отечественных и зарубежных писательниц, «Вагриус» демонстрирует непрерывность традиции женской литературы, которая перешла в российскую литературу из зарубежной.

Женская проза выпускается и другими издательствами. В 2001—2003 гг. в санкт-петербургском издательстве «Алетейя» выходит серия «ПРОза женщин», в составе которой печатаются произведения Н. Григорьевой, Ю. Кисиной, В. Хлебниковой — писательниц, имена которых критики связывают с неофициальной культурой. Это дало возможность создать авангардистскую альтернативу женской прозе, представленной до этого в серии издательства «Вагриус» «Женский почерк» [Улюра, 2007: 243].

В издательстве «Эксмо» в 2004 г. выходила серия «Сильный пол», в которой печатались тексты М. Вишневецкой, О. Кучкиной, О. Николаевой, Л. Улицкой, Т. Толстой. С 2008 г. в «Эксмо» успешно издается серия «Лучшая современная женская проза», в которой выходят произведения уже признанных авторов — Г. Щербаковой, О. Арнольд, О. Татариновой, Н. Горлановой.

В 2009 г. издательство «Китони» сделало попытку создать серию «Женская проза», но в ней вышла только одна книга С. Сологуб «Сказки про...».

С 2011 г. издательство «Астрель» выпускает серию «Проза: женский род», в которой печатаются И. Грекова, Т. Щербина, Ф. Вигдорова, Е. Чижова и другие.

В 2012 г. новые имена в женской литературе открывает издательство «Астрель» в серии «Новая женская проза» (Л. Галль и Т. Дагович).

Особого внимания заслуживает сборник, изданный в 2012 г. в «Астрель» писателем З. Прилепиным, «14. Женская проза “нулевых”», в который вошли 14 рассказов современных малоизвестных российских писательниц, но уже успевших получить литературные премии: А. Андроновой, И. Богатырёвой, К. Букши, А. Ганиевой, А. Ермаковой, П. Клюкиной, Н. Ключарёвой, А. Козловой, М. Кучерской, И. Мамаевой, А. Матвеевой, В. Орловой, А. Старобинец и М. Степновой, в чьих произведениях создается образ женщины начала XXI в.

Все это свидетельствует о том, что женская проза в России развивается и как состоявшийся факт признается литературными критиками и писателями-мужчинами, а также пользуется спросом у читателей и у издателей. По этому поводу Н. В. Воробьева в своем исследовании пишет: «Сегодня хотят читать и писать именно женскую прозу: под женскими именами пишут и мужчины... Пишущие женщины не озабочены утверждением женской прозы, но проза женщин становится едва ли не главным предметом читательского спроса... Ныне женская литература, а точнее, быть может, женское как в литературе, так и вообще в культуре, не просто существует как значимая и обособленная часть, но и занимает “место власти”. Женское сегодня — брэнд: оно лучше продается. И это проявляется не только в приоритетности женских детективов, любовных романов, привлекательности женских псевдонимов в массовой литературной продукции и в распространенной издательской практике женских литературных серий» [Воробьева, 2006: 146].

Таким образом, сложившаяся в конце 1980-х гг. социокультурная ситуация привела к формированию массовой культуры, главной функцией которой становится, по утверждению А. Я. Флиера, «институционализация и универсализация содержания транслируемого социального опыта и ценностных ориентаций, формирование соответствующих общенациональных норм и стандартов социальной и культурной адекватности человека, инициирование его потребительского спроса на стандартизированные формы социальных благ и атрибутов престижности...» [Флиер, 2009: 245]. В итоге развитие книгоиздательского рынка стало зависеть от реального читательского спроса, выраженного в востребованности именно женской прозы. На прилавках книжных магазинов начали появляться книги женщин-писательниц, в которых поднимаются про-

блемы, связанные с женским опытом. Эти книги оказались конкурентоспособными и востребованными.

Библиографический список

- Ажгихина Н.* Новые амазонки изящной словесности // Литературная учеба. 2004. № 2. С. 81—92.
- Воробьева Н. В.* Женская проза 1980—2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2006. 257 с.
- Ионочкин Н. Л.* Читатель России в 1985—2005 гг.: некоторые аспекты социокультурной истории // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 119—122.
- Морозова Т.* Дама в красном и дама в черном // Литературная газета. 1994. 29 июня. С. 4.
- Немзер А.* Замечательное десятилетие русской литературы // Новый мир. 2000. № 1. С. 45—53.
- Трофимова Е. И.* Женская литература и книгоиздание в современной России // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 147—156.
- Улюра А.* «У мужчин — свой зачет, у женщин — свой, отдельный» // Новое литературное обозрение. 2007. № 4. С. 230—254.
- Флиер А. Я.* Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. 705 с.

References

- Azhgikhina, N. (2004) *Novye amazonki iziashchnoi slovesnosti* [New Amazon belles-lettres], *Literaturnaia uchēba*, no. 2, pp. 81—92.
- Ionochkin, N. L. (2007) *Chitatel' Rossii v 1985—2005 gg.: nekotorye aspekty sotsiokul'turnoi istorii* [Russian readers 1985—2005ies: some aspects of socio-cultural history], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 119—122.
- Nemzer, A. (2000) *Zamechatel'noe desiatiletie russkoï literatury* [Remarkable decade of Russian literature], *Novyi mir*, no. 1, pp. 45—53.
- Trofimova, E. I. (1998) *Zhenskaia literatura i knigoizdanie v sovremennoï Rossii* [Women's literature and publishing in modern Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 147—156.
- Uliura, A. (2007) “U muzhchin — svoi zachēt, u zhenshchin — svoi, otdel'nyi” [Men — your credit, and women — their own, separate], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, pp. 230—254.
- Flier, A. (2009) *Kul'turologiia dlia kul'turologov* [Cultural studies to cultural studies], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet kultury i iskusstv.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее, а следовательно, объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Хасбулатова О. А. Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: гендерный аспект	3
Рябов О. В. «Отстоим Волгу-матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы	11
Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны	28
Морозов С. Д. Мужчины, женщины и дети на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны: численность и потери	37

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Казакова А. Ю. «Социальное дно»: кризис гендерной идентичности как показатель глубины дезадаптации	49
Паутова Н. И., Паутов И. С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (По данным 21-й волны RLMS-HSE)	60

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л. Представления о женской чести в российской дворянской культуре (конец XVIII — начало XIX в.)	76
Мицюк Н. А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX—XX вв.	90
Лыскова И. Е. Влияние общественного движения University Extension на развитие системы образования и персонального менеджмента в странах Западной Европы, Северной Америки и России: гендерный аспект	105
Титарева Л. Д. Книгоиздание как фактор развития женской прозы конца XX — начала XXI в.	119
<i>Информация для авторов</i>	126

CONTENTS

ON THE 70th ANNIVERSARY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Khasbulatova O. A. Soviet social policy during the Great Patriotic War, 1941—1945: gender aspect	3
Riabov O. V. “Let us defend Mother Volga!”: the maternal symbol of the river in the discourse of the Stalingrad battle	11
Bolokina L. A. The women of the occupied Kalinin region territory during the Great Patriotic War	28
Morozov S. D. Men, women and children on occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War: the population size and losses	37

GENDER SOCIOLOGY

Kazakova A. Y. “Social bottom”: the crisis of gender identity as an indicator of the depth of disadaptation	48
Pautova N. J., Pautov I. S. Gender characteristics of health self-assessment and perception as a socio-cultural value (Based on the data of the 21st round of RLMS-HSE)	60

WOMEN AND GENDER HISTORY

Lisitsyna O. I., Pushkareva N. L. Notion of female honour in Russian noble culture (late XVIII — early XIX c.)	76
Mitsyuk N. A. Tandem “conscious mother” and doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the XIX—XX cc.	90
Lyskova I. E. The influence of the University Extension Movement on the development of system of education and self-management in the countries of Western Europe, North America and Russia: gender aspect	105
Titareva L. D. Publishing industry as a factor of the women's prose development at the end of the XX — the beginning of the XXI c.	119
<i>Information for the authors</i>	126

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 (75) — 2015

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.03.2015 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 162. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru